

к 74
я 44
к-33 838

**И. Я. ЯКОВЛЕВ
И
ПРОБЛЕМЫ
ЯКОВЛЕВОВЕДЕНИЯ**

«За 50 лет существования Симбирской чувашской учительской школы чувашский народ, вдохновляющийся светом просвещения, ... настолько шагнул вперед, что, несмотря на все еще продолжающуюся его темноту, остановить его в этом поступательном движении уже невозможно».

И.Я.Яковлев, 1919 г.

Ученый Совет Чувашского государственного университета
Институт гуманитарных наук
от 19 января 2000 г.

947

УДК 37.0
БРК 74.03(2)

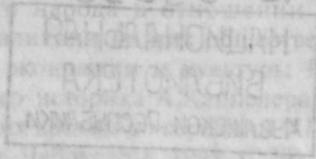
ЯКОВЛЕВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ

И. Я. ЯКОВЛЕВ

И

ПРОБЛЕМЫ

ЯКОВЛЕВЕДЕНИЯ

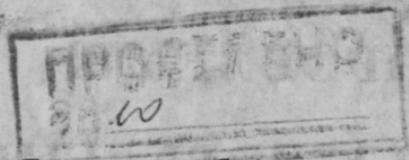
Чебоксары — 2001

03 (2 док. Чув) 5-218.8

Печатается по постановлению
Ученого Совета Чувашского государственного
института гуманитарных наук
от 19 января 2000 г.

УДК 37.0
ББК 74.03(2)
Я 74

Редактор-составитель
академик, доктор искусствоведения М. Г. Кондратьев

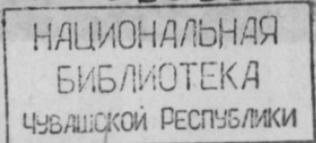

И. Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. Сборник статей. — Чебоксары: ЧГИГН, 2001. — 144 с.

Каждый виток исторического развития придает представлениям о великом просветителе чувашского народа И.Я.Яковлеве (1848—1930) новые ракурсы, привносит новые акценты в осмысление результатов его деятельности. Именно таковыми представляются статьи и материалы, вошедшие в настоящий сборник. Их объединяет стремление авторов — филологов, обществоведов, искусствоведов — расширить контексты изучения деятельности И.Я.Яковлева.

На фронтиспise — «Создатели новой чувашской письменности», центральная часть настенной росписи «Просветители чувашского народа». Слева направо: Д.Ф.Филимонов, И.Я.Яковлев, С.Н.Тимрясов, А.В.Рекеев, В.А.Белилин. 1991 г. ЧГИГН. Выполнена А.М.Федосеевым и В.Ф.Гришаевым под руководством А.А.Трофимова. Фото Б. Ярцева.

к-33838

ISBN 5-87677-063-9

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001 г.

ЯКОВЛЕВВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ

Если представить себе условную кривую, символизирующую динамику этнокультурного развития чувашского народа за последние четыре столетия, иначе говоря — в документированное письменными источниками время, то получится асимметричная вогнутая дуга. Начнется она с высокой точки, соответствующей уровню культуры и экономики крестьянского хозяйства в XVI столетии¹. Уровень этот постепенно понижался в XVII—XVIII веках — это никогда не оспаривалось даже советскими историками. В частности, «нельзя считать также прогрессом, — говорилось о периоде после присоединения к Российскому государству, — замену акапусь [чувашского плуга] сохой (в действительности... она отражала только ослабление и уменьшение тяговой мощи крестьянского хозяйства)»². Самая низкая точка нашей воображаемой дуги окажется сдвинутой к первой половине—середине XIX века: она отобразит экономический упадок и этнокультурную

¹ Вполне сопоставимого с уровнем пришедших в Поволжье русских — вопреки априорно принятому советской историографией одностороннему тезису (восходящему к высказыванию К.Маркса) о цивилизаторской роли России. По данным автора монографии «Первые национальности России: царская империя и народы Среднего Поволжья с XVI по XIX век» (1982) Андреаса Каппелера, «нерусские народы Среднего Поволжья по уровню развития сельского хозяйства не уступали русским, ...положение ясачных людей ввиду проведения политики статус-кво было лучшим, чем у русских крепостных крестьян... Автор считает невозможным говорить о цивилизаторской роли русского народа в отношении народов Поволжья, Востока, о прогрессивном влиянии на них общественно-экономического строя, юридических норм, экономики и культуры России» (*Димитриев В.Д. О трудах швейцарского историка А.Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX века // Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1992. С.29*).

² Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. С.11.

самоизоляцию, выразившуюся в культурном и «идеологическом герметизме» (использую понятие, введенное Ю.М.Артемьевым, одним из авторов настоящего сборника). Именно в середине прошлого века наиболее громко звучали предсказания о неизбежности вымирания чувашей.

Завершится же рисуемая нами «линия жизни» неожиданно крутым подъемом, проявившимся и в образовании, и в сфере культуры, и в национальном самосознании в начале XX в. О некоторой неожиданности этого подъема позволяют говорить не только контраст его с расхожими представлениями российского общества о бедности культурного и интеллектуального потенциалов «инородцев», но и некоторые соотносительные характеристики процессов развития их национального самосознания в этом периоде. Их мы находим, например, в исследовании швейцарского ученого А.Каппелера «Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи». После анализа большого фактического и статистического материала автор ставит вопрос: почему в конце XIX — начале XX вв. национальное движение чувашей «развивалось быстрее и успешнее, чем у других народов?», указывая, что ответ на него могут дать дополнительные сравнительные исследования³.

Думается, для объяснения, — конечно, не исчерпывающего, но, тем не менее, приоткрывающего существенные механизмы замеченного историком чувашского феномена, — следовало бы обратить внимание на масштабы и результаты деятельности И.Я.Яковлева — выдающейся не только по национальным, но и по российским меркам личности из чувашей, возможно, мало известной западному исследователю. Безусловно, Иван Яковлевич Яковлев действовал в русле времени, опирался на идеи и непосредственную поддержку российских просветителей, прежде всего Н.И.Ильминского, и сам вошел в историю как просветитель. Но как раз ему выпала судьба находить способы преодоления национального «герметизма», вывода всего единоплеменного себе этноса на пути современной цивилизации, приемлемые как для властей

³ Известия Национальной академии наук и искусств ЧР, 1996. № 2. С. 209.

империи, стороживших малейшие проявления заботы о национальной (любой, кроме великорусской) культуре как поползновения к «сепаратизму», так и для чувашского народа.

Сам Яковлев, еще не имея исторической перспективы для оценок, с молодости интуитивно ощутил значимость происходящего. Процесс созревания идеи национального просвещения прослеживается по некоторым яковлевским формулировкам, несмотря на высшую степень осторожности, сопровождавшей его писания всю жизнь. Так, уже в письмах 1870-х годов он переходит от почти бытового полуироничного «наши чувашские дела» (к Ильминскому, 24.06.1871) к высокообобщенному понятию *чувашское дело* (Рекееву, 18.10.1873, также 17.03.1874). Возможно, первоначальная формулировка скромна демонстративно, ибо обращена студентом-первокурсником к почитаемому наставнику и, что существенно, не инородцу. В обращении же к собственному воспитаннику-чувашу двадцатипятилетний учитель Яковлев не сдерживает себя, когда стремится вдохновить его, придавая некоторый пафос своим наставлениям. Вскоре, впрочем, пафос выветрится, Яковлев и Ильминскому будет писать о *чувашском деле* (письма от 11.11.1875, 28—29.08.1876). Потом найдутся и другие обозначения: в период стабилизации деятельности школы Яковлев обращается к тем же корреспондентам с одинаковой формулой о *деле просвещения чуваш* (Рекееву, 30.11.1881; Ильминскому, 02.04.1884). Разные ее варианты, то и дело мелькающие в текстах (*дело чувашского просвещения, чувашско-просветительное дело*), увенчиваются фразой о *моих чувашских преобразованиях*, продиктованной А.В.Жиркевичу 70-летним просветителем. В этой великолепной формуле — уже не интуитивные ощущения, а ясное и твердое понимание масштабов и значения содеянного.

Пятьдесят лет деятельности Яковлева совпали с этапом национального возрождения, основанного на идеях гуманизма и просвещения, наблюдавшегося в этот период в истории многих народов, проживавших внутри Российского государства. «Эпоха просвещения», пришедшая к народам Поволжья вслед за русским просвещением, имела и некоторые признаки национального Ренессанса: на фоне организуемой и поощряемой государством христианизации, в какой-то мере вопреки ей, получает развитие светское начало в духовной

культуре, наблюдается еще не расцвет, но рождение и быстрое развитие свободных искусств. Перепись 1897 года уже фиксирует нескольких выходцев из чувашей, занимающихся наукой, литературой и искусством, т.е. профессионалов в интеллектуальной деятельности. В первые два десятилетия XX века у чувашей появляются в качестве национально-культурных явлений поэзия, художественная проза, театр, драматургия, сценография, графика, живопись, исполнительское и композиторское музыкальное творчество — вокальное и инструментальное. Рождаются выдающиеся произведения, такие, как поэма «Нарспи» и хоровые сочинения воспитанников яковлевской школы; скоро век, как они стоят в ряду шедевров национальной художественной культуры. На основе современного гуманитарного знания чувашеведение развивается в отрасль современной науки.

Жизни и творчеству И.Я.Яковлева посвящено немало исследований, позволяющих говорить о существовании целой отрасли в гуманитарных науках Чувашии, именуемой *яковлевоведением*. Совершенно естественно яковлевоведы концентрируют внимание главным образом на вопросах образования и педагогики. Вместе с тем тенденция к более широкому рассмотрению наследия просветителя всегда была заметна в трудах масштабно мысливших исследователей. Каждый виток развития общества придает представлениям о великом просветителе новые ракурсы, привносит свои акценты в осмысление результатов его деятельности. Наступает время, когда расширение контекстов изучения деятельности И.Я.Яковлева становится одной из главных тем размышлений исследователей. Именно этим отличаются статьи, вошедшие в настоящий сборник. Первый раздел сборника включает в себя «блок» из четырех статей (их авторы — филологи и историки-обществоведы), освещающих историко-культурологические контексты изучения жизни и деятельности просветителя. По характеру изложения и по объему как бы самостоятельный раздел составляет исследование об одном из видов национального профессионального искусства, зародившемся в яковлевской школе, — музыкальном. К нему примыкает

А.П. ХУЗАНГАЙ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ОБ И.Я.ЯКОВЛЕВЕ В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ, РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО НАЦИОНАЛИЗМОВ Опыт деконструкции яковлевского дискурса*

Темнеет Бог,

...страдающий народ пришел к нему
и брал его как брата.

Rainer Maria Rilke, «Вторая песня», 1900 г.

Оценки общественных и философских воззрений, а также конкретной педагогической деятельности И.Я.Яковлева менялись неоднократно на протяжении конца XIX—XX столетий. При этом в зависимости от политической конъюнктуры и господствующей идеологии на первый план выходили те или иные стороны его личности. Между тем, несмотря на противоречивость своего мировоззрения и вынужденное приспособление ко всем изменениям общественно-политической ситуации, новым подходам в сфере образовательной политики относительно «восточных инородцев», И.Я.Яковлев оставался совокупной личностью и последовательно проводил свои цели в жизнь.

Хотя И.Я.Яковлев не был политиком или идеологом чувашской нации, он четко сформулировал «свои» идеи, которые по своей телеологии гораздо шире собственно просвещения. Яковлевское credo можно суммировать так (в его собственном изложении):

(1) «Основная идея — идея христианского просвещения инородцев светом Евангелия. Эта задача была требованием совести и сердца руководителя школы и самой жизни...

* «Деконструкция... есть явленный, реализованный «опыт невозможного». Деконструкция...случается лишь в виде обещания, которое **удается сдержать** тогда, когда ему повезет потерпеть неудачу»¹.

Discourse — воплощенные в речи мироощущение и жизненная позиция.

(2) Другой идеей была идея сближения и объединения их (чувашей) с русским народом. Никакой самостоятельной политической роли нашим восточным инородцам играть не суждено, никакого самобытного и национального развития им искать не следует...

(3) Родной язык в школьном обучении, родной язык за богослужением, Евангелие на родном языке, доступное пониманию всякого чуваша, учитель и священник из природных местных инородцев, из крестьянской среды [...] — вот те средства, при помощи которых надо было идти к намеченным целям. Родной язык в церкви и школе — та третья идея, которая направляла развитие Симбирской чувашской учительской школы»².

Разное отношение к этим идеям и вызывало постоянную полемику вокруг как личности самого И.Я.Яковлева, так и результатов его деятельности. Его биография, несмотря на наличие множества документальных свидетельств, высказываний самого просветителя, воспоминаний современников, подвергалась «мифологизации» и тем самым становилась из реальной «агиографической легендой». При жизни со стороны духовенства, представителей симбирского дворянства, педагогической бюрократии Казанского учебного округа, в котором он служил в должности инспектора чувашских школ (фактически «разбросанные среди разных уездов, нескольких губерний чувашские школы объединялись и скреплялись именно должностью инспектора чувашских школ, поставленного во главе их»³, он часто получал обвинения в «национализме» и «чувашском сепаратизме». На мифологически-бытовом уровне, согласно воспоминаниям Метри Юмана, он получал такие дефиниции: «Пёлес тетёр-и — мёнле-мёнле хушамат панă Иван Яккăлча а́на курайман вырăс этеммисем? Ак эпё илтнĕ ĕ ха-са́тсенче вуланă хушаматсем: чăваш патши, чăваш турама́шĕ, султан, патишах, микато е кĕтүсĕ, чăваш мёлки, чăваш киремечĕ [...], суя апостол, тин суралнă патриарх [...], сёмсёр чăваш...»⁴.

Вопреки ироническому тону этих имен-прозвищ, в них признается верховная роль И.Я.Яковлева как символического **Отца**. Его называли даже «чувашским богом». Психолог Жак Лакан трактует «Отца», как носителя «порядка культуры», Закона, исходящего от общества, тем самым он навязывает каждому набор определенных амплуа, социальных ролей,

«масок» и т.д.⁵ Бунт его собственных учеников, воспитанников Симбирской чувашской учительской школы, чувашских радикал-эсеров (Г.Алюнова, М.Юмана и др.) в 1906—1907 гг. против принудительной силы «Закона» и с желанием сбросить иго Отца, также подтверждает верховную символическую роль Ивана Яковлева. (Под «Законом» и «порядком культуры», которые насаждал «Отец», чувашские националисты понимали русификацию и миссионерскую деятельность.)

Позднее, в 1917—1918 гг., негативное отношение к И.Я.Яковлеву выразило Чувашское национальное общество. Во время празднования 60-летия СЧУШ и 80-летия И.Я.Яковлева он был назван «великим организатором и практиком, беззаветно преданным своему обездоленному народу. ...Иван Яковлевич — не просто просвещенец, но и культурный вождь своей нации» (А.В.Луначарский). Но уже в начале 30-х годов система просвещения Ильминского—Яковлева и «философия истории» И.Я.Яковлева считались «...основой как чувашского октябризма, так и чувашского кадетского течения [...]». За слащавым народолюбием яковлевской школы скрывалась откровенно обрусительская политика⁶.

Язык яковлевских переводов Священного писания, текстов богослужения считался языком миссионерским или даже «оригинальным миссионерским словоблудием»⁷.

Тем не менее во время празднования 100-летия со дня рождения И.Я.Яковлева его личность была как бы **канонизирована** в рамках советской идеологии. Из мировоззрения «Отца» была изъята самая суть — христианская (православная) основа. Были акцентированы его отношения с семьей Ульяновых. Отодвинута на задний план фигура непосредственного его учителя, создателя просветительной системы нерусских народов, известного ориенталиста Н.И.Ильминского (1822—1891), под влиянием которого в 1870 году произошел окончательный поворот в его сознании. Сам Яковлев так характеризовал эту систему и свое участие в ней: «...Сделайте «инородца» путем родного языка православным, и он будет русским, — таково было глубочайшее убеждение Н.И.[...] Эти идеи легли краеугольным камнем и моего мирозерцания, эти идеи я, один из скромных работников на указанном Н.И.Ильминским поприще, свято берег всю мою жизнь»⁸. Самого же Ильминского он называл «боговдохновенным апостолом веры Христовой»⁹.

В советской интерпретации яковлевских идей и на практике место православия заняло марксистско-ленинское учение, особенно в части теории сближения и дальнейшего слияния наций («блистательно» не оправдавшей себя в наши дни). То есть в Яковлеве начинали видеть поборника дружбы народов, патриота России (забывая о том, что он всегда имел в виду имперскую Россию, что для него «просвещение чувашей прежде всего должно быть религиозно-нравственное, в духе православной церкви, и потому уже патриотическое, так как понятия православие, царь и русская народность неразделимы между собой»¹⁰), в идее «обрусения, или слияния чуваш с русским народом» усматривали аналог интернационализма.

В конце 50-х годов Г.Н.Волков начал развивать национальные народно-трудовые начала Симбирской (яковлевской) школы, что в конце концов привело к порождению этнопедагогике. В 1971 году наш этнопедагог во время празднования 100-летия новой чувашской письменности дал свой («прочувашский») концепт прочтения «агиографической легенды» и выдвинул лозунг «Вперед — к Яковлеву!», делая его личность символом «чувашского (народного) дела», что было расценено тогда как проявление национализма (Яковлев — Отец нации!?).

Сейчас как будто наступает новый этап осмысления личности нашего Патриарха и его духовного наследия. При объективной деконструкции мирозерцания И.Я.Яковлева надо бы избежать опасности его вторичной (третичной) мифологизации, которая заключается в том, что мы стараемся вписать конъюнктурные концепты¹¹ в «новый» миф о Яковлеве, придаем его лику однозначную благодность, сглаживаем его противоречия, многомерность, мучительные размышления и заблуждения по позициям относительно будущности чувашского народа, пытаемся прояснить (и тем самым сделать безобидными) борения его духа. Но Яковлев и без нас велик, это личность *sub specie aeternitatis* и не нуждается в нашей чрезмерной апологии.

Кем же был Яковлев? Народным педагогом, просветителем-демократом, русификатором чувашей или сторонником «чувашского народного дела»? Личины его были разнообразны. Вот он проводит урок логики в своей школе и говорит своим ученикам: «Чее пулӑр. Эпӗ ҫамраҫ чухне иезуит Игнатий

Лойола вѣрентнине тишкерсе пѣлтѣм. Чăваша чеелѣх кăна сĕлать... Чăвашсене ĕсталăха вѣрентĕр...» (Мѣтри Юман. Сул хыççăн сул (Асăну татăкĕсем)¹². И все же в духовно-нравственном отношении он прожил свою жизнь как христианин. У него рано пробудилось религиозное чувство, он в полной мере осознал значение молитвы («...Иногда у меня бывал особый прилив молитвы. Я горячо молился Богу, чтобы он путем страдания укрепил мои силы для будущего подвига. Какой это будет подвиг, я и сам тогда не отдавал себе в этом отчета»¹³.

Уже в 22 года он вступил на стезю творческой деятельности по призванию, которая есть **крест**. Таким призванием и крестом для Яковлева стало миссионерское просветительство и «дорогое сердцу детище — Симбирская чувашская учительская школа». Он не только сам усвоил Священное писание («первый шаг на пути к Богу»), но и посвятил приобщению к этому опыту («живой истине для живого сердца») на родном языке своих соплеменников около полувека своей жизни.

Личностно, как христианин, И.Я.Яковлев реализовался во всей полноте. И в то же время он придерживался несколько поверхностных славянофильских взглядов на то, что русский народ есть народ сугубо православный, иначе говоря, он отождествлял христианство (православие) с русской культурой и только им объяснял качество «русскости». Русский народ он воспринимал как мессию («восточные инородцы — незначительные спутники великого мирового тела русского народа, покорно следуют ему в его исторической орбите...» — из письма И.Я.Яковлева министру народного просвещения Л.А.Кассо от 8.11.1912 г.)¹⁴, а надо было бы толковать об обращении к христианству как европейскому (мировому) духовному опыту.

Религиозный мыслитель кн.Е.Н.Трубецкой на этот счет, полемизируя с мессианством, писал: «Русское — не тождественно с христианским, а представляет собой чрезвычайно ценную национальную и индивидуальную особенность среди христианства [...]. Отрешившись от ложного антихристианского мессианизма, мы неизбежно будем приведены к более христианскому решению национального вопроса. Мы увидим в России не единственный избранный народ, а один из народов, который совместно с

другими призван делать великое дело Божие, восполняя свои ценные особенности столь же ценными качествами всех других народов-братьев»¹⁵.

И.Я.Яковлев в своей эволюции не дошел до подобных мыслей, а потому его политическая философия, вероятно, могла подпитываться лишь эпигонскими издержками русского новейшего мессианизма, к тому же скорректированного с официальной православной догмой.

Пишут, что Яковлев колебался между либерализмом и демократизмом. На наш взгляд, яковлевский дискурс в целом развивался вполне в русле официальной идеологии того времени (царь — православие — русская народность). Ср.: «Русская народность и православие у нас синонимы. Язык не составляет коренного признака народности...»¹⁶ Свою деятельность он называл «патриотически-монархической, консервативной», «служением русскому делу»¹⁷. Лишь в письме к В.И.Ульянову от 12 ноября 1919 г. он называет себя «старым, убежденным демократом», а свое призвание определяет как «чувашское-народное дело» и признает «чуваши, как самостоятельный народ»¹⁸. И все же постоянная дума Яковлева, его *credo*, чтобы «чуваши... слились в одно целое с великим русским народом»¹⁹. В конце «Моей жизни» Патриарх очень твердо заявляет: «Я был всегда монархистом»²⁰.

Его идея (вторая руководящая), которую он представляет как «национальную» идею развития инородцев, — «идея» слияния чувашей с русским народом с точки зрения права на самоопределение и чувашского национализма может быть и должна быть оспорена. Тем более, что его собственное миссионерство уже опровергало ее. Ведь он, собрав своих учеников, объединив их усилия в деле перевода на чувашский священных книг Нового и Ветхого Заветов, молитв, текстов богослужения, донес, сумел донести «живую истину до живых сердец». И тем самым реализовал чудо святой Пятидесятницы. То есть, по Евангелию, апостолы через сошествие Святого Духа (домовая церковь Симбирской чувашской учительской школы была именно церковью сошествия Святого Духа) в Пятидесятницу заговорили разом на всех языках земли, чтобы выполнить свою миссию. Тот же Е.Н.Трубецкой объясняет это так: «Два великих чуда совершились в Пятидесятнице: во-первых, она собрала все народы земли в едином исповедании;

во-вторых, она утвердила положительное призвание каждого народа через упразднение естественных границ между национальностями. Основное отличие между национальностями — **язык** — тут не только не упразднился, но получил высшее утверждение и освящение. Каждый народ нашел в этом откровении всенародного Мессии свой особый **огненный язык**»²¹.

Если говорить светским слогом, то как раз через христианство, через огненный язык (отметим знаменательную параллель с огненным языком — **вут сӓмах, суӓмӓлӓ, кӓварӓлӓ чӓлхе** — трагического ангела, чувашского националиста М.Сеспеля) чувашский народ сделал скачок в открытое космополитическое (всемирное) пространство, сумев при этом сохранить себя.

Современный христианский поэт Олеся Николаева также вторит Е.Н.Трубецкому: «...Схождение огненных языков на апостолов в день святой Пятидесятницы, означающее благословение национальных путей, национальных призваний и национальных дарований, раскрывающихся в личной самобытности народов [...]. Благословение языков, сходящих на апостолов, было и благословением особого рода говорения, глаголения. Язык — это голос, лицо народа...»²²

Что касается третьей яковлевской идеи («родной язык в церкви и школе»), то и в его время и сейчас мы не видим ее воплощения в удовлетворительном, завершенном виде. Если в яковлевских школах родной язык выступал как средство воспитания и обучения в первых двух классах, то сейчас в так называемой чувашской (национальной) школе это четыре начальных класса. Это, конечно, прогресс (?). Но где национальная школа хотя бы на уровне неполной средней? Если родной язык не выступает в полном объеме как средство обучения, то такая школа не должна именоваться чувашской (национальной). Я уже не говорю о родном языке за богослужением (ведь у нас Русская православная церковь?!). На **чужом** языке не может быть усвоения ни христианского мирозерцания, ни элементарных школьных истин. Поэтому вызывает удивление, например, такое утверждение, что «сегодняшние чуваша на 99% — христиане» (В.Тургай, «Хыпар», 1998, 6 марта). Полагаю, что они в основной своей массе по-прежнему пребывают в шатком религиозно-нравственном положении между «без-верием», «суе-верием», «ино-верием» и «двое-верием».

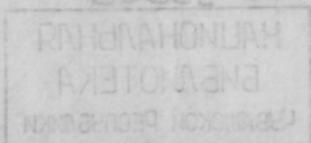
Возвращаясь к значению молитвы в жизни христианина, вспомним и вздох отчаяния Ивана Яковлевича, когда он пытался утвердить совершение богослужения на чувашском языке согласно указу св. Синода 1883 года, «но проведению в жизнь этого указа мешали некоторые православные архиереи и священники, преданные ложнопонятой обрусительной тенденции... И вот, в отчаянии, я начинал мечтать — найти такое место на земле, где бы никто, никогда не мог мешать чувашам совершать богослужение целиком на их родном языке»²³.

Итак, жизнь Ивана Яковлевича — «**Отца чувашской нации**» — можно понимать как явленный, реализованный «опыт невозможного». В организационной и практической деятельности по просвещению чувашей он действительно сделал то, что не смог бы сделать никто. Он реализовал себя как христианин. Он уходил от имен-дефиниций, которые ему давались. Его сумма педагогических идей успешно трансформировалась в чувашскую народную педагогику, затем этнопедагогику. Он **обещал** «духовное обрусение» и «слияние чувашей с русскими» и сдержал обещание, потому что **потерпел** блистательную **неудачу**. Чувашский народ сохранил свое **Лицо, Голос-Логос** и **Мелодию** (ни в народном, ни в профессиональном чувашском искусстве мы не найдем за редкими исключениями собственно христианских мотивов). Чувашский народ остался самостоятельным и суверенным, хотя и в латентной форме, и не пожелал «влиться в русское море». Я не сомневаюсь и в реализации оптимального проекта на будущее чувашского народа. Служение «великой русской цели», вопреки намерению и телеологии Яковлева, пробудило чувашское самосознание. Уже Мётри Юман вкладывал в уста «**Отца**» такие слова: *«манӑн пӗртен-пӗр парти — чӑваш хресченӗ, чӑваш хура халӑхӗ. Сынсем кирек мӗн калачӑр — эпӗ хура халӑх управинчен тухмарӑм...»*²⁴.

...Крестьяне Козьмодемьянского уезда в своем ответственном адресе назвали его «чувашским Моисеем»²⁵. Ход истории привел дискурс **нашего Моисея («Отца»)** к совершенно непредвиденным результатам, но, как Моисей, он вел наш народ, а сам, достигнув горы Нево, смог лишь бросить прощальный взгляд на Землю обетованную (Второзаконие, 34, 1—5).

Л и т е р а т у р а

- ¹ Деррида Ж. Back from Moscow, in the USSR // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М., 1993. С. 70.
- ² Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (по случаю 40-летия). 1868—1908. 1908. С. 2—4.
- ³ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч.1.Чебоксары,1989. С. 180—181.
- ⁴ Юман М. Сул хысçан сул (Асану татаксем) // Уйнах. Суйласа илнисем. Шупашкар, 1997. 320 с.
- ⁵ См.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 567, 600.
- ⁶ Кузнецов И.Д. Из истории Чувашии // Советская Чувашия. М., 1933. С. 24.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Николай Иванович Ильминский (воспоминания о нем Ивана Яковлевича Яковлева. Ко дню столетия со дня рождения Ильминского, родившегося 22 апреля 1822 г.). Машинописная копия из архива П.Хузангая. С. 35.
- ⁹ Там же. С. 40.
- ¹⁰ Яковлев И.Я. О школьном образовании чуваш. Цит. по: Краснов Н.Г. И.Я.Яковлев. Его жизнь, деятельность, педагогические идеи. Чебоксары, 1976. С. 149.
- ¹¹ О концептах см. работу Р. Барта «Миф сегодня» // Барт Р. Избранные работы... М., 1989. С. 100—101 и след.
- ¹² Юман М. Асаннй ёç. 322 с.
- ¹³ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М., 1997. С. 95.
- ¹⁴ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч.1. Чебоксары, 1989. С. 218—219.
- ¹⁵ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм (1912) // «Новый мир», 1990, №7. С. 218.
- ¹⁶ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч.1 ... С. 85.
- ¹⁷ Яковлев И.Я. Моя жизнь ... С. 305; он же. Из переписки. Ч.1... С. 218.
- ¹⁸ Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 36, 32.
- ¹⁹ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч.1... С. 41.
- ²⁰ Яковлев И.Я. Моя жизнь ... С. 598.
- ²¹ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // «Новый мир». С. 216.
- ²² Николаева О. Национализм и русская духовная традиция // «Дружба народов», 1989. №6. С. 233.
- ²³ Яковлев И.Я. Моя жизнь... С. 227.
- ²⁴ Юман М. Асаннй ёç. 325 с.
- ²⁵ Полный текст письма (вероятно, в переводе с чувашского) см.: И.Я.Яковлев. 1848—1930. Чебоксары, 1948. С. 143—144. Ср. замечание Р. Барта: «В истории победа одного противника над другим никогда не бывает полной; ход истории приводит к совершенно непредвиденным результатам, к непредсказуемым синтезам. Мифолога нельзя даже уподобить Моисею, ибо Земля обетованная от него сокрыта» // Барт Р. Миф сегодня ... С. 128.

«ЧУВАШСКАЯ НАТУРА» В ВОСПОМИНАНИЯХ И.Я.ЯКОВЛЕВА: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

50-е годы XIX столетия. Табор цыган в окрестностях чувашской деревни Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии. Маленький Ваня, пришедший сюда со своими приемными родителями и «кем-то из русских» побродить среди незнакомого люда, чем-то привлек внимание старой цыганки. Разглядывая его руку, женщина произносит: «Большой будешь человек. Далеко пойдешь...» Слова тотчас же переводятся на чувашский язык. Предсказания гадалки сопровождающие мальчика-сироту понимают в том смысле, что он, повзрослев, не останется жить в деревне ¹.

Пророчеству суждено было стать явью. Иван Яковлевич Яковлев (1848—1930) вошел в историю России как видный деятель культуры и выдающийся педагог-просветитель. Его деяния на ниве народного просвещения были известны и за пределами страны. Многогранная деятельность во благо родного народа принесла И.Я.Яковлеву глубокое уважение и авторитет. Многие современники называли его не иначе, как «чувашский бог». Столь уважительное прозвание было дано ему в знак особого отношения к нему и признания его заслуг. Всю свою сознательную жизнь Иван Яковлевич посвятил служению чувашскому народу, служению Отечеству. Он повел чувашей в новый мир — мир просвещения и цивилизации. Им при участии студента-филолога В.А.Белилина были созданы алфавит и новая письменность на чувашском языке. Его детище — Симбирская чувашская учительская школа — стало кузницей кадров культуры для чувашского и других народов России. Квартира И.Я.Яковлева была всегда открыта для соплеменников, где нуждавшиеся могли найти временное пристанище, всяческую помощь и содействие в разрешении

тех или иных жизненных ситуаций, получить добрый совет. А.И.Яковлев в своей книге, посвященной отцу, писал: «Любой не только его односельчанин, но всякий рядовой чувашенин, из лично ему даже незнакомого села, мог прийти к нему в кабинет в мокрых лаптях, кафтане или полушубке, сесть рядом с ним и обеуждать на родном языке общественные нужды»².

Фигура патриарха привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Сегодня литература о нем насчитывает десятки добротных монографий и сотни статей и сообщений. Особенно весом вклад в изучение его жизни и деятельности Н.Г.Краснова³.

Публикации источников личного происхождения — одна из составляющих яковлеведения. Особое место в их ряду принадлежит мемуарам самого просветителя. Воспоминания И.Я.Яковлева — это не только исповедь патриарха о памятном и пережитом, но и увлекательный рассказ об исторической действительности прошлого и начала нынешнего столетий. Перед взором читателей предстает реальная жизнь того времени, большие и не столь значительные события, целая галерея портретов современников — от простого землепашца до высшего царского сановника. Масштабность личности просветителя и показанная им широкая панорама жизни российского общества обусловили огромный интерес к его творению. Мемуары И.Я.Яковлева выдержали три издания и стали настольной книгой практически каждого исследователя культуры Чувашии. К исповеди патриарха обращаются не только специалисты-гуманитарии, но и исследователи, представляющие другие научные дисциплины. Каждый из них находит в ней свою информацию.

Широкое вовлечение в научный оборот мемуаров И.Я.Яковлева — факт сам по себе, конечно же, отрадный. Вместе с тем наблюдаемое явление вызывает и некоторую тревогу. Ссылаться на воспоминания и трактовать их положения становится, к сожалению, модой. Легковесный подход к наследию патриарха чреват искаженным освещением исторической действительности. Как и любой мемуарист, И.Я.Яковлев не был беспристрастным повествователем. Субъективность — объективное свойство источников личного происхождения.

Сложившаяся на сегодня в яковлеведении ситуация ставит специалистов-гуманитариев перед необходимостью

источниковедческого исследования мемуаров просветителя. Справедливости ради следует отметить, что некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Мы имеем в виду прежде всего написанные к трем изданиям воспоминаний И.Я.Яковлева предисловия (автор — Г.Н.Плечов) и примечания (составитель — Н.Г.Краснов)⁴. Но проблема скорее всего лишь поставлена, нежели разрешена. Автор настоящих строк предпринял попытку сделать следующий шаг в данном направлении. Цель статьи — сопоставление содержащихся в мемуарах сведений о различных сторонах бытия чувашской деревни с аналогичными характеристиками, обнаруженными в других источниках. В силу необходимости исходящие от просветителя оценки будут рассматриваться и в контексте информации, полученной нами в ходе обработки и анализа статистического и делопроизводственного материала, этнографических очерков и заметок. Думается, что подобный прием позволит получить некоторое представление как о типичности зафиксированных Яковлевым тех или иных картин реальной действительности, так и взвешенности его оценок о повествуемом. Заданный объем статьи вынуждает нас ограничить круг анализируемых вопросов одним сюжетом — сюжетом о «чувашской натуре» (И.Я.Яковлев).

Прежде чем приступить к решению поставленной исследовательской задачи считаем уместным остановиться на некоторых моментах, касающихся создания рассматриваемых мемуаров. Любой источник личного происхождения имеет свое «лицо». Не исключение в этом отношении и воспоминания просветителя. Своим «рождением» они обязаны творческому сотрудничеству И.Я.Яковлева и военного юриста, генерал-майора в отставке А.В.Жиркевича (1857—1927). В опубликованных трудах можно встретить разные суждения о роли каждого в создании рукописи источника. В частности, из предисловий к первому и второму изданиям воспоминаний явствует, что А.В.Жиркевич являлся фиксатором рассказов просветителя и интервьюером⁵. В археографическом предисловии к третьему изданию мемуаров, вышедших в свет под названием «Моя жизнь: Воспоминания», на этот счет сделан несколько иной акцент: «Иван Яковлевич диктовал или рассказывал Жиркевичу, который затем приводил записи в порядок, переписывал. Записанное перечитывалось, в него вносились дополнения и поправки. К одному и тому же тексту нередко

возвращались повторно, через какой-то промежуток времени. Своими вопросами Александр Владимирович зачастую направлял беседу в определенное русло, влиял на ее ход, что отразилось на содержании и эмоциональном настрое воспоминаний, их особенностях»⁶. Во втором случае отставной генерал предстает не столько простым фиксатором рассказов и интервьюером, но и соредактором, и составителем текста рукописи.

Известный исследователь Л.Н.Пушкарев считает, что «признать И.Я.Яковлева единственным автором этих воспоминаний с научной точки зрения рискованно»⁷. Некоторые основания для подобной постановки вопроса действительно имеются. Вероятность того, что при литературном изложении услышанного Жиркевич всегда выдерживал ту же тональность подачи материала и расставлял те же акценты, что и Яковлев, не столь высока. При работе над мемуарами отставной генерал имел возможность пользоваться опубликованными брошюрами, источниками личного происхождения и разной документацией, имевшими отношение к просветителю, его соратникам и Симбирской чувашской учительской школе. (Часть материала он получал из рук Яковлева, часть собирал сам.) Случалось, что необходимые сведения выуживались от лиц, близко знавших инспектора⁸. Естественно, Жиркевич находился и под грузом самостоятельно собранной информации, что также не могло не наложить некоторый отпечаток на результаты совместного творчества. Заметим также, что в связке интервьюер-информатор первая составляющая играла исключительно активную роль. Как видно из дневниковых записей отставного генерала, отдельные сюжеты просто предлагались, даже навязывались патриарху. Разумеется, при подобном выуживании информации И.Я.Яковлев в какой-то мере был стеснен в даче взвешенных оценок о повествуемом. Раз сказанное фиксировалось на бумаге, а попытки скорректировать текст не всегда находили понимание у А.В.Жиркевича, видевшего в правках стремление приукрашивать реалии прошлого⁹. И, наконец, не может быть оспорен и тот факт, что во многом благодаря Жиркевичу в мемуарах отражен исторический фон эпохи, в которой жил и творил просветитель. Так, 11 сентября 1918 г. в своем дневнике интервьюер сделал следующую запись: «...То, что интересует меня (бытовая, нравственно-религиозная сторона прошлого Яковлева), мало интересует его. Все это кажется ему пустяками,

мелочью, ненужностями. Он удивляется, зачем это мне нужно, и старается все свести на воспоминания о своей деятельности в школе»¹⁰.

Наличие в мемуарах просветителя исходящего от отставного генерала пласта не может быть не признано. Достаточно сопоставить воспоминания с каким-либо сочинением И.Я.Яковлева, особенно написанным на закате его жизни. В них, образно выражаясь, разный дух. В мемуарах живая речь, достаточно плавные переходы с одного сюжета на другой, особый эмоциональный настрой, внутреннее единство, теплота, ностальгия, щемящая грусть. Дело здесь не только в жанре произведения.

Из признания наличия в рассматриваемых мемуарах «иностранного» наслоения неизменно следует и признание возможности несколько иного «озвучивания» отдельных рассказов просветителя. Это своего рода издержки совместного творчества, одна сторона медали. При освещении других сюжетов, напротив, участием Жиркевича в составлении рукописи яковлевский дух в них, как бы парадоксально это ни звучало, скорее был приумножен. Любопытна дневниковая запись военного юриста от 11 сентября 1918 г.: «...В то же время он (И.Я.Яковлев. — Г.Н.) все старается смягчить, сгладить, а иногда и утаить, чтобы кого-нибудь не задеть, чтобы не сказать себе во вред чего-либо лишнего. Только что начинаешь записывать с его слов что-либо, случайно у него вырвавшееся, как он уже замечает след, и у него приходится вырывать чуть не силком подробности»¹¹. В ходе совместной работы с инспектором интервьюер вольно или невольно стал своего рода препятствием, ограждавшим текст Яковлева-рассказчика от вмешательства Яковлева-цензора. (Возможно, этим обстоятельством объясняется изобилие в них хлестких эпитетов-характеристик типа «крикун, болтун, эгоист, пустой ничтожный человек», «дрянной, никуда не годный, пропащий человек», «жиденький ученый, плохой юрист» и т.д.* (С. 376, 483).

Являлся ли А.В.Жиркевич одним из авторов воспоминаний? При формальном подходе к данному вопросу он действительно может быть причислен к числу таковых, ибо мемуары составлены бывшим военным юристом на основе рассказов

* Здесь и далее ссылки на текст воспоминаний просветителя будут даны по третьему изданию в конце предложений в скобках.

И.Я.Яковлева и лишь отдельные фрагменты сочинения написаны под его диктовку. (Подобные вкрапления в тексте А.В.Жиркевич счел необходимым выделить особо. С. 212, 276, 287, 323). В принципе основанием считать отставного генерала соавтором мемуаров могут послужить любые написанные им «нейтральные» предложения и «предложения-связки». С научной же точки зрения причисление А.В.Жиркевича к числу авторов мемуаров вряд ли будет правильным. Во-первых, воспоминания И.Я.Яковлева — это глубоко личное сочинение. Чувашский мир, отразившийся в нем, — материя для интервьюера и составителя новая, неизведанная. Во-вторых, сам А.В.Жиркевич никогда не претендовал на авторство рукописи, хотя и «глядел на нее как на» свою «собственность»¹². Обратимся к его дневниковым записям о круге выполненных им работ, зафиксированным в разное время. Их различает лишь тональность изложения: в зависимости от складывавшейся жизненной ситуации он по-разному реагировал на совместное творчество. Запись от 30 сентября 1918 г.: «...Возня с его (И.Я.Яковлева. — Г.Н.) воспоминаниями — огромная. Как ребенка его надо засаживать за работу, руководить им, направить его мысль по желательному пути, устранять с этого пути лишние мелочи и подробности. А я ведь пока собираю, привожу в систему, материалы». Запись от 2 ноября 1918 г.: «...Если бы он сам писал свои мемуары (чего, при его взглядах и характере, конечно, никогда не было бы), то все это легло бы на бумагу в виде сухого безжизненного протокола, испещренного хронологическими данными, рядом цифр, фамилий, документов. Я же стараюсь опоезировать это прошлое, вырывая, выжимая, ворую у Яковлева ту поэзию его прошлого, которая у него была, но от которой он упорно открещивается». Запись от 27 июня 1920 г.: «...Вчера мне удалось вырвать у Яковлева несколько отрывочных воспоминаний об И.А.Износкове. Привожу их в систему, так как трудно себе представить, в каком хаотическом виде все выливается из уст Яковлева. Потом прочту Яковлеву. Но это, конечно, будет мой, а не его рассказ, составленный на основании его показаний. Скучно. Надоело». Запись от 29 апреля 1922 г.: «...А в записках только факты даны были мне Яковлевым. Вся же литературная часть: изложение, план, язык, обработка сырого материала — все мое, от начала до конца, в труде, которому я посвятил четыре

года»¹³. Перечень подобных свидетельств может быть умножен.

Столь же щепетилен вопрос и о полноте мемуаров. Еще в ходе работы над рукописью А.В.Жиркевича не покидала тревога за судьбу создаваемого сочинения. «Меня заранее бесит мысль, — читаем в его дневнике, — что мой труд попадает в семью Яковлевых, где все члены семьи постараются его переделать, исказить, сократить по-своему, а быть может, и уничтожить, затерять, растерять по листкам. Но у меня нет выхода: и жить-то мне уже недолго, и рукопись подарена уже Алексею Ивановичу» (Яковлеву — сыну И.Я.Яковлева. — Г.Н.)¹⁴. Увы, путь воспоминаний к читателю оказался долгим, тернистым и растянулся на десятилетия. Еще сам интервьюер, уступая требованию информатора, вынужден был корректировать текст¹⁵. Свое слово сказала и его величество Время: в бурной перипетии XX столетия отдельные листы рукописи потомками И.Я.Яковлева и А.В.Жиркевича были безвозвратно утеряны. Первые два издания, увидевшие свет в 1982 и 1983 гг., к сожалению, были заметно усечены. Хотя третье издание воспоминаний и объявлено «полной публикацией всего текста по имеющимся подлинникам»¹⁶, но и оно не лишено изъятов. Обратимся к условно выделенной главе мемуаров «Работа мерщиком». Она включает сюжет, где в деталях описан имевший место случай нанесения обиды — невыплаты соответствующего денежного вознаграждения за составленный на земельный участок план — «богатым татаринном» Абрешитовым И.Я.Яковлеву, служившему в мерщиках. Фрагмент завершает предложение, где повествуется о принуждении волостным сходом обидчика доплатить деньги пострадавшему (С. 103). Но в хранящейся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук части подлинника воспоминаний (она в 1972 г. поступила в дар институту от дочери А.В.Жиркевича Тамары Александровны Жиркевич) сюжет имеет дальнейшее продолжение: «Но с тех пор у меня явилась ненависть к татарам, тем более, что и ранее были уже в жизни моей и другие случаи, убедившие меня в том, что это — народ недобросовестный»¹⁷. Почему издателями «не замечена» была «крамольная» фраза? Думается, в указанном случае комментарии излишни. Все и так очевидно: просветитель в свете своего высказывания предстает в несколько ином, непривычном для широкой аудитории ракурсе.

Уже было отмечено, что воспоминания И.Я.Яковлева публиковались трижды. В основу настоящей статьи легло третье издание.

«Чувашская натура». Понимание многих моментов своей долгой и насыщенной событиями жизни И.Я.Яковлев связывал с такой тонкой сферой бытия, как «чувашская натура». Под ней он подразумевал прежде всего поведенческие стереотипы, нравственность и социальную психологию людей, т.е. то, что сегодня принято обозначать в литературе терминами «менталитет», «ментальность»¹⁸. Этот сюжет представлен в его мемуарах рядом емких наблюдений. В обращении просветителя к такой специфической теме не следует искать что-то оригинальное и необычное. В многочисленных историко-этнографических очерках, справочных изданиях и публицистике, выходявшей в свет в прошлом и в начале нынешнего столетий, социально-психологическая характеристика этнических общностей была своего рода нормой.

Какими же находил И.Я.Яковлев своих соплеменников? Обратимся к тексту его мемуаров. «В характере чуваш есть много симпатичного, — отмечал он. — Но в них нет той энергии, того широкого, удалого размаха, той мощи духа, того творчества, какие встречаются зачастую у русских. У них мало разума, способности рассуждать, энергии, настойчивости, предприимчивости. По натуре они вспыльчивы, мелочны, способны натворить глупостей, если задеть их личное самолюбие (чувашская вспыльчивость отразилась и на моем характере)» (С. 64). Что скрыто под подобными формулировками? Исчерпывающий ответ здесь вообще невозможен, поскольку речь идет о восприятии реальной действительности конкретной личностью, основанной не только на наблюдениях, но и интуиции и мироощущении. Бесспорно одно — буквальное, дословное, упрощенное толкование И.Я.Яковлева вряд ли приемлемо.

Пожалуй, в характеристиках просветителя присутствует несколько наслоений. У чувашей мало разума, творчества, способности рассуждать! Но своих соплеменников И.Я.Яковлев отнюдь не считал ущербными, неполноценными от природы. Вспомним ставшую хрестоматийной фразу из его букваря: «Вырӑс, тутар, чӑваш — пурте сын» (Русские, татары, чувашы — все одно: люди)¹⁹. (Правда, данное выражение может быть

истолковано и как присущая чувашам особая черта — этническая терпимость, что в действительности также имело место.) Уже в гимназические годы он твердо был уверен, «что все люди рождаются с одинаковыми способностями, но что если они выходят различными, то виной в том неблагоприятные условия жизни, дурные воспитатели, педагоги и т.п.» (С. 126). В контексте вышеизложенного правомерно считать, что И.Я.Яковлев констатирует прежде всего уровень развития двух обществ: относительно социально, экономически и культурно продвинутого русского и заметно отставшего в этом плане чувашского. В бытность мерщиком удельного ведомства будущий педагог часто выезжал на землемерные работы в местности, населенные разными народами — русскими, чувашами, татарами и мордвой. Знакомясь с их бытом, нравами и обычаями, он постепенно пришел к «сознанию преимущества русских перед другими» (С. 104). В воспоминаниях этот сюжет им конкретизирован. В частности, в них есть следующие строки: «Тут-то я мог убедиться в том, как труден перевод на чувашский язык, т.е. на язык народа, стоящего на *низкой ступени культуры* (выделено нами. — Г.Н.), у которого не существует многих понятий, представлений, выражений и т.п.» (С. 271). В данном случае сопоставляется, надо думать, уровень развития двух этнических общностей в целом. Вот сравнение более узкого плана, касающееся крестьянского сословия: «Надо заметить, что вообще чувашаи были совсем плохие ремесленники и вялые землепашцы. Садоводство, огородничество при мне едва начинались» (С. 57).

Следующий момент. Констатация присущих двум народам различий поведенческих стереотипов и психологического склада. Причем подспудно присутствует следующее деление: ментальность великого, старшего социума (широта, размах, энергия и т.п.) и ментальность малого, младшего социума (мелочность, вспыльчивость и т.п.). Такая дифференциация в свете мироощущения чувашей выглядит вполне логичной, более того — она даже ожидаема. Низкая самооценка — явление отнюдь не редкое в среде чувашей прошлых столетий. Подобное отношение к своей этнической общности отразилось в их пословицах и поговорках: «Чăваш кайран шухăшлат, тет, тутар малтан шухăшлат, тет» (Татарин все обдумает сначала, чувашин — опосля); «Ăс илме кайнă чухне чăваш çăпата

сырса юлнӑ, тет, вырӑс атӑ тӑхӑнса хӑвӑртрах ҫитнӗ, тет» (На распределение ума чувашин опоздал, обуваясь в лапти, русский, обувшись в сапоги, пришел раньше)²⁰. «Темӗскер кирлӗ мара ҫуратса янӑ пире турӑ, ҫӑвашсене» (Чего ради произвел нас, чувашей, бог на белый свет), — так отзывались о себе на рубеже XIX—XX вв., по свидетельству современника, чуваша Казанской стороны²¹. Мироощущение И.Я.Яковлева — это прежде всего мироощущение чуваша, причем чуваша обрусевшего. Как и большинство соплеменников, он не ставил родной ему народ на один уровень с русскими: «Политику я всегда не любил, ею не занимался и советую будущим чувашам никогда в политику России не вмешиваться, помня прежде всего, что чуваша — слишком ничтожная величина (выделено нами. — Г.Н.) по отношению ко всему великому русскому народу» (С. 598). Еще один столь же нелестный отзыв о своих соплеменниках: «Хороший скот, хотя и мелкий, но выносливый, имелся у чуваш — такой же мелкий и выносливый, в зависимости от неблагоприятных условий, как они сами» (выделено нами. — Г.Н.) (С. 403).

Отсутствие у чувашей русской «мощи духа» просветитель видел во многих сферах жизни. У них, по его наблюдениям, мало предприимчивости. Многовековое переваривание в котле разных цивилизаций — Золотой Орды, Казанского ханства и России — превратило болгаро-чувашей и чувашей в этническую общность с относительно однородной социальной структурой. На рубеже XIX—XX столетий, как явствует из материалов переписи 1897 г., в Казанской и Симбирской губерниях доля мужчин и женщин, добывавших средства существования работой в промышленности, ремесле и на транспорте, у чувашей не достигала и одного процента, в то же время в указанных отраслях трудился каждый десятый русский и каждый двадцать пятый татарин. По доле лиц, занятых в торговле, чуваша уступали русским и татарам в десятки раз²². В Среднем Поволжье почти вся разносная торговля находилась в руках последних. Преимущественная ориентация крестьян на традиционные отрасли хозяйства — земледелие и животноводство — воспринималось в яковлевское время за слабую приверженность к предпринимательству или же вообще за отсутствие этого качества. Но наблюдаемая картина связывалась не с исторической судьбой народа, а прежде всего с присутствующими

ему природными чертами. Как явствует из этнографических записок С.М.Михайлова, в 50-х годах XIX в. в Ядринском уезде Казанской губернии многие дубовые рощи, негодные на корабельное строение, были забракованы и по распоряжению лесного ведомства стали распродаваться. В лесные дачи Янымовского общества потянулись лесопромышленники и вскоре здесь развернулось изготовление ободьев для продажи. Но местные жители, чуваши, долго «смотрели на это равнодушно, боясь рубить забракованные дубы, дабы не нажить себе беды», и подключились к столь выгодному занятию лишь тогда, когда почти весь лес уже был вырублен «чужаками». Свидетель всех этих событий, первый этнограф из чувашей, по данному поводу в сердцах отметил: «Известно, что этот народ (чуваше. — Г.Н.) всякие нововведения и распоряжения понимает по-своему, или от невежества, или от неправильного внушения окружающих лиц... Нельзя равнодушно смотреть на грубое невежество людей, не помышляющих о потомстве»²³. Не менее любопытно и свидетельство автора историко-статистического очерка С.Монастырского: «Чувашенин — хороший земледелец: поля его раньше прибраны, лучше унавожены, а хлеб раньше обмолочен, чем у русского или татарина; но зато торговля и промыслы у чуваш мало развиты, частью от недостаточного знания русского языка, частью от скупости и осторожности, которые удерживают чувашенина от риска копеечкой, а главное — от непривычки проявлять в чем-либо самостоятельность»²⁴.

Еще один пример «проявления» особенностей «чувашской природы». «Им (чувашам. — Г.Н.) чужды порывы к самопожертвованию, геройству, подвигу, — констатировал просветитель. — Если в наше время среди чуваш много георгиевских кавалеров, то это я объясняю влиянием Симбирской чувашской школы, а не природными их качествами» (С. 64). И в данной оценке тот же уничижительный мотив, то же субъективное восприятие реальной действительности. На прошлое родного ему народа И.Я.Яковлев смотрел с высоты накопленной наукой к рубежу столетий знаний. И, надо сказать, что достижения историографии в этой области были достаточно скромными. Выражаясь словами популярной когда-то песни, “о героях былых времен” в среде соплеменников патриарху мало что было известно. Вместе с

тем, хотел того сам автор или не хотел, но своей оценкой соплеменников он поставил серьезную проблему. Считали ли себя чувашаи сопричастными к истории страны? Ощущали ли себя полноправными подданными державы? Из текста воспоминаний для пореформенного времени на указанные вопросы следует утвердительный ответ. Обращение к свидетельствам современников показывает, что на рубеже веков семьи чувашских крестьян, чьи члены находились на воинской службе, гордились этим обстоятельством. «При столкновениях, спорах, — отмечалось в этнографической записке Е.Ефимова, — человек, у которого в семье есть солдат, всегда укоряет своего противника, не имеющего в своей семье солдата, тем, что его семья не угодна царю»²⁵. Для предыдущих столетий ответ на поставленный вопрос из мемуаров не столь очевиден: «Дедушка Пахом во время бесед со знакомыми любил касаться политики, — отмечал просветитель. — О русских вообще, особенно же о православных священниках, он говорил несочувственно, советуя всячески избегать с ними сношений, держа себя с ними осторожно, так как они могут оказаться предателями. (Впрочем, о русских такого же мнения были и другие чувашаи.) ... Дурное отношение к русским имело свои основания в том времени, когда в эпоху Пугачева в этой местности жили казаки, творившие всякого рода бесчинства и беззакония, убивавшие, грабившие, вымогавшие деньги пытками — вроде постановки жертвы голыми ногами на раскаленные сковороды и т.п.» (С. 61, 62).

Проявление величия «натуры» русских автор мемуаров находит и в фольклоре. «В русской песне, — констатировал он, — часто звучит хорошее личное чувство. В ней зачастую — величие, мощь народного духа. Русская песнь часто в основе имеет трогающие душу картины (например, «Во поле березынька стояла...»). Ничего этого нет в чувашских песнях-импровизациях» (С. 71). Уничижительный мотив присутствует и в этих фразах. Заметим также, что для начала XX века подобная оценка музыкального творчества чувашей — уже архаика. Еще в дореформенное время схожие мысли были высказаны писательницей-этнографом А.А.Фукс²⁶.

Социально-психологический портрет соплеменников И.Я.Яковлевым дан как бы в двух ракурсах: малопривлекательные черты, т.е. то, что принято называть комплексом, и

симпатичные черты. Последним в мемуарах уделено значительное место.

Пожалуй, в качестве особых присущих преимущественно чувашам черт в историко-этнографической литературе и публицистике прошлого столетия чаще всего выделялись их робость и кротость. Со страниц этнографических записок А.А.Фукс, к примеру, они предстают в таком виде: «Робость и суеверие суть врожденные свойства чувашского народа: приезжайте в их деревню подальше от большой дороги, потребуйте подвод, теленка, курицу и что вам угодно; бедные чувашаи, не спрося, кто едет и вправе ли требовать лошадей и всего без денег, начнут суетиться и, дрожа от страха, готовы отдать все, что имеют»²⁷. Происхождение этнонима «чуваш» этнограф В.Сбоев связывал с чувашским словом йăваш — мирный, смирный²⁸. С.М.Михайлов также подчеркивал, что чувашаи «считаются мирными людьми, юваш, т.е. «мирный»²⁹. К рассматриваемому вопросу имеет прямое отношение и доклад Чебоксарской уездной земской управы, прочитанный 6 февраля 1895 г. на чрезвычайном уездном съезде. Ограничимся лишь небольшим отрывком из него: «...Экономическое состояние крестьян Чебоксарского уезда в настоящее время очень печальное и жалкое. Как известно, многие не согласны с таким выводом. Возражая против этого то, что, во-первых, население Чебоксарского уезда обыкновенно уплачивает всегда все подати безнедоимочно и, во-вторых, что задолженность его сравнительно меньшая, чем в других уездах Казанской губернии и др. губерний. Но земская управа, со своей стороны, должна возразить на это, что в деле определения экономического состояния нельзя руководствоваться только этими указанными критериями. Совершенно верно, то, что недоимок за крестьянами Чебоксарского уезда (за исключением голодных годов) бывает, сравнительно, чрезвычайно мало и что задолженность их в общем меньшая, чем в других местах. Но это обуславливается никак не зажиточностью и достаточностью их, а зависит от национальных особенностей жителей Чебоксарского уезда. Дело в том, именно, что преобладающее население Чебоксарского уезда (84,5%) составляют инородцы-чувашаи (71,6%) и черемисы (марийцы. — Г.Н.) (12,9%). Как те, так и другие отличаются следующими особенностями в своей жизни: они, во-первых, робки, послушны и покорны

(выделено нами. — *Г.Н.*), во-вторых, они очень нетребовательны и неприхотливы в удовлетворении общечеловеческих жизненных потребностей»³⁰. Указанные природные качества соплеменников в интерпретации И.Я.Яковлева приобрели несколько иное «звучание»: «У чуваш есть еще одна черта характера, часто отсутствующая у русских, — неуменье, как бы стыд, боязнь выразить наружно свои чувства, хотя бы самые хорошие, чистые, законные. Они вообще замкнуты, молчаливы... У них замечается какая-то особенная бог весть откуда дошедшая до них... деликатность во взаимных отношениях. Чуваши избегают сказать кому-либо грубость, что-либо обидное, унижающее, оскорбительное» (С. 65).

Следующими по значимости природными качествами, выделяемыми современниками в чувашах, пожалуй, являлись их неприхотливость и расчетливость. В отдельных справочных и научно-популярных изданиях данные черты возводились чуть ли не в разряд легенд. Вот как изображены чуваша, к примеру, В.Н.Майновым: «Чувашенин по природе добродушен и всегда готов простить и помочь ближнему; будучи от природы трудолюбив и не избалован, он вполне довольствуется тем, что у него есть, переходя иногда в такого рода расчетливость, которая походит скорее на скупость. Говорят, что чувашенин заменяет иногда деготь для смазки своей телеги коровьим маслом уже, конечно, не потому, что коровье масло дешевле дегтя, когда есть материал в три раза более дорогой, да непокупной. Он отказывает себе во многом и отказывается охотно от масла, молока, овощей, лишнего скота, домашней птицы и настреленной им дичи, благо все это можно продать на базаре и деньги спрятать от греха в кубышку»³¹. И просветитель считал своих соплеменников неприхотливым этносом, умевшим обходиться в повседневной жизни самым малым: «Особых потребностей не существовало» (С. 57). Но в расчетливости представителей родного ему народа он склонен был видеть не столько скупость, сколько бережливость. (В данном вопросе автор воспоминаний полностью солидарен с чувашским этнографом Г.И.Комиссаровым³².) Корни указанного поведенческого стереотипа И.Я.Яковлев видел в трудной исторической судьбе соплеменников, в их бесправном положении (С. 212) и невежестве (С. 360, 361).

Жители чувашской деревни второй половины XIX в. в мемуарах представлены как носители высокой нравственности.

«В чувашских песнях, — читаем в воспоминаниях, — нет никогда ничего грязного, циничного, срамного, похабного, что иногда проскальзывает в русских песнях. Они глубоко религиозны, целомудренны, нравственны. Да и вообще чувашская речь не содержит в себе бранных слов» (С. 70). Еще ряд подобных наблюдений автора воспоминаний. Кражи в чувашской деревне были редким явлением, двери помещений не знали замков (С. 63, 65). Взаимоотношения однодеревенцев корректны и деликатны. Высок авторитет старших, семьи: «разврата среди чуваш не замечалось, хотя многие жили, не венчаясь в церкви, как мужья и жены». Пьянство как явление в их среде «крайняя редкость» (С. 65).

Высокую нравственность своих соплеменников патриарх видел и в гуманности, жалостливости, участливом отношении к чужой беде. Указанный сюжет им раскрыт достаточно полно. В своих мемуарах к нему просветитель обращается вновь и вновь. Подобное внимание к теме вряд ли случайно: она И.Я.Яковлевым была выстрадана. Сострадание, чуткость и забота разных людей окружали его, сироту, с первых дней жизни. Воспитанный в такой среде, он и сам стал носителем этих качеств. «Я вообще с малых лет не мог спокойно видеть бедствий, страданий людей без того, чтобы не постараться для них что-либо сделать», — признавался он на склоне лет А.В.Жиркевичу (С. 108). Пожалуй, правомерно предположить, что отенение И.Я.Яковлевым нравственных природных черт чувашей — это своего рода дань признательности соплеменникам вообще, и людям, принявшим участие в собственной судьбе, в частности.

В мемуарах приведен ряд свидетельств конкретного проявления гуманности и жалостливости чувашей. В их деревнях в годы общественных бедствий в стране (война, голод, повоальные болезни) как среди взрослых, так и среди подростков и детей прекращались все увеселения (С. 72). При переделах сельскохозяйственных угодий община здесь чаще шла навстречу интересам женского элемента, вдов. Во многом благодаря участливому отношению однодеревенцев друг к другу в чувашской среде «по крайней мере, в прежние времена... не существовало нищих, попрошайничества» (С. 472). Гуманность «чувашской души», по мнению просветителя, видна и в поминании «несчастливого» — чужих покойников, «которые

умерли, не оставив никого, кто бы за них на земле помолился, — ни родства, ни потомства» (С. 54). Сироты в чувашских деревнях разбирались по крестьянским семьям и воспитывались наравне с родными (С. 48).

Обращение к имеющейся источниковой базе позволяет заключить, что мнение И.Я.Яковлева о большей, по сравнению с русскими и татарскими, моральности чувашского общества не лишено под собой почвы. По данным М.Лаптева, к примеру, в 1856—1857 гг. в Казанской губернии было зарегистрировано 1385 преступлений. Среди лиц, преступивших закон, русские (доля в общем числе жителей — 41%) составляли 40,8%, татары (29,6%) — 45,7, чувашаи (22,2%) — 8,4, марийцы (5,7%) — 3,8, другие этносы (1,5%) — 1,3%³³. На фоне других этнических общностей ситуация в чувашской среде выглядит относительно благоприятной. Здесь сказывался и чисто субъективный фактор. Крестьяне чувашских деревень не жаловали государственные судебные органы, а предпочитали разрешать спорные вопросы на месте — в общине. Так, в 1888 г. 20 жителям д. Тенеево Цивильского уезда Казанской губернии были вручены повестки на волостной суд. В обществе сложившееся обстоятельство нашли настолько тревожным фактом, что созвали сельский сход. Старики заявили, что «столько людей... в один раз никогда не вызывали на волость и что это позорно для деревни». Противоборствующим сторонам было предложено «помириться без суда», что часть лиц и сделали прямо на сходе³⁴.

Вопрос о моральности этнических общностей напрямую может быть связан с вопросом о моральности общинных порядков в их среде. В пореформенное время чувашские крестьяне чаще делили сельскохозяйственные угодья по соглашению — «по согласию», что свидетельствовало о «более полном добром согласии между сообщинниками». В отличие от русской деревни в их населенных местах перераспределение угодий по ревизским душам, приводившее к вопиющему игнорированию интересов отдельных домохозяев, практиковалось относительно редко. Так, в Казанской губернии в 80-х годах XIX века сравнительно справедливая единица распределения земли — по мужским наличным душам — применялась: у русских хлебопашцев — в 27% общин, у марийских — 26,4, у татарских — 85,9, у удмуртских — 91,3 и у чувашских — в 80,6%³⁵. В начале XX века в Симбирской губернии доля общин, где наряду с

мужчинами наделялись землей и женщины, составляла: у чувашей — 1,8%, у мордвы — 1,4 и у русских — 0,5%³⁶.

Следует также отметить, что И.Я.Яковлев — не единственный современник, наблюдавший элементы социальной гармонии в чувашском обществе XIX столетия. В ряде историко-этнографических очерков и научно-популярных изданий того времени для социально-психологической характеристики чувашей использованы формулировки «никому не удавалось видеть среди них нищих», «у них никогда богатый не кичится над бедным», «они пользуются значительной зажиточностью и почти совсем не знают нищих»³⁷. Есть и свидетельства конкретного плана. Здесь, пожалуй, уместен небольшой отрывок из составленных в 1896—1903 гг. этнографических записок Г.Т.Тимофеева «Тәхәръял» (Девять деревень), касающихся чувашской д. Альшеево Буинского уезда Симбирской губернии. «... В нынешнюю пору, — констатируется в них, — и другие богачи стали приобретать земли. Состоятельные мужики возводят хлебные амбары и заполняют их хлебом. В нужное время вывозят и продают тысячи пудов. Так наживают капитал. Другие, имеющие по два-три стога хлеба, берегут их для случая: понадобится или при женитьбе сына, или для покупки земли. Тогда без денег не обойтись, при их острой нехватке и обмолачивают прежние копны. Здесь калым за невест внушительный: от 40 до 80 рублей, от 100 до 120 рублей. Обычно большинство лиц, у которых подросли сыновья, проторивают дорогу к богачам: выпьют с хозяином и одалживают деньги рублей 50-60, что сверх потребно — имеют от продажи хлеба. Так своего сына и женит. Впоследствии, обмолотив старые копна и продав зерно, рассчитываются с богачом. Здесь так друг другу доверяют, не обманывают. Поэтому от бедного и богатый не отмахивается: тесно общаются, живут дружно. Здесь богатого от бедного не сразу отличишь: в праздничном застолье никто не кичится своим богатством, всякому гостю рады. Участливое отношение друг к другу помогает пережить голодные годы; бедный идет к богатому и просит займы хлеб, тот выручает — дает до осени. Этот с истечением срока все возвращает сполна. Богатый и в следующий раз идет навстречу. Так держатся друг за друга. Бедному и в голодные годы удается сохранить поголовье скота, держать много птицы: благодарны состоятельным соседям»³⁸. Вне

сомнения, в подобных зарисовках социально-экономическая действительность несколько приукрашена. Но было бы не совсем верно и полностью исключить из жизни села участливое отношение социальной верхушки к малосостоятельным слоям. Клан, скажем, Ивановых, мог включать и богатые семьи, и семьи, имеющие средний достаток, и семьи, с трудом сводящие концы с концами. В трудные годы первые и выручали последних.

Из всей совокупности содержащейся в мемуарах информации, касающейся чувашского общества второй половины XIX в., последнее предстает как достаточно инертный, относительно закрытый социум, как бы, если приемлемо это выражение, социум в себе. Данный просветителем социально-психологический портрет соплеменников — это прежде всего изображение, отражение дореформенной чувашской среды. Патриарх принадлежал к тому поколению людей, кто появился на свет и делал по жизни первые шаги еще в крепостнической России. Его юность и зрелые годы пришлись на новую Россию, Россию буржуазную. Оглядывая с высоты прожитых лет пору своего босоногого детства, многие явления бытия И.Я.Яковлев оценивал в свете происшедших изменений: отсюда и ностальгические ноты о Прошлом. Новое Время несло огромные перемены, они проникали во все поры жизни. Менялось и патриархальное чувашское общество. Вместе с капиталом, несшим в деревню свет и прогресс, в нее хлынули и пороки цивилизации. Как грибы после дождя, почти повсеместно появились торговые точки, ассортимент реализуемых товаров которых включал и горячительные напитки. Практически все сколько-нибудь значимые решения крестьянского мира: сдача в аренду мельниц, земельных участков, перераспределение сельскохозяйственных угодий, выдел усадебных мест, примирение противоборствующих сторон, выборы должностных лиц и т.п. — стали скрепляться печатью Бахуса³⁹. Молодежь, вкусившая воздух свободы на отхожих заработках, не желала считаться с поведенческими нормами общины. Непонимание между разными поколениями общинников все более углублялось. Изменились вкусы, нравы. «У инородцев-чуваш, — отмечал современник, — начинает укореняться заслуживающий порицания недостаток ругаться сквернословными словами на русском диалекте со всеми атрибутами и предиктами, не только между взрослыми, как мужчинами и женщинами, но и между малолетними»⁴⁰.

И.Я.Яковлев — глубокий и тонкий знаток чувашского мира. Его социально-психологические характеристики соплеменников во многом совпадают с выделенными современниками в ментальности чувашей качествами. Просветитель — носитель «чувашской души» по крови. Создавая обобщенный образ родного ему народа, многие их черты он срисовывал с себя. Но социально-психологический портрет чувашей — это и плод его наблюдений, отпечаток его мироощущения и мировосприятия. Он носит печать индивидуальности художника. Последнее проявляется и в уничижительном отношении патриарха к обществу отцов и прадедов, и в известной романтизации их бытия. Примечательно, что следующее поколение Яковлевых смотрело на чувашский мир уже несколько иными глазами. Сын просветителя А.И.Яковлев вспоминал: «...Тогда (80-е гг.) население было еще примитивным и диким. Вспоминаю, как по селу идет воз с грошовой кустарной деревянной посудой. А это кошатники, выменивающие 2-копеечные плошки и чашки на несчастных «Машек» и «Васек», которых со всех сторон наперебой тащат к ним бабы и ребята. Взяв такую несчастную «Машку» за задние ноги, кошатник разоживал ей голову о залитую кровью грядку телеги и бросал ее в огромную корзину, привязанную позади телеги, из которой слышались стоны и писк, потому что многие кошки оказывались недобитыми. Кровавая телега совершала свой объезд по селу, оставляя кровавый след и производя сенсацию своим появлением и возможностью выменять за кошку грошовую плошку. В остальном село как село: плеяда изб, коноплянники и огороды. Одна особенность чувашского хозяйства — это их земледельческая старательность и усердие, большее, чем у русских или татар»⁴¹. Конечно же, и мир других этнических общностей, отразившийся в мемуарах просветителя, носит печать его индивидуальности. И.Я.Яковлев, почерпнувший «все элементы своего духовного развития... из русского источника», несколько настороженно относился к татарам. Миссионерская терминология, использованная им для их характеристики, вряд ли случайна (С. 183).

Воспоминания И.Я.Яковлева — достаточно сложный для восприятия источник. Многие его положения не могут быть однозначно интерпретированы. Обратимся вновь к фрагменту

текста мемуаров, где повествуется о встрече Ванечки со старой цыганкой. А.В.Жиркевич со слов просветителя зафиксировал следующее: «Однажды около нашей деревни на другой стороне реки расположился табор цыган. Я с семьей Пахомовых (чуваши) и с кем-то из русских пошел бродить по табору. Старая цыганка у моста, взяв мою руку и разглядывая ее, сказала по-русски: «Большой будешь человек. Далеко пойдешь...» Мне это перевели сейчас же на чувашский язык. Все поняли тогда эти слова в том смысле, что мне не придется остаться в деревне» (С. 72). Из всего приведенного отрывка нас интересует лишь последнее предложение. Почему крестьяне, услышав предсказания гадалки, решили, что, повзрослев, мальчик покинет родимый очаг? Можем предположить, что они могли понять ее буквально: мальчика ждет относительно счастливое будущее, самой судьбой ему предназначено не ходить за плугом, а нести иной крест. Более вероятным представляется все же, что в их (крестьян) реакции на пророчество старой женщины не было ничего необычного. Детей, родившихся вне брака, а Иван являлся таковым, община особенно не жаловала, причисляла к «чужакам», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Последних крестьянский «мир» редко наделял землей. Ущемлялись их интересы и иным образом. Юноши, обиженные столь несправедливым отношением, достигнув совершеннолетия, как правило, покидали населенное место, где они родились⁴².

Не стоило бы акцентировать внимание на таких моментах, если бы вопрос об интерпретации положений воспоминаний И.Я.Яковлева не продолжал оставаться актуальным. Совсем недавно увидел свет роман-эссе Г.Н.Волкова «Судьба патриарха» (Чебоксары, 1998). В нем, к примеру, упомянутая сцена встречи Ванечки со старой цыганкой описана следующим образом: «Был случай. Дед и внук возвращались из Жукова, куда ходили на пасху поздравить аталыха — крестного Якова Яковлева. Перед самыми Кошками встретила их старая цыганка. Пожелала погадать. Пахом не захотел. А Иван, сказав «Христос воскрес», протянул цыганке крашеное яичко. Руки коснулись друг друга. Иван посмотрел на цыганку долгим-долгим взглядом, не сводя глаз. Цыганка взяла ласково ручку и, водя пальцем по ладони, быстро-быстро заговорила:

— Скоро дальняя дорога будет. Казенный дом. Счастье и богатство придут позднее. Долго будешь жить. Поводырем не

только дедушке, но и своим односельчанам, всем чувашам станешь, любимцем людей будешь благодаря доброте своей. Чуваша на тебя молиться станут...» (С. 32, 33). Нелепо было бы оспаривать право писателя несколько свободно толковать источник. Отход от текста совсем незначительный. Пасха. Мальчику вручено крашеное яичко. Но фон повествования кардинально изменился. Жители чувашской деревни предстают со страниц произведения прилежными прихожанами православной церкви. Между тем конфессиональная ситуация в их среде в 50-х годах XIX в. была иной. «Я помню одну игру в деревне Кошки, — рассказывал спустя много лет просветитель интервьюеру, — в которой я сам принимал горячее участие в возрасте шести-семи лет. Дети брали из изб православные иконы и, пользуясь тем, что они деревянные, четырехугольные, бросали их вдоль улицы на глазах у взрослых: какая икона будет брошена дальше, тот и выигрывает» (С. 56).

Итак, как и любой источник личного происхождения, мемуары И.Я.Яковлева носят субъективный характер. Лишь при критическом подходе они могут быть широко использованы в научных изысканиях.

Источники и литература

¹ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 72.

² Яковлев А.И. Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930. 2-е изд. Чебоксары, 1958. С. 40.

³ Краснов Н.Г. Иван Яковлевич Яковлев. Чебоксары, 1976; *он же*. Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Чебоксары, 1992; и др.

⁴ Яковлев И.Я. Воспоминания. Чебоксары, 1982. С. 5—18, 235—256; *он же*. Воспоминания. 2-е доп. изд. Чебоксары, 1983. С. 5—19, 243—282; *он же*. Моя жизнь: Воспоминания. С. 32-43, 602—646.

⁵ Яковлев И.Я. Воспоминания. С. 15; *он же*. Воспоминания. 2-е доп. изд. С. 16.

⁶ Плечов Г.Н. Воспоминания И.Я.Яковлева: история создания и подготовка к публикации (археографическое предисловие)//Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. С. 33, 34.

⁷ Пушкарев Л.Н. Дневник как исторический источник//Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я.Яковлевым. Из дневника за 1916—1924 годы /Сост. Александров Г.А. Чебоксары: «Руссика», 1998. С. 11.

⁸ Жиркевич А.В. Указ. соч. С. 18, 21, 32, 33, 71, 114, 133, 143; Чувашский национальный музей. Фонд И.Я.Яковлева. Папка №5.

⁹ Жиркевич А.В. Указ. соч. С. 66, 239, 316.

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Там же.

- ¹² Там же. С.239.
- ¹³ Там же. С. 71, 75, 209, 317.
- ¹⁴ Там же. С. 316.
- ¹⁵ Там же. С. 314, 315.
- ¹⁶ *Плечов Г.Н.* Воспоминания И.Я.Яковлева: история создания и подготовка к публикации (археографическое предисловие). С. 37.
- ¹⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. X. Ед. хр. 1070. Л. 239 об.
- ¹⁸ *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община //Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.)//Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С. 22.
- ¹⁹ [*Яковлев И.Я.*] Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки. Изд. 14-е. Симбирск, 1900. С. 28.
- ²⁰ *Тимофеев Г.Т.* Тăхăръял (Сёве тăршшĕнчи чăвашсем). Шупашкар, 1972. С. 279; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268. Инв. № 5983. Л. 441.
- ²¹ *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 57.
- ²² *Николаев Г.А.* Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX — начале XX веков //Состав и положение населения Чувашии в XVIII — начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 91, 92.
- ²³ *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 236.
- ²⁴ Спутник по Волге в 3-х частях с картою Волги: Историко-статистический очерк и справочный указатель / Сост. Монастырский С. Казань, 1884. С. 80.
- ²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 277. Инв. № 6025. Л. 30.
- ²⁶ *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 81—82.
- ²⁷ Там же. С. 58.
- ²⁸ *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 184.
- ²⁹ *Михайлов С.М.* Указ. соч. С. 89.
- ³⁰ Центральный государственный архив Чувашской Республики (ЦГА ЧР). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1373. Л. 21.
- ³¹ *Майнов В.Н.* Инородцы Среднего Поволжья //Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб. — М., 1901. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. С. 104.
- ³² *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья //Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 350, 351.
- ³³ Подсчитано по: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / Сост. Лаптев М. СПб., 1861. С. 160, 161, 533.
- ³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Инв. № 5548. Л. 505.
- ³⁵ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань, 1896. С. 354, 361.
- ³⁶ Подсчитано по: Подворная перепись Симбирской губернии. Симбирск, 1912—1914. Вып. 1—8.
- ³⁷ *Майнов В.Н.* Указ. соч. С. 103, 110; *Сырнев И.Н.* Распределение

И.Я.ЯКОВЛЕВ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Каждая национальная литература, начиная от истоков и до зрелости, проходит неповторимо своеобразный путь развития. Такое утверждение вовсе не противоречит тому, что имеются обязательные для всех национальных литератур общие закономерности. Имеем в виду диалектику общего и особенного в процессах становления и эволюции той или иной национальной литературы как специфической формы общественного сознания.

Данные наброски и тезисы не являются хронологически последовательно и фактологически полно изложенным очерком истории чувашской литературы. Это, скорее, некоторые штрихи к «портрету» историко-литературного развития яковлевского периода. В центре внимания автора — решающие факторы и силовые линии, в скрещении которых так или иначе наблюдается влияние идей и практических действий И.Я.Яковлева. Именно в период полувековой деятельности Яковлева созрели все необходимые условия для вычленения из общекультурного целого специфической формы творческой деятельности — *художественной литературы*. Речь идет уже не о разрозненных и «случайных» явлениях и факторах словесности и, в целом, эстетической культуры, а складывается, что чрезвычайно важно, историко-литературный процесс, формируется национальная литературно-эстетическая система со своими ценностями и специфическими особенностями.

Созданная Яковлевым в начале 70-х годов новая письменность, издание букваря, переводы положили начало новому этапу развития чувашской художественной литературы. В исследованиях М.Сироткина, В.Канюкова, Е.Владимирова,

А.Васильева и др. уделено серьезное внимание первым образцам словесности, включенным Яковлевым в первые буквари и учебники. Это небольшие рассказы, притчи, анекдоты, бывальщины и т. д. В этой же художественной системе достойное место занимают нравоучительные рассказы Игн.Иванова, написанные автором по совету Яковлева.

Внимательно вчитываясь в небольшие рассказы и назидательные притчи, написанные Яковлевым и его учениками для букварей и книг для чтения, легко можно заметить, что в них «художественность», образное слово, благозвучие и ритмика играют «служебную», подчиненную роль. Нравственно-этическая доминанта, задачи морального воздействия на читателя, слушателя вытекают из общей установки просветительской системы Яковлева. Опытный педагог идет от простого к сложному: миниатюрные рассказы призваны у маленьких читателей развивать наблюдательность, любознательность, раскрывать перед ними те или иные стороны бытовой жизни, объяснить суть природных явлений и т.д. Затем, постепенно усложняя текст, составители букварей вводят в них элементы повествовательности. Но, как правило, миниатюры эти содержат притчевую концовку. Так, ребята, бездумно забавлявшиеся на улице и убившие воробья, от мимо проходящей старушки узнают, что они совершили большой грех. Оказывается, рассказавший об этом случае мальчик передумывал о содеянном в течение нескольких суток, что свидетельствует об эффективности приемов народной педагогики. В другом рассказе под названием «Нищие» показано, как мальчик получает первый урок милосердия. Он видит, с какой душевностью и жалостью обращается его бабушка с пришедшими за подаванием нищими, хотя те поют на вполне понятном для него русском языке. Нищие благодарят за проявленное милосердие и уходят. Завершается рассказ чувашской поговоркой: «Говорят, в деревне воробей никогда с голоду не умирает».

В текстах для «Букваря» составители исходят из принципов этнопедагогики. В миниатюрах в доступной мере затрагиваются вопросы онтологии: как правильно жить? Как строить взаимоотношения с людьми, в семье, в обществе? Какие черты в человеке ценятся и от каких нужно избавляться? Что есть добро и что есть зло? Здесь художественный текст

преимущественно носит воспитательный характер. Исследователи уже отмечали притчеобразность и морализаторский характер идейно-художественной структуры этих произведений, рассмотрены также их жанрово-стилевые особенности.

Абсолютное преобладание *этического* начала над *эстетическим* выглядит типологически характерной особенностью чувашской словесности, и она обуславливалась глубинными запросами национальной культуры, или ментальностью. Дидактико-воспитательное назначение рассказов и субъективно-волевые усилия Яковлева не явились здесь решающим фактором. Для того, чтобы эти начинания имели успех, необходимо было, чтобы они легли на подготовленную, благоприятную почву. Поэтому корни отмеченного явления уходят в историческую глубь. По мнению Л.Гумилева, «очень сильно сказывается на культуре временной момент, момент памяти — памяти генетической, памяти традиционной — памяти прежних культур, т.е. наличие в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами»¹. Мысль Гумилева подсказывает необходимость более внимательно и глубоко заглянуть в эти «колодцы» традиционной, или этногенетической памяти народа. Эта подсказка носит эвристическую направленность. Поставим вопрос: как и откуда возникла такая особенность чувашской литературы (и народной поэзии; можно выйти за ее пределы!), как стремление учить и воспитывать? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истокам этнопедагогики и этнопсихологии.

В последние годы чувашские ученые выдвинули немалое количество серьезных доводов и аргументов в пользу гипотезы, согласно которой современная чувашская культура содержит в себе весьма существенные языковые, мифологические, космологические компоненты, дающие основание идентифицировать их с существенными ценностями иранской культуры. Гипотеза эта, пожалуй, сегодня стала неопровержимой научной истиной. Старейший чувашский лингвист Н.Андреев (Урхи) обнаружил большое количество совпадающих чувашско-иранских языковых, топонимических параллелей². Известный искусствовед А.Трофимов сходные соответствия выявляет в орнаменте чувашской вышивки³. Он отмечает, что даже «формы жертвоприношений, обрядов, весенних праздников чувашей-

язычников были близки к обрядам, связанным с культом богини плодородия, ритуалу жертвоприношений в древней Индии и Иране⁴. Думается, научно-концептуальная основа этой гипотезы может быть дополнена и еще раз подтверждена нашими наблюдениями, относящимися к сфере морально-этических представлений древних иранцев и чувашей. Нет сомнения, что длительные контакты, культурно-экономические связи чувашских племен с североиранскими этносами способствовали тому, что архетипические, доминантные (исходные) представления чувашей о морально-этических ценностях подвергались коррекции, впитав в себя протоиранские субстраты. Это касается прежде всего понимания сущности *добра* и *зла*, как основных категорий этики. Исследователь древних культур Л. Гумилев, опираясь на разработанный им самим научный метод, с максимальной точностью определяет возраст того или иного этноса, эволюционные фазы этногенезов. Так, по его утверждению, в VI—V вв. до н.э. образовались «четыре основных очага» культуры, и выделяет: «Элладу с областями ионийской культуры; Иран с Мидией и прилегающими областями Бактрии; Бенгалию, которая лежит, правда, немножко южнсе, чем Иран, но с другой стороны, в пределах допуска; и Центральный Китай»⁵. Далее исследователь дает основные характеристики (общее и особенное) тем философским системам, которые возникли в то время в указанных регионах. Системы эти «настолько остроумные, настолько логичные, настолько увлекательные, что влияние их в той или иной степени доходит до нашего времени»⁶.

Итак, что же это за философские системы? Оказывается, еще на заре собственной культуры древние эллины главным образом интересовались проблемами мироздания, бытия и места человека в мире. А что важнее было для иранцев? Их почему-то не интересовал вопрос о том, как устроен мир. Для них было важным другое: «где друзья и где враги, что считать добром, а что — злом, извечна ли вражда?»⁷ Совершенно другим ценностям отдавали предпочтение учение Будды, распространившееся на территории Индии, и китайское конфуцианство. Сравнивая все эти философские системы, можно заметить, что никакая другая, а только религиозно-философская система древних иранцев существенно повлияла

на религиозно-этические воззрения чувашей, их психологию. И речь может здесь идти не о случайных совпадениях, а о явлениях, обусловленных факторами этногенетического порядка. Без сомнения, чувашский менталитет, мир нравственных представлений, в которых очень выразительно проступает морально-этическая установка, нацеленность на воспитание, на улучшение и изменение человеческих качеств, наконец, существенные оттенки в понимании добра и зла — все это в определенных исторических обстоятельствах испытало сильное воздействие нравственно-философской системы их североиранских соседей. Нельзя исключать и такую возможность, что чувашский этнос принимал действительное участие в выработке указанной системы ценностных представлений. Думается, склонность к морализированию в той или иной мере вообще характерна для евразийского мышления. Не об этом ли свидетельствуют вершинные явления русской литературы — творчество Ф. Достоевского и Л. Толстого, которые, как правило, включают в себя не только открыто выраженный пафос учительства, но и некую моральную «доктрину», концептуально завершенную религиозно-этическую систему.

Итак, дуалистическое сознание чуваша, согласно которому жизнь, весь окружающий мир представляют борьбу добра и зла, света и тьмы, во многом есть «производное» из древнеиранской философской системы.

Если проецировать это явление на процессы формирования литературно-художественного сознания чувашского народа, то в его структуре можно выделить этико-философские пласты, носящие ментально-психологически окрашенный характер. Имеем в виду учительскую направленность литературы Яковлевского периода (и не только этого периода). Пафос учительства, воспитательная направленность являются своего рода доминантой, разработанной Яковлевым и его соратниками просветительской системы, как в ее религиозном, так и светском вариантах. Как мы отметили, дуалистическое сознание чуваша, согласно которому жизнь, весь окружающий мир представляет борьбу добра и зла, света и тьмы, впитало в себя ценности древнеиранской этико-философской системы. Отсюда вывод: система Яковлева легла на готовую почву, веками ухоженную народно-этическими представлениями, культивируемым в фольклоре идеалом добродетельного человека.

Сердцевиной системы Яковлева является *просветительская концепция* человеческой личности. Если хронологически последовательно, поэтапно проследить движение литературного сознания, то легко заметить, что, начиная от назидательных притчей и прозаических миниатюр, созданных самим Яковлевым, и рассказов Игнатия Иванова, вплоть до историко-литературного развития начала XX века названная *концепция личности* остается своего рода инвариантной основой. Это обобщение в проекции на современность позволяет более четко осмыслить сегодняшние процессы в литературе, заглядывать в будущее. В чувашской литературе, обладающей собственными духовными накоплениями и художественными традициями, где моральные сентенции и пафос учителя пронизывают все структурные поры и микроячейки не только художественной ткани, но и содержание, вряд ли может прививаться «искусство для искусства» (самоценное) или «чистая поэзия» с преобладанием «игрового начала». Тем не менее все мы сегодня являемся свидетелями того, как европоцентристские силовые факторы активно пытаются насаждать на почве нашей культуры и экономики чуждые для нас ценности. Но как бы активно их ни пропагандировали, они не могут завязать диалог с исконно национальной основой, почвой.

Как мы уже отмечали, художественное мировоззрение писателей 70-х годов XIX века сформировалось на основе фольклора, их *эстетический идеал* неразрывно связан с системой этических и эстетических ценностей, которая выработана и накоплена в течение веков народной педагогикой. Вместе с тем идеал этот начинает активно обогащаться идеями новой эпохи, распространение получают просветительские взгляды. Это весьма заметно уже в творчестве автора баллады «Леший» М.Федорова. Поэт, можно сказать, впервые в чувашской поэзии, сумел выйти за пределы чисто фольклорного сознания, сделал решительный шаг в сторону поэзии, отмеченной печатью субъективного «я», авторским индивидуально-творческим началом. В глубинных слоях текста баллады (и между строк) нет-нет да слышится добродушно-насмешливая интонация рассказчика, от души жалеющего своего незадачливого героя. Он также хорошо понимает причины, которые держат этого героя в плену суеверий и страха, темноты — все это отражение *мистического опыта*

чувацкого народа. Просветительская установка автора, стремление его оказать воздействие на духовный мир и нравы людей выражены без заметного акцента, надрыва, поэтому и не бросаются в глаза. В целом в балладе «Леший» представлен живой срез религиозно-нравственного и духовного бытия чувацкого народа в 80-е годы прошлого века. В этот период чувацкая литература ведет активный диалог с соседними культурами. В частности, М. Федоров признается в том, что на него повлияли пушкинские «Бесы». В этом была своя закономерность. Скажем, классически развитые литературы, идя по естественному для них пути, в течение тысячелетий накапливали необходимые для себя ценности, формировали различные жанры, закрепляя их в художественной памяти культуры, разрабатывали стилевые и иные эстетические системы. При этом, как правило, исходным моментом для них всегда являлось *подражание природе* (мимесис). Молодые же литературы, развивающиеся ускоренно, вынуждены «догонять» и всегда имеют перед собой готовые литературные образцы для подражания, учебы, заимствования. В науке принято обозначать это *вестернизацией*. Так, Тойнби и Шпенглер не видят в этом вклада в сокровищницу мировой культуры, даже в прорубании Петром I «окна в Европу» видя всего лишь процессы псевдоморфозы. Думается, эти выводы основываются все же на недостаточном количестве фактического материала. Как объяснить хотя бы то, что «неисторические» (Гегель) народы постоянно дарят человечеству гениев?!

Общеизвестно, что в чувацкой литературе поэзия традиционно опережала другие роды. Но основанное Яковлевым просветительское движение дало толчок в 80-е годы и развитию прозаических жанровых форм. Рождаются очерк, рассказ, даже повесть. На фоне 80-х годов выделяется фигура Ивана Николаевича Юркина. В свое время (в докторской диссертации) мы отмечали, что повести и рассказы писателя служат своеобразным ключом к раскрытию идейно-художественной природы чувацкой прозы 80-х годов, отражают уровень национального эстетического сознания того периода. Считаем, что Юркин обозначил в чувацкой литературе этап *сентиментализма*. В этом особенно убеждает повесть «Сыт человек, а глаза голодны». Можно констатировать, что на рубеже 80—90-х годов чувацкая литература (в лице И. Юркина)

поднялась на качественно новый уровень. Доминанта художественной мысли в произведениях писателя отличается своеобразным сочетанием этико-просветительской установки с небывалым до этого пристальным вниманием к чувствам и переживаниям героев (психологические описания).

Надо в связи с этим отметить, что историко-культурные процессы у народов Поволжья складывались так, что истоки каждой отдельной литературы обязательно берут начало в просветительском идеологическом и эстетическом сознании. Так было не только у чувашей, но и в марийской, мордовской и других литературах. Конечно, у них просветительский реализм не сформировался как творческий метод (как целостная эстетическая система). Относительно этих литератур, когда мы говорим о просветительстве, имеется в виду идеологическое, этическое и религиозно-философское движение в самом широком смысле слова. Т.е. все наиболее ценное из духовной сокровищницы нации было сосредоточено в просветительском сознании, в его программных устремлениях и практических результатах, именно это движение властвовало над умами лучших представителей молодых культур. Просветительское движение, выражавшее интересы и идеалы нации, шло по вертикали, проходя этап за этапом, и почти каждое десятилетие вырабатывало свою просветительскую программу, совершенствуя, реализуя задачи предыдущих. При этом надо отметить, что просветительская система Яковлева была динамичной и открытой. И так продолжалось до начала нашего столетия.

Между тем, если говорить о таких литературно-художественных направлениях, как классицизм, сентиментализм, романтизм и т.д., то их проявления (тенденции) локализованы в чувашской литературе на небольших этапных промежутках исторического времени. Так, элементы классицизма прослеживаются в творческом опыте Рожанского и Бичурина, а также в художественно-публицистическом наследии С.М.Михайлова. Конечно, речь идет не о самостоятельном направлении, но эти четко выраженные тенденции принципиально важны при изучении закономерностей историко-литературного процесса. Четко выделяются также типологические черты сентиментализма (И.Юркин), фольклорно-мифологического романтизма (М.Федоров), романтической типизации (К.Иванов) и т.д. К началу 1900-х

годов в целостном историко-литературном процессе выработалась единая идейно-эстетическая «кровеносная система». К этому времени из Симбирской чувашской школы вышло несколько поколений учителей. Новокультурный очаг, зажженный в Симбирске, распространял свет знания во все уголки чувашской земли. Учитель народа сделался властителем дум и чаяний всей нации, а разработанная им система просвещения практически реализовывалась уже многочисленными его соратниками и учениками. По сравнению с первоучениками Яковлева, это были уже совсем иные «плоды просвещения». Это «синкретический» продукт процесса кристаллизации собственно национальной культуры. Представители этого поколения более самобытны, они более чуваша, в них значительно ярче выражена национально самосознающая личность. Из среды этих «чувашефилов» в начале XX века выдвигаются яркие творческие личности, которые, объединившись вокруг чувашской национальной идеи, создают так называемую *Симбирскую литературную школу*, ядро которой представляли Г.Кореньков, Г.Вандер, К.Иванов, Н.Шубоссинни, Ф.Павлов и др. Все они, несколько переиначив слова Достоевского о «гоголевской шинели», могли бы сказать: наши нравственно-эстетические воззрения сформировались под непосредственным воздействием идей Яковлева.

В начале XX века симбирский культурный очаг уже был не единственным. На рубеже XIX—XX веков чувашское «культурное гнездо» возникает (во главе с Никольским) в Казани, в этот же период — в Самарской губернии (во главе с Д.Филимоновым), в 10-х годах — в Уфе с Г.Вандером. География чувашского просветительского движения постоянно расширяется. Эти «культурные гнезда» мощно подпитывали литературно-художественное сознание, давая толчок для развития.

Невозможно оставить без внимания проблему «Иван Яковлев и Иван Юркин». Эта проблема в последнее время затрагивается и на страницах печати, появляются статьи типа «Особенности восприятия Иваном Яковлевым и Иваном Юркиным идей русского национализма». Сразу надо сказать: противопоставление этих двух фигур не имеет под собой основания. В данном случае частный (бытовой) конфликт

возведен до масштабов национальной культуры. Во-первых, развязка данного узла противоречий важна в методологическом отношении: это касается не только традиций, но и дальнейших перспектив развития национальной культуры. Эта схема заимствована из западной культурологии, в частности немецкой, для которой представляет давно пройденный этап. Так, например, крупнейший экзистенциалист Мартин Хайдеггер и его ученик, представитель герменевтики Гадамер отмечают, что в XX веке немецкая философская мысль столкнулась с проблемой выбора между Гете и Гельдерлином. При этом выбор был сделан в пользу последнего, так как он полнее и глубже выражал исконно народные, языческие традиции, черпал ценности из античной культуры, в то время как Гете воспринимается как «гражданин мира», недостаточно «национальный».

В нашей ситуации нельзя поставить Юркина на место Гельдерлина, хотя теоретически альтернатива И.Юркина могла бы предложить более правильный путь самореализации чувашского национального духа. Это в лучшем случае выглядит как нереализованный проект, или, как выразился автор публикаций о взаимоотношениях этих фигур в истории чувашской культуры Ю.Яковлев, самим провидением Юркин был послан чувашскому народу, как божий замысел. И действительно, замысел был, но это еще не *промысел*. Нет возможности здесь анализировать произведения И.Юркина; сегодня первостепенная задача заключается в том, чтобы издать по возможности полное собрание его сочинений. В читательском восприятии должен прочное место занять сам писатель, иначе есть опасность того, что это место займут стереотипы и схемы, агрессивно навязываемые читателю отдельными исследователями и апологетами Юркина. По крайней мере, противопоставлять двух деятелей чувашской культуры нельзя. Как говорили латиняне, каждому — свое.

Яковлевская просветительская система была единственно верным ответом историческому вызову эпохи второй половины XIX века И этот мощный напор мог выдержать только человек с могучим духом, с уникальными природными данными.

Л и т е р а т у р а

¹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С.112.

² Андреев Н.А. (Урхи). Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели//Чувашский язык и литература. Труды ЧНИИ. Вып.59. Чебоксары, 1975.

³ Трофимов А.А. Космогонические представления древних чувашей и отражение их в орнаменте вышивки// Чувашское искусство. Труды ЧНИИ. Вып. 70. Чебоксары, 1976.

⁴ Трофимов А.А. Орнамент чувашской народной вышивки. Чебоксары, 1977. С. 44.

⁵ Гумилев Л.Н. География этноса... С. 113.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВАШСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (Культурологический аспект)

Нет доброго дерева, которое приносило бы
худой плод; и нет худого дерева, которое
приносило бы плод добрый, ибо всякое
дерево познается по плоду своему...

(Евангелие от Луки, 6, 43-44)

Проблема возникновения чувашской национальной интеллигенции относится к числу малоисследованных. Несколько работ, посвященных данной теме¹, насыщены фактическим материалом и в этом смысле представляют немалую ценность, однако проблемный анализ феномена интеллигенции в них либо отсутствует, либо освещен недостаточно полно. Тем не менее можно считать общепризнанной ту особую роль, которую в этом процессе сыграла деятельность И.Я.Яковлева², способствовавшая не только зарождению интеллигенции как особого слоя прежде всего «...неравнодушных, неуспокоенных, постоянно ищущих возможности для самореализации людей»³, но и активизации всего культуросозидательного процесса. В силу исторических и геополитических причин этот процесс во многом был связан с постепенным включением и творческой переработкой элементов русской культуры⁴, пришедшимися на вторую половину XIX века (большинство исследователей связывает его начало с 1870 годом, когда были приняты особые правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», допускавшие использование родного языка на начальной стадии обучения, — ибо язык стал тем условием, при котором контакт двух культур из потенциальной возможности превратился в действительную реальность). Именно этот период, как справедливо считает большинство исследователей, и был ознаменован зарождением национальной интеллигенции как самостоятельного феномена чувашской культуры.

Поскольку влияния, способствовавшие активизации проявления изначально присущего всякой национальной культуре (в том числе и чувашской) творческого начала, во многом обусловили как уникальность генезиса чувашской интеллигенции, так и характер деятельности И.Я.Яковлева, этот аспект заслуживает специального рассмотрения. При этом мы коснемся также изменений, происходивших в самой русской культуре, но лишь в той мере, которая будет необходима для понимания степени обусловленности этими изменениями процесса формирования чувашской национальной интеллигенции. Предлагаемый нами взгляд на проблему не претендует, разумеется, ни на окончательность, ни на всесторонность проведенного анализа, так как, во-первых, подобная задача неосуществима в пределах объема данной статьи, а во-вторых, феномен национальной интеллигенции не может быть объяснен одними внешними влияниями.

Предваряя характеристику тех причин, которые обусловили зарождение чувашской национальной интеллигенции, укажем на важную для исследуемой проблемы переменную в характере деятельности русских миссионеров, проявившуюся, главным образом, в открытии в середине XVIII века четырех школ для инородцев (подданных Российской империи неславянского происхождения)⁵, в переводах на национальные языки (в том числе и на чувашский) священных текстов, начатых в XVIII веке и продолженных в первой половине XIX века, особенно в период существования Российского Библейского общества (1812—1826)⁶, казанское отделение которого было открыто в 1818 году⁶, а также в подготовке первых священнослужителей со знанием языков коренных народностей.

Эти попытки, безусловно, были во многом несовершенны, что достаточно убедительно доказывалось многими авторами⁷. Для нас же важным представляется то обстоятельство, что первые переводы, отметим это особо, стали неотъемлемой частью того пути, который впоследствии привел к появлению системы Н.И.Ильминского (1822—1891), получившей официальное признание, что выразилось в принятии правил 1870 года.

Этому предшествовал процесс осознания и принятия лучшими представителями русской культуры того факта, что

«главою угла» в усвоении инородцами христианского учения может стать их родной язык, «камень, который отвергли строители» (Матф., 21, 42). И, хотя изменение в подходе к проповеди христианства дало зримые результаты лишь во второй половине XIX века, первые свои плоды оно стало приносить гораздо ранее, способствуя постепенному растворению языческого индифферентизма к «чужой» религии⁸.

Подобные изменения проистекали, на наш взгляд, из характера русского мессианизма, а вернее, из тех изменений, которые претерпела эта идея на русской почве в XVIII веке. Здесь мы имеем в виду не ее первоначальный религиозно-мистический смысл, но связанное с этим смыслом убеждение народа в своем особом предназначении «...как избранного носителя и свершителя исторических судеб человечества».

Сделаем небольшое отступление, дабы указать на зорко подмеченную Вл. Соловьевым, весьма важную в контексте поставленной в данной статье проблемы особенность проявления мессианизма у народов, не имеющих политической самостоятельности. Эта особенность, по мнению философа, заключается в том, что мессианизм в подобных случаях чаще принимает «...характер нравственный и героический, высшее призвание понимается как обязанность и подвиг..., и может быть важным двигателем национального обновления»¹¹.

В дальнейшем мы увидим, как такое понимание мессианской идеи проявилось в деятельности первых представителей национальной интеллигенции, в особенности у И.Я.Яковлева. Но прежде обратимся к рассмотрению трансформации мессианской идеи на русской почве, поскольку через нее, как через своего рода фильтр, происходила рецепция этой идеи чувашской культурой.

К XIX веку в русской культуре развитие мессианизма, возвращенного на убеждении в провиденциальной роли России как восприемницы Византии в сохранении православной веры, происходило, условно говоря, в двух направлениях: религиозно-мистическом и социально-философском.

* Именно в этом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать высказывания И.Я.Яковлева, подобные тем, которые находим в письме к священнику И.В.Трисвятскому от 30 августа 1881 г.: «Быть русским — значит прежде всего¹⁰ быть православным. Русская народность и православие у нас синонимы».

Во-первых, это духовное течение, испытавшее на себе влияние идей эпохи Просвещения, но в своей основе опиравшееся на национальные традиции, наиболее яркими представителями которого были славянофилы. Во-вторых, это интеллектуальное движение, подвергнувшееся гораздо более сильному влиянию идей, пришедших с Запада, а потому стремительно секуляризовавшееся, выразителями которого были западники. Тем не менее последнее также сохраняло глубинную связь с культом — факт, позволяющий говорить о том, что «... религиозное начало сохранило в русской культуре значение некоего «методологического» основания в культовой, обрядовой форме...», оказывая значительное влияние на все стороны жизни российского общества¹².

Итак, с нашей точки зрения, можно говорить о том, что одной из характеристических черт, изначально присущих чувашской национальной интеллигенции и определивших специфику ее формирования, является преломленная особым образом в сознании ее представителей мессианская идея, являющая собой причудливое переплетение религиозно-мистического и социально-философского аспектов. Хотя разделение этих аспектов выглядит довольно схематично, попытаемся все же ответить на вопрос о том, насколько плодотворной оказалась рецепция каждого из обозначенных направлений.

Первоначально, в силу своей более четко выраженной религиозно-мистической направленности, мессианская идея проникла в чувашскую культуру в своем славянофильском варианте. Ее усвоению, безусловно, способствовала деятельность Н.И.Ильминского. Благодаря миссионерской деятельности ученого (его не зря, называя своим учителем, глубоко чтит И.Я.Яковлев) подобные влияния так или иначе испытали все народности Восточной России, а сам Ильминский обрел ревностных учеников не только среди чувашей¹³. Однако наиболее плодотворно эти идеи сказались именно на нашей культуре, что выразилось в не имевшей себе равных по степени влияния на весь дальнейший ее ход подвижническо-просветительской деятельности И.Я.Яковлева. Эта деятельность служит свидетельством в пользу нашего предположения о том, что в недрах чувашской культуры к этому времени уже созрела потребность в подобного рода самореализации. В частности,

данная тенденция проявилась в осознании И.Я.Яковлевым еще в гимназические годы необходимости того, что чувашки должны «...утвердиться в православии путем школы». Уже тогда он не просто предчувствовал свою причастность к этому делу, но с 1868 года по своей инициативе и на свои средства занимался обучением чувашских мальчиков. Правда, и это стоит отметить особо, в те годы молодой Яковлев отрицал значимость родного языка для обучения, понимая обрусение как неизбежную ассимиляцию чувашей «с целью избежания сепаратизма». Такое мнение сформировалось у него под непосредственным влиянием законоучителя Бурундукского удельного училища А.И.Баратынского (1824—1895), в котором в 1856—1860 гг. учился будущий просветитель¹⁴. Такого мнения И.Я.Яковлев придерживался вплоть до встречи с Н.И.Ильминским, впечатление от общения с которым было так велико, что он решил устраивать свою симбирскую школу по образу и подобию крещенотатарской школы учителя, для чего специально вызвал в Казань своего ученика А.Рекеева¹⁵. Таким образом, беседы с ученым указали И.Я.Яковлеву тот путь, по которому он внутренне уже готов был идти, дали практическое направление его смутной юношеской жажде подвижничества, что засвидетельствовал в своих воспоминаниях сам просветитель: «Могу сказать, что не будь моей встречи с Н.И. Ильминским, я пошел бы, может быть, обыкновенной чиновничье-педагогической дорожкой...»¹⁶.

Эта жажда подвига в христианском смысле выразилась не только в работе по расширению Симбирской чувашской школы, не только в переводческой деятельности, но и «...в виде деятельного миссионерства», т.е. в поездках по чувашским селениям в летнеканикулярное время, чтении и обсуждении с местными жителями на родном языке переведенного им к тому времени Евангелия от Матфея¹⁷.

Итак, то направление деятельности, которое сам И.Я.Яковлев называл «миссионерско-просветительным», питаемое русской мессианской идеей, стало духовной основой для зарождавшейся национальной интеллигенции, дало толчок самостоятельному развитию науки и искусства.

К началу XX века сложились условия для проникновения в чувашскую культуру социально-философского варианта мессианской идеи. Однако это направление не смогло стать

для нее в той же мере животворным, ибо порожденное этой его ветвью движение в самой русской культуре к тому времени окончательно секуляризировалось и, не утрачивая связи с культом, но приняв ярко выраженную политическую окраску, оказывало на нее деструктивное воздействие. Влияние этого направления на нашу культуру отозвалось идеей о возможности политической самостоятельности, захватившей практически все слои тогдашнего общества¹⁸. В этом контексте показательно весьма сдержанное к подобным проявлениям на чувашской почве отношение И.Я.Яковлева, считавшего вмешательство в политику Российского государства пагубным для «инородцев» и потому оказавшегося в оппозиции к движению молодых радикалов. По его мнению, всего можно было «достигнуть без потрясений, насилий, мирным путем»¹⁹.

Десакрализованный вариант мессианской идеи способствовал разрушению формировавшейся чувашской национальной идеи, поскольку всякая национальная идея «...опирается не только на этнографические и исторические основания, но, прежде всего, ... основывается на религиозно-культурном мессианизме»²⁰. Свидетельством же действительного усвоения чувашской культурой русского мессианизма служит появление в среде интеллигенции идеи о спасении нации и о той особой роли, которую призвана сыграть сама интеллигенция в ее реализации. Такое понимание проявилось, на наш взгляд, в движении сторонников церковного обновления, добивавшихся создания чувашской епархии во главе со своим «чувашским архиереем»²¹.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что первыми представителями национальной интеллигенции эта идея сводилась к трем задачам, которые пронизывали всю деятельность И.Я.Яковлева и отражены уже в его переписке ранних лет (особенно четко — в докладной записке к попечителю Казанского учебного округа П.Д.Шестакову), получили программное выражение в «Кратком очерке Симбирской чувашской школы»²². Этими же принципами проникнуто и его «Духовное завещание чувашскому народу», сам факт появления которого свидетельствует о том, что И.Я.Яковлев в полной

* В этом движении, на наш взгляд, очевидно влияние как религиозно-мистического, так и социально-философского вариантов мессианской идеи.

мере ощущал свою богоизбранность и пасторскую ответственность перед теми, из чьей среды он выдвинулся²³. Прежде всего, это идея о просвещении чувашей «светом Евангелия»; во-вторых, об объединении чувашей с русским народом «в христианском миросозерцании, культурном и бытовом облике»²⁴; в-третьих, об использовании родного языка в богослужении и сфере школьного образования. Выраженная именно в этих задачах и явившаяся результатом творческого усвоения чувашской культурой мессианской идеи, идея спасения нации несла созидающую энергию, став духовной основой зарождавшейся интеллигенции.

Литература и примечания

¹ Из работ, в которых затронута эта проблема, отметим статьи *Л.М.Гавриловой* (см. ее: Интеллигенция Чувашии в первой половине XIX века: Подготовка и профессиональная деятельность учителей и врачей // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода: Сб. статей. Чебоксары, 1985. С. 31—52; Подготовка кадров интеллигенции Чувашии в учебных заведениях Казани во второй половине XIX — начале XX века // Вопросы истории Чувашии периода капитализма: Сб. статей. Чебоксары, 1986. С. 3—29; Земская интеллигенция Чувашии во второй половине XIX — начале XX вв.: врачи, ветеринары, агрономы // Вопросы истории Чувашии XIX — начала XX вв.: Сб. статей. Чебоксары, 1988. С. 21—48), а также книгу *Г.А.Александрова* «Чувашская интеллигенция: истоки» (Чебоксары, 1997).

² Таковую оценку встречаем уже у современников *И.Я.Яковлева*. Ср., например, следующее, весьма характерное высказывание *А.В.Жиркевича*: «*И.Я.Яковлева* все называют «чувашским богом». Заслуги его, конечно, огромны, и память о нем сохранится навсегда в истории чувашей, в истории русской культуры...» (*Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я. Яковлевым: Из дневника за 1916—1924 годы*. Чебоксары, 1988. С. 20.). Свидетельством искреннего восхищения *Жиркевича* масштабом деятельности просветителя служат составленные писателем со слов последнего воспоминания (см.: *Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания: К 150-летию со дня рождения И.Я.Яковлева*. М., Чебоксары, 1997). Однако деятельность просветителя не воспринималась столь однозначно как современниками, так и потомками (подробнее об этом см. в статье: *Хузангай А.П. «Обрусение чуваш» или «чувашское — народное дело»: опыт деконструкции яковлевского дискурса* // Республика. 1988. №15, с. 14; №17, с. 10).

Акопян К.З. Русская интеллигенция: многоликость и уникальность // *Акопян К.З. В поисках утраченного смысла: Сб. статей*. Н.Новгород, 1997. С. 133.

⁴ Здесь, на наш взгляд, необходимо учесть также и то обстоятельство, что «... на уровне подсознания любого народа существуют некие духовные предпосылки, основания, предпочтения, способствующие или препятствующие рецепции того или иного культурного и, шире,

духовного явления» (Акопян К.З. «Светское предание» и «игра в бисер» // Акопян К.З. В поисках утраченного смысла: Сб. статей. Н.Новгород, 1997. С. 157).

⁵ См.: А.Я. [Яновский А.Я.] Инородцы // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. И. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890—1907. Т. 25, 1894, с. 224—225; Никольский Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках: Исторический очерк. Казань, 1912. С.118—137. Попытки распространения просвещения среди нерусских народностей предпринимались с момента организации в 1555 году Казанской епархии (см.: Егоров Д.Е. Ученые-педагоги Чувашии и их вклад в развитие просвещения и педагогической мысли. Чебоксары, 1997. С. 12—13). Однако они не носили систематического характера.

⁶ См.: Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары, 1992. С.49—55.

⁷ В частности, использование русскими священниками для проповеди неродного для них чувашского языка нередко становилось причиной возникновения неуместно комичных ситуаций (см., например: Чичерина С. У приволжских инородцев: Путевые заметки. СПб., 1905. С. 345). См. также: Егоров Д.Е. Ученые-педагоги Чувашии...; Федотов М.Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары, 1987.

⁸ Можно предположить, что к этому времени в недрах самой чувашской культуры возникла духовная потребность преодолеть подобный индифферентизм. Данное предположение может быть подтверждено тем обстоятельством, что уже в XVIII веке из среды чувашей выдвинулось несколько заметных личностей, крупнейшей из которых был синолог Н.Я.Бичурин (о. Иакинф).

⁹ Вл.С. [Владимир Соловьев]. Мессианиззм // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. И. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890—1907. Т. 37, 1896. С. 150.

¹⁰ Яковлев И.Я. Из переписки. Чебоксары, 1989. С. 85.

¹¹ Вл.С. [Владимир Соловьев]. Мессианиззм... С. 150.

¹² Акопян К.З. «Светское предание» и «игра в бисер»... С. 94—95.

¹³ См., например, о деятельности священника Уржумского уезда Вятской губернии С. Громова в работе: Машковцев А.Н.И. Ильминский и духовное просвещение нерусского населения Южной Вятки в конце XIX века // Русская культура и мир. Ч.1: Культурология, история, философия, психология. Н.Новгород, 1994. С. 72.

¹⁴ Яковлев И.Я. Из переписки... С. 292. По словам И.Я.Яковлева, Н.И.Ильминский впоследствии смог переубедить А.И.Баратынского и последний «обратился в сторонника взглядов Николая Ивановича» (Яковлев И.Я. Моя жизнь... С.163). Так что оценка его деятельности некоторыми исследователями как русификаторской представляется излишне категоричной.

¹⁵ Яковлев И.Я. Моя жизнь... С.170. Крещенотатарская школа была основана Н.И.Ильминским в 1863 или 1864 году. С 1868 г. богослужение в школе полностью велось на татарском языке.

¹⁶ Там же. С. 216, 95.

¹⁷ Там же. С. 182—184.

¹⁸ См.: Хузангай А.П. Три этапа возрождения чувашского народа // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в

Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII—XX веках. Чебоксары, 1996. С. 43.

¹⁹ Яковлев И.Я. Моя жизнь... С. 556.

²⁰ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество: из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 76.

²¹ См.: Александров Г. Борьба за чувашскую епархию // Сов. Чувашия, 1998. №129. В подходе к решению этого вопроса замечается очевидная преемственность. И.Я.Яковлев сам поднял вопрос об «отдельном чувашском архиерее» в 1918 г., поскольку подобные мысли возникли еще до проникновения тех политических влияний, которые частично подпитывали эту идею после 1917 г. (Яковлев И.Я. Моя жизнь... С. 187). Особый же интерес представляют те строки из воспоминаний просветителя, которые дают право предполагать существование у Н.И.Ильминского подобного проекта для «инородцев», в особенности для крещеных татар (Там же. С. 186).

²² Яковлев И.Я. Из переписки... С. 49—63; Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы: По случаю сорокалетия, 1868—1908. Симбирск, 1908. С. 4—6.

²³ Яковлев И.Я. Духовное завещание чувашскому народу. Чебоксары, 1992. Как отмечалось в устных выступлениях некоторых исследователей, существует проблема атрибуции «Духовного завещания чувашскому народу», что небезосновательно, поскольку при составлении документов, к примеру, просветитель, особенно в зрелые годы, прибегал к услугам переписчиков и делопроизводителей. А.Жиркевич в своем дневнике сделал на этот счет весьма примечательную запись: «Вообще впоследствии к документам за его (Яковлева) подписью надо будет относиться осторожно...» (Жиркевич А.В. Указ. соч. С. 224). Не оспаривая сомнений ученых, укажем, однако, на фрагмент из воспоминаний просветителя, где он говорит о давно составленном завещании, публиковать которое после революционных событий 1917 г. счел несвоевременным, поскольку речь в нем идет «о православии и тому подобных предметах, ныне находящихся в поругании и забвении» (Яковлев И.Я. Моя жизнь... С. 597).

²⁴ Исследователи отмечают противоречие, существовавшее между декларируемым принципом слияния чувашей с русским народом и самим характером его деятельности. Однако, на наш взгляд, это противоречие могло бы потерять свою остроту, если принять во внимание то обстоятельство, что понятия «русский» и «православный» хоть и не отождествлялись, но воспринимались им как синонимичные. По справедливому замечанию Г.Н. Волкова, Яковлев не имел в виду ассимиляцию одного этноса другим, а «речь всегда шла о культурной духовной интеграции чувашей с русскими...» (Волков Г.Н. И.Я.Яковлев как духовный отец чувашской нации, как ее апостол и пророк // И.Я.Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. Чебоксары, 1998. С. 13.). Такое толкование может быть подтверждено следующими строками из воспоминаний самого Яковлева: «Твердо верую, что не может погибнуть многомиллионный русский народ. Значит..., не погибнет и чувашское племя...» (Яковлев И.Я. Моя жизнь... С. 598). Более вероятно, на наш взгляд, что под «духовной интеграцией» Яковлев понимал прежде всего реализацию предначертанной России миссии по

М.Г. КОНДРАТЬЕВ

«ЧУВАШСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ»

И.Я.ЯКОВЛЕВА И НАЧАЛО НОВОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ МУЗЫКИ

Роль «чувашских преобразований», как называл свою деятельность И.Я.Яковлев, в рождении чувашской национальной профессиональной музыки была вполне точно определена уже в статье, вышедшей в год 80-летия просветителя. Обобщение: «Дело, возникшее всего лишь в одном месте, в Симбирской чувашской школе, стало приносить свою пользу, распространившись среди чувашей повсюду. Здесь начинается новая история чувашской музыки» [Павлов 1928:15; рус. пер. 1971:257], — не устарело и сегодня. Высказывания питомца яковлевской школы композитора и дирижера Ф.П.Павлова подтверждает и богатый фактический материал о музыкальном воспитании и обучении в яковлевской школе, собранный современным музыковедом Ю.А.Илюхиным [1969].

Тем не менее история зарождения чувашского профессионального музыкального искусства, рассматриваемая как проблема появления новой национальной музыкальной школы, требует продолжения исследований. Несмотря на немалое число упоминаний и даже описаний музыкальных событий, до сих пор в представлениях историков культуры о начальных этапах творческой деятельности первых чувашских музыкантов существуют неточные представления, смещающие хронологические рамки процессов, и мифы, романтизирующие или искажающие исторические факты. Современные подходы к изучению истории культуры, в отличие от предшествующего советского этапа, предполагают отказ и от тенденциозности в освещении фактов, и от купирования текстов документов. Для науки вообще нетерпимы пробелы или неточности в источниках, возникшие по любым «экстранаучным» соображениям. Примером могут служить разночтения в тексте

важного для нашей темы фрагмента письма И.Я.Яковлева от 1.02.1874. «Не можешь ли ты собрать, пока ты не удалился из Тимерсян, побольше сказок, рекрутских песен, а также и других песен, например, хороводных», — говорится в письме Рекееву. В тот момент Яковлев остро нуждался в фольклорном материале для чувашского букваря, что и стало поводом для такой просьбы. В брошюре, толкующей мировоззрение и эстетические взгляды просветителя, в цитату добавлена фраза: «...отражающих культуру и быт родного народа» [Спиридонов 1965:73], отсутствующая в подлиннике, что обнаруживается при знакомстве с современной научной публикацией [Яковлев 1985:164—165]. Вложенная С.С.Спиридоновым в уста Яковлева фраза представляется по отношению к конкретной ситуации неуместно патетичной, а в свете реалий «инородческой» политики 70-х годов XIX века — невозможной (подробнее мы остановимся на этом в 1 разделе настоящей работы). Автор в том же духе модернизирует всю историю яковлевской эпохи, утверждая, что «вопрос о необходимости создания чувашской национальной литературы и искусства стал особенно острым к 70-м годам XIX века. Поднимающаяся нация должна была утвердить себя» [Спиридонов 1965:86], тем самым опережая события на десятилетия. Подобные «цитаты» и их интерпретации продолжают циркулировать в научном обиходе, поскольку критическим анализом яковлеведческих материалов до сих пор никто не занимался, и все еще остаются неизданными в полном объеме подлинные тексты просветителя. Еще пример, относящийся к нашей теме: до сих пор не выявлен источник весьма популярного выражения, приписываемого И.Я.Яковлеву, о «ста тысячах песен... слов... узоров...» Оно цитируется многими авторами, но без ссылок либо с ложными данными [например, в книге: Ехвет 1987:85, 319], хотя по стилю и некоторым деталям содержания противоречит достоверно известным другим его высказываниям о народном творчестве.

Выражением «экстранаучной» тенденциозности стала в советское время концепция «овражной песни», формулировка которой была выхвачена из заголовка статьи 1928 года Ф.П.Павлова о Яковлеве. Это определение, малоудачное в качестве характеристики всей чувашской песенной культуры, превратилось в один из мифов, позволивших практически игнорировать достижения дореволюционного времени в области

национального музыкального исполнительства и сочинительства. Любопытно видеть в ряде источников романтически преувеличенные сведения о тех или иных достижениях национальной музыки, а в других — полное неведение об этих же фактах, поддержку мифа об убогой «овражности» национальной культуры чувашей. Например, в некоторых источниках встречаются не подкрепленные фактами утверждения о существовании уже в XIX веке «переложенных на ноты чувашских песен» [см. в комментариях к кн.: Яковлев 1989:306] и исполнении тогда же хором Симбирской чувашской школы «песен, воспевающих трудолюбие народа и красоту чувашского края» [Краснов 1971:58—59], говорится о «первой чувашской партитуре» 1887 года (первоисточником послужила, видимо, фраза из письма самого И.Я.Яковлева, где партитуры с чувашской подтекстовкой он коротко называет «чувашскими», не предполагая, что через столетие это введет комментаторов в заблуждение [см. Яковлев 1985:122]), о проведении музыкальных вечеров в школе уже с 80-х годов [Краснов 1971:70; Ехвет 1987:83], сдвигая документально зафиксированную дату почти на два десятилетия. Наконец, о постановке избранных отрывков из «Жизни за царя» М.И.Глинки в Симбирской чувашской школе пишется как о полной постановке оперы (первоисточником ошибки, видимо, явилась неосторожная фраза Ф.П.Павлова в статье 1928 года; сам-то Павлов точно знал, о чем писал, ибо участвовал в событии), причем якобы с посвящением победе России в войне 1812 года, реально же — 300-летию царствующей династии [уточнения по этому поводу см.: Кондратьев 1993].

Другими авторами история, наоборот, укорачивается и достижения преуменьшаются. Например, пишется, что лишь в 1918 и 1919 гг. издаются первые сборники чувашских народных песен [ИМНС 1970:45] и что вообще «до Окт[ябрьской] революции 1917 [года] муз[ыкальная] культура чувашей была представлена исключительно нар[одным] творчеством» [МЭ 1982:255]. Реально же первые и достаточно крупные издания чувашских народных песен уже *отдельными книгами* выходили в 1894, 1908, 1912 гг. О зарождении еще в дореволюционное время музыкального искусства в профессиональных формах говорилось в уже известных статьях о яковлевской школе.

В плане изучения проблемы зарождения чувашской профессиональной музыки наиболее показательна история появления в среде чувашской творческой интеллигенции композиторского искусства — самой высокой и сложной формы творческой деятельности в профессиональном музыкальном искусстве. В чувашской культуре почти до самого конца XIX века оно было непредставимым. Единственный опыт был осуществлен в 1893 году русским композитором Н.С.Кленовским; в чувашской среде он не получил известности и с точки зрения стиля и жанра несколько десятилетий не имел непосредственного продолжения. В начале же XX века национальное композиторское творчество стремительно прошло сквозь стадию экспериментов (1908—1914 гг.), не подвергаясь широкому общественному обсуждению (вследствие отсутствия национальных музыкальных учреждений, прессы, художественной критики), а затем неожиданно предстало сразу как уже сформированное и достаточно совершенное, — подобно Афине Палладе из головы Зевса, — явление национального искусства. Именно так выглядят события 1918—1919 гг., когда в чувашских центрах сразу нескольких губерний (Симбирской, Казанской, Уфимской) начинают действовать чувашские любительские хоры, исполнявшие написанные для них национальные произведения. (Параллельно возникают и чувашский театр, и национальная драматургия.) Многие из этих произведений и впоследствии, когда занятие музыкальным искусством стало профессией, продолжали звучать, войдя в «золотой» фонд чувашского профессионального искусства. Именно в эти десять лет произошел переворот в общественном сознании и практике — национальная школа профессиональной музыки, ранее непредставимая, сделалась целью, смыслом деятельности людей, посвятивших себя ее достижению, постепенно формируясь и получая общественное признание.

Однако некоторая неожиданность и даже парадоксальность рождения национального движения в композиторском и исполнительском искусствах — кажущиеся. Несколько десятилетий вызревали условия для них: формировалась интеллектуальная среда, способная выделить из себя авторов, организаторов, руководителей, рядовых исполнителей и, наконец, ценителей. Все эти подготовительные процессы, как

известно, — результат деятельности главного центра просвещения чувашского народа — школы, пятьдесят лет направлявшейся И.Я.Яковлевым. Задача предлагаемой работы — не пересмотр тезиса Ф.П.Павлова о роли школы, а постановка его же на твердую почву фактов и снятие налета романтизации и мифологизации с истории музыкальной культуры яковлевского периода. При этом многое позволяет увидеть *диахронический* аспект анализа, показывающий динамику культурных процессов этого времени. Этот аспект почти не учитывался большинством исследователей дореволюционного этапа становления национальной культуры. Но ведь И.Я.Яковлев — один из гигантов мировой культуры Нового времени, сумевших пробудить интеллектуальные силы целых этносов и перевернуть их состояние. Такой результат сам предполагает прохождение через ряд этапов. На протяжении полувека активной деятельности Яковлев провел свой народ через несколько этапов духовного становления. В их числе: организация массового начального школьного просвещения, занявшая более трех десятилетий; этап вызревания условий для интеллектуальной деятельности в сфере самостоятельного художественного творчества (собственно просветительский), ознаменовавшийся появлением национальных литературных и музыкальных произведений; наконец, этап профессионализации занятий в сфере национального искусства. Последний уже не направлялся лично Яковлевым, писателями и композиторами становились питомцы его школы, ощутившие в себе призвание к такой деятельности. Как правило, в яковлевской практике действие опережало номинацию. Так, возникло литературное, музыкальное творчество, а понятие о национальных поэтах и композиторах, о чувашской поэзии или композиторской музыке в своей школе Яковлев, насколько можно судить по доступным нам источникам, ни с кем не обсуждал.

1.

«В наше время ни в коем случае нельзя было петь чувашские национальные песни. Мы были рады и тому, что нам разрешили петь на своем языке молитвы...»

Д. Ф. Филимонов, учитель и священник
[Яковлев 1968:44]

Тема развития той или иной национальной культуры (кроме, разумеется, великорусской) до демократических

преобразований, последовавших за революциями 1905 и 1917 гг., в российском обществе открыто не ставилась, была практически запретной для обсуждения. Хорошо известно, что после русско-турецких войн 1853—1856, 1877—1878 гг., обостривших проблемы с мусульманским населением, польского восстания 1863—1864 гг. национальный («инородческий») вопрос в России официально решался только запретительными мерами. В «Положении о начальных народных училищах» 1864 года пункт о преподавании на родном языке, записанный в первоначальный текст, при окончательном утверждении был зачеркнут [Саламбек 1959:22—23], в частности, польский и литовский языки были изгнаны из государственной школы, а создание частных преследовалось [Дякин 1995:133]. В тот период только Н.И.Ильминскому, — по яковлевскому выражению, «апостолу инородческого дела», — удалось убедить власти в необходимости разрешить народам Поволжья использовать родной язык в начальной школе — во имя насаждения среди них православия, после ряда неудач в обучении их сразу на русском языке. Для этого им была разработана особая система, легшая в основу в утвержденных 26 марта 1870 года Правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев».

Неофициально же этническая самобытность народов, разумеется, не отрицалась. Многие демократически настроенные образованные люди понимали ее ценность и необходимость сохранения. И.Я.Яковлев вспоминал о беседах с историком А.П.Покровским, в 70-х годах преподававшим в симбирских учебных заведениях: «По его мнению, как ни был бы мал, ничтожен, дик народ, но пусть он живет своей особенной, природной, самобытной жизнью, сохраняя свою оригинальность. Его пугало то соображение, что чувашаи, о хороших качествах которых я ему рассказывал, слившись с русским народом, потонув в нем, утратят свои племенные особенности» [1997:191]. Как видим, речь шла только о «племенной» самобытности, но не о развитии культуры этноса. Несколько дальше шел в своих представлениях Н.И.Ильминский. «В первую неделю моего знакомства, — говорится в воспоминаниях Яковлева в главе «Мой учитель», — он дал мне прочесть письмо свое к графу Д.А.Толстому (в то время министру народного просвещения и обер-прокурору Святейшего синода) ... В нем Ильминский проводил ту мысль, что инородцы составляют

лишь часть русского народа, но входят в состав всего человечества. Поэтому... надо привить им все то хорошее, что есть у русских, сохранив у них все их хорошее, историческое, национальное» [1997:179]. В связи с этим И.Я.Яковлев размышляет: «Ильминский не сочувствовал... узкообрусительной программе и написал это письмо графу Толстому, не послав его. После смерти Николая Ивановича, насколько мне известно, этого письма в его бумагах не оказалось. Не уничтожил ли он его?» Нерешительность своего наставника И.Я.Яковлев объясняет тем, что тот опасался негативных последствий раздражения в высших правительственных сферах по поводу высказанной им озабоченности традиционной национальной культурой «иностранцев».

В 70-х годах даже наиболее проникательные из демократически настроенных деятелей русской культуры, видимо, и представить себе не могли существования современного исполнительского, тем более композиторского, искусства у чувашей. Выразительна реплика того же Н.И.Ильминского на намерение Яковлева направить ученика в Санкт-Петербург для профессионального совершенствования в хоровом искусстве: «Что же у Вас за страсть — стремиться в бесконечное пространство? Поют у Вас порядочно, даже очень хорошо, — что же Вам хочется устроить капеллу?» (Письмо к И.Я.Яковлеву от 13.04.1879. [Цит. по: Илюхин 1969:113]). Хотя по меркам более урбанизированных культур либо по представлениям более позднего времени эта реплика кажется странной: а почему, собственно, и не устраивать капеллу, если подготовлены певцы и руководитель? Напомним: в 1869 и 1873 гг. в Эстонии и Латвии уже состоялись первые певческие праздники с исполнением национальных произведений. Чуть позже и в Литве, вопреки запретам, национальные песни зазвучали на так называемых «сарайных» или «амбарных» вечерах [Бокщанина 1978:382]. Однако прибалтийские национально-культурные движения как раз и пугали правительственную администрацию и чиновников тем, что их уже невозможно было остановить. И в 90-х годах прибывший после службы в Рижском учебном округе помощник попечителя, потом попечитель Казанского учебного округа С.Ф.Спешков, по словам Яковлева, всюду видит сепаратизм и открыто борется против системы Н.И.Ильминского, а в

1903 году добивается упразднения должности окружного инспектора чувашских школ, нанося сильнейший удар лично Яковлеву и всем его «чувашским преобразованиям».

Ко времени начала деятельности просветителя состояние культуры народов края давало поводы говорить об отсутствии перспектив их национального развития. Оценки И.Я.Яковлевым реалий чувашской жизни, встречающиеся в его статьях и документах, видимо, точны и основаны на разносторонних наблюдениях и сравнениях: «Чуваши — народ крайне замкнутый, торговлей они не занимаются, отхожих промыслов среди них совершенно нет...» «Приходя в близкое соприкосновение [с ними], нельзя смотреть без боли в сердце и мучения на их убожество, невежество, крайнюю бедноту и скудость материальную, а тем более духовную...» «[Чувашей] я сопоставлял с другими народностями» [1896:494; 1985:93; 1997:104].

Для И.Я.Яковлева чувашский народ представлялся сплошной крестьянской массой. В ней не выделял он ни учителей, ни священнослужителей, хотя число последних составляло уже сотни. (Другие деятели в интеллектуальной сфере еще не составляли социальной группы чувашского народа, хотя, по переписи 1897 года, уже пятеро выходцев из чувашей указывали науку, литературу и искусство как род занятий [приведено по кн.: Краснов 1992:155].) Проблема чувашской культуры в условиях городской жизни, формирования городской национальной культуры в XIX веке перед И.Я.Яковлевым еще не возникала. «Учитель, вышедший из народа и получивший образование на его средства, должен вернуться к народу», теперь уже «интеллектуальной силой», считал И.Я.Яковлев [цит. по: Краснов 1992:292, 256]. Слово же «интеллигенция» И.Я.Яковлев в опубликованных текстах применяет исключительно в негативном контексте — даже в мемуарах (т.е. в поздние годы жизни) — только к представителям «общества» (кавычки в тексте воспоминаний), вредившим его «чувашским преобразованиям» [1997:305, 325], а в период активной деятельности — к «небольшой кучке так называемых чувашских интеллигентов, увлеченных в...

пропаганду русскими революционерами», носителей «вновь нарождающегося зла» [1998:258].

Такое состояние этнической культуры, как мы знаем сейчас, было результатом процессов, шедших в Поволжье в XVII—XVIII вв. В XIX веке реальностью было продолжающееся ухудшение социально-экономического положения и этнокультурная «самоизоляция» чувашского населения, выразившаяся в «культурном и идеологическом герметизме» [Артемьев 1996:17]. Его имел в виду и Федор Павлов, употребивший выражение «овражная пѣсня»; в этом стиле, видимо, мыслили и литовские организаторы «сарайных вечеров». Таково было состояние культуры чувашского населения к моменту, когда юноша Иван Яковлев стал задумываться над реалиями жизни своего народа (согласно его воспоминаниям — уже с начала 60-х годов).

Для многих народов, населявших Российскую империю, вторая половина XIX века была, тем не менее, временем начала просвещения, освоения европейских форм духовной культуры. В частности, формировались и основы национальных школ профессионального музыкального искусства. На Украине создаются первые национальные оперы уже в 1860-х и 70-х годах. В Прибалтике с 1870-х годов в виде певческих праздников возникает хоровое исполнительство и национальное композиторское творчество, позднее развивается и оперный жанр. Несколько отстают от российского Запада культуры Закавказья, но и здесь формируется соответствующая музыкальная среда, и в 1908—1917 гг. также сочиняются и ставятся первые национальные оперы. Для деятелей культуры народов Поволжья достижения опередивших в этом направлении народов России служили ориентиром и примером. Свидетельства современников о том, Ф.П. Павлов уже в 1912—1913 гг. «мечтал о создании оперы «Нарспи» по сюжету и либретто К.В.Иванова» [Илюхин 1969:115], думается, не лишены реальной почвы, хотя объективные условия для появления первой национальной оперы вызревали в Чувашии еще два-три десятилетия.

Но реалии стадии «герметизма» и дух поволжско-инородческой школы того времени диктовали первым просветителям иной уровень работы в сфере развития духовной культуры. Когда учителю В.А.Калашникову на третьем году

существования яковлевской школы помощник попечителя учебного округа, расхвалив его работу по пению молитв, в том числе и на чувашском языке, высказал пришедшую на ум шальную фантазию (ибо никакие программы ни тогда, ни много позже не предусматривали подобного): «Если бы вы научили своих воспитанников петь еще их народные песни, то было бы вполне хорошо, в совершенстве», — Калашников отреагировал, как он сам вспоминает, следующим образом: «С этим и я даже не мог согласиться, зная, как крестьяне вообще не любят, чтобы учитель принимал какое-нибудь участие в забавах учеников, а тем более в пении песен в нашей школе, по духу скорее похожей на монастырь, чем на светское учреждение» [Яковлев 1968:35—36]. Иначе говоря, в 70-х годах пение инородческих песен в рамках занятий этот педагог, «замечательный человек и воспитатель» [Саламбек 1959:56], не мог и помыслить. Несовместимыми с чувашской школой той эпохи были и занятия высоким искусством. Испытывая глубокий личный интерес к искусству, Яковлев, по крайней мере три первых десятилетия, не мог сочетать его со своими «преобразованиями». В «Моей жизни» читаем о его молодых годах: «Причиной охлаждения моего к театру, опере было то, что меня уже всецело захватило стремление послужить на благо чувашскому народу» [1997:165]. Лишь на четвертом десятке существования школы ее «монастырский» дух постепенно уступит место светскому. В 1899 году по предложению И.Я.Яковлева совет школы примет решение о проведении литературных (они быстро превратятся в литературно-музыкальные) вечеров для воспитанников [ЦГА 249:11—12]. А в 900-х годах XX столетия для учеников Симбирской школы походы в театры и занятия искусством в самой школе приобретут относительно регулярный характер.

В XIX же веке не только И.Я.Яковлев, но и никто другой не мог еще решиться хотя бы сформулировать задачу создания профессионального чувашского искусства. В силу исторически сложившегося характера Российского государства и стадии социального развития большинства нерусских этносов, живших в самой глубине империи в полной изоляции от городской культуры и распространявшихся в ней плодов просвещения (в таком положении столетиями пребывали народы Поволжья, в определенной степени исключение в этом отношении составляли

только казанские татары), работа в этом направлении неотвратимо повлекла бы обвинения в сепаратизме и пресечена государственными мерами, причем реально могла рухнуть вся национальная образовательная система, создававшаяся И.Я.Яковлевым. Осознавая личную ответственность за нее, он был чрезвычайно осторожен и осмотрителен в своих действиях и заявлениях, — только в таком исторически обусловленном контексте следует оценивать все его публичные высказывания. По масштабам и результатам деятельности И.Я.Яковлев — безусловный лидер «чувашских преобразований» в течение полувека. Несомненно, сам он это понимал всегда, хотя сформулировал только в конце жизни (несколько смягчая множественным числом), сказав о деле, предпринятом «нами, *одинокими* работниками...» [цит. по: Кузнецов 1969:28; курсив мой. — М.К.]. Судьба же настоящего лидера всегда драматична, он обречен на вечное одиночество: впереди — беспощадный мир, уже освоенный цивилизованными народами, соперничающими за «место под солнцем», за ним — родной народ, только-только вступивший на стезю просвещения, вокруг — недоброжелатели и враги. Друзья и единомышленники рассчитывают только на его, лидера, энергию и защиту. Далеко не все хотели понять внутренний мир просветителя. На путь борьбы с ним, в конце концов, встали и некоторые из его учеников. Если 20- и 30-летний юбилей школы *еще* никак не отмечались публично, — условия существования «инородческого» просвещения, взгляды общества того времени требовали унижительной «скромности», 40-летие школы получило грандиозный — едва ли не общероссийский — резонанс (1908 год!), то полувековой юбилей школы *уже* не отмечался никак: общественные условия изменились, «преобразования» состоялись, дело было выхвачено из рук организатора, а он лично — отстранен...

Второй момент, тормозивший в XIX столетии осмысление национального как задачи просветительской деятельности, заключался в том, что деятели национального просвещения были вооружены очень скудными и поверхностными научными данными об истории и традиционной архаической культуре

народов края. Чувашеведение как научная дисциплина оформилось, как мы сегодня знаем, уже в другую эпоху, в XX веке. Не специализируясь в этнологии, И.Я.Яковлев оценивал народную культуру, опираясь на личный опыт (достаточно небольшой: с восьми лет он уже воспитывался вне традиционной крестьянской среды), университетское образование и то, что давало научное народоведение его времени. Яковлев постоянно сопоставляет родную ему чувашскую культуру с инонациональными, прежде всего с русской, — это единственный в его положении путь познания. Он ищет в творчестве чувашского народа то, что и в науке, и в обществе оценивается как достоинство народного творчества. Представления же о свойствах народной песни культивируются как филологами и литераторами, так и музыкантами. В годы становления Яковлева как деятеля народного просвещения в России идут мощные процессы самоутверждения русской композиторской школы, общественные дискуссии, подчеркивающие ее национальную специфику. В 60—80-х годах появляются первые фундаментальные публикации и исследования русской народной песни. На труды ее исследователей опираются в своих выступлениях идеологи русской школы — А.Н.Серов, В.В.Стасов, композиторы, ее представляющие, — М.П.Мусоргский, Н.А.Римский-Корсаков, П.И.Чайковский, их единомышленники и последователи. Не сразу, к концу века, русская опера начинает теснить на российских сценах итальянскую. Яковлев, в 1870—1875 гг. живший в Казани, проявляет большой интерес к музыкальному искусству, то есть он вполне информирован о происходящем. Внутренний настрой на восприятие современной музыкальной культуры появился у Яковлева еще в гимназические годы, когда он брал частные уроки игры на фортепиано, на продолжение которых, впрочем, ему не хватило средств [1997:398]. В университетские же годы он «мог позволить себе даже посещение театра и оперных спектаклей. Состав артистов Казанской оперы был тогда прекрасный... Артисты, выступавшие отдельно в концертах (я слышал, например, знаменитого скрипача Контского), не интересовали, не трогали меня. Производила на меня очень сильное впечатление опера, т.е. пение с оркестром. Бывая впоследствии в операх Петербурга и Москвы, я уже не испытывал того, что выносил в первое время из Казанской оперы» [1997:165].

Поэтому не следует удивляться или приписывать ему непонимание, когда, не находя в родной культуре многого из того, что поднималось «на щит» деятелями русской культуры, Яковлев порой признается в том, что отдает предпочтение творчеству народа, который он называет великим.

«Чувашские песни, слышанные мною в детстве, носят в себе много оригинального, особенного, — размышляет Яковлев в воспоминаниях. — В основе их — всегда поэтическая картина, но душевных, личных переживаний, как это зачастую встречается в песнях русских, там нет» [1997:70]. «В русской песне часто звучит хорошее личное чувство. В ней зачастую — величие, мощь народного духа. Русская песнь часто в основе своей имеет трогающие душу картины... Ничего этого нет в чувашских песнях-импровизациях. Вот почему в чувашские школы я вводил впоследствии убежденно, настойчиво русскую песню» [1997:71]. «Полезно собирать и издавать чувашские народные песни, предания, поверия, поговорки, пословицы, сказки и проч., но единственно с ученою целью, а не для распространения в школах и народе... Чувашские песни, предания, сказки и проч. по содержанию малоинтересны, могут иметь только научное значение» [Яковлев 1998:105—106]. И действительно, факты использования чувашских народных песен на уроках музыки в чувашских школах или в репертуаре учебных хоров до начала XX столетия не зафиксированы.

Чувашский народ, как мы можем сегодня сформулировать без оглядки на проблемы, ограничивавшие взгляды на национальные культуры сто лет тому назад, имеет иную — и весьма глубокую — историю, иные — и достаточно богатые — традиции. Они отражают иную ментальность, поэтому и нельзя найти в его фольклоре самобытные свойства русской песни. Называя (и неоднократно) чувашские песни «импровизациями», Яковлев выступает лишь образованным человеком своего времени, знакомым, в частности, с точкой зрения известной казанской литераторши Александры Фукс, первой оценившей чувашскую народную поэзию — благожелательно, но поверхностно. Она писала: «Как страстной любительнице поэзии мне хотелось знать Чувашские песни, но Чуваши их мало знают; их песни спрятаны в их воображении. Когда они едут лесом, то поют, не приготовясь, песню лесу... Плывут по реке и поют хвалу ей. Едут по дороге — и ее воспевают и все

случившиеся на ней были и небылицы» [Фукс 1840:81—82]. Не только Яковлев, но и профессиональные филологи XIX столетия, занимавшиеся чувашской поэзией (например Н.И.Ашмарин в статьях 1892 и 1895 гг.), так и не преодолели этого подхода. В отношении к «иностранческим» культурам нередко смыкались официальная имперская идеология и общественная мысль. Широко обсуждавшаяся в обществе «русская идея», как пишет современный историк, «отказывала крупным народам России в праве не только на административную автономию, но и на развитие культуры, а малым — в праве на существование, подразумевая постепенную их ассимиляцию» [Дякин 1995:131]. Даже передовые мыслители придерживались деления народов на так называемые «исторические» и «неисторические». Один из самых ярких демократов середины века В.Г.Белинский, гениально проникая в суть общечеловеческого значения народной поэзии, писал: «Где только человек владеет словом, любит и ненавидит, блаженствует и страдает, там уже и является человечество, там уже есть и жизнь, и поэзия...» Но он же отказывал в этих чувствах и поэзии российским «иностранцам», продолжая свою мысль: «Есть люди, которые посвящают целую жизнь изучению греческой литературы; но едва ли человек с умом и душою посвятит всю жизнь свою на изучение чувашской литературы!...» [Белинский 1949:296]. Ему вторит борец с самодержавием, автор выражения «Россия — тюрьма народов», А.И.Герцен. Пребывая в ссылке среди «иностранцев», он отозвался о них (среди других задев, кстати, и чувашей): «Народ жалкий, робкий, бездарный» [1975:255]. Чуваша, безусловно, были отнесены к таким «неисторическим» народам, и Яковлев принимал это как данность. Во всяком случае, в одной из своих статей он был обстоятельствами принужден (в публичной дискуссии с врагами его школы) воспроизвести принятую российской наукой XIX века унижительную формулировку о чувашах как «племена... не имеющем исторического прошлого», как бы уравнивая ее дополнением: «племя мирное, трудолюбивое, земледельческое» [1894]. Не полемизируя по вопросам этнической истории, просветитель имел свою точку зрения на противников просвещения и культурного развития «иностранцев» как националистов, но не мог высказывать ее публично. Хранившиеся в глубине души мысли частично приоткрывают

лишь воспоминания, продиктованные, как известно, гораздо позднее, в иных обстоятельствах, и завизированные им в 1922 году. В частности, узнав, что Л.Н.Толстой не сочувствовал его переводческой деятельности, Яковлев вывел для себя, что «в Толстом таился русский патриот в узком смысле» [Яковлев 1997:362].

Из этого понятно, почему отношение И.Я.Яковлева к культурным традициям родного народа с сегодняшней точки зрения, обогащенной научными данными, кажется двойственным. Наряду с естественной любовью к народу, ценностям его культуры, которая воплотилась прежде всего в результатах его полувекových «чувашиких преобразований», мы встречаемся и с отдачей первенства русской культуре — и не только в музыкальном творчестве. Так, в 1895 году Яковлевым были написаны и такие строки: «Не большие мастерицы чувашикие женщины и в женском домашнем рукоделии, так что и в этом отношении они много уступают русским женщинам» [1998:178]. Известны его суждения об исторических судьбах «восточных инородцев» России, высказанные в год 40-летия школы (между прочим, в кульминационный период его национально-культурной деятельности). Яковлев много раз публично в различных формулировках повторяет мысль, что «...никакого самобытного и национального развития им [«инородцам». — М.К.] искать не следует, и не надо толкать их в этом направлении... «Национальная» идея развития инородцев есть идея их духовного объединения и слияния с русским народом» [Яковлев 1908:5]. Стоит заметить, что впервые Яковлев употребляет формулу «национальная идея» по отношению к нерусским народам, придавая этому понятию единственно легально возможный тогда смысл. Но двойственность позиции просветителя в большой мере кажущаяся. Яковлев был достаточно последователен в опоре на данные народоведения своей эпохи, душою не кривил. Стремясь к истине и объективности, он проявлял истинно национальную скромность, нигде не переходящую в самоуничужение, но и чуждую национальному тщеславию или горделивости. Яковлев был истинно образованным человеком в российском (т.е. русском) духе своего времени и не переосмысливал общепринятые истины, не рассматривал чувашикий этнос как «исторический», т.е. имеющий за своими плечами тысячелетние

культурные ценности. Не ставил он и задачи изучения и широкого распространения знаний о национальной культуре. Он лишь использовал некоторые ее формы, как и родной язык, в целях приобщения народа к современной цивилизации, моделью которой служила тогда русская культура и образованность.

И.Я.Яковлев — прагматик, не преследовавший нереальных целей. Тем не менее динамика процессов, шедших в российском обществе, отчасти же направлявшихся им, была такова, что уже через три десятилетия после замечания Ильминского о чрезмерности желаний чувашской школы иметь высококвалифицированного чуваша-музыканта система понятий в обществе кардинальным образом обновляется. Понятие «капелла» становится в известной степени применимым к показательным выступлениям хора Симбирской школы. Более того, теперь уже образцы национальной музыки издаются отдельными книгами, исполняются в зале Симбирского дворянского собрания. Кстати, руководит этим концертом национальной музыки (1909 г.) как раз выпускник регентских классов Санктпетербургской капеллы, куда в свое время Ильминский отсоветовал посылать чувашского учителя. Еще трое выпускников СЧУШ к этому времени получили регентское образование в Московском синодальном училище церковного пения [На память... 1910:49]. Теперь уже (в 1911 г.) и сам И.Я.Яковлев лично и настойчиво занимается приобретением комплектов оркестровых инструментов для школы. Т.е. после событий 1905 года, на фоне общественных перемен в российском обществе, дело развития музыкального искусства в школе продвинулось настолько, что теперь никого не смущает наличие в чувашской школе ни публично выступавшей «капеллы», ни ученического симфонического оркестра.

Сам И.Я.Яковлев проявляет в отношении национального вопроса большую сдержанность и после 1905 года. Организуя издания, выступления школы, оркестр, он выступает публично, тем не менее, совершенно в духе минувшего века. Он, безусловно, прав в своей предусмотрительности. Еще через несколько лет он вновь столкнется с позицией очередного министра просвещения, представившего проект закрытия яковлевской школы — «национальной академии, сеющей среди

чувашей идею сепаратизма и несбыточные мечты о чувашской национальной культуре» [цит. по: Кузнецов 1969:20]. Впервые И.Я.Яковлев позволит себе прямую формулировку о работе «над чувашской культурой» лишь в 1920 году в телеграмме I съезду Советов Автономной Чувашской области [там же, с.28].

Но он, 60-летний борец за существование главного, — кажущегося ныне элементарным, — системы школьного образования для чувашей, несомненно, видел уже в первые годы нового века, что теперь процессы идут сами по себе, в том числе и в самых высоких интеллектуальных сферах национальной культуры. Верный себе и заветам сторонника постепенности и естественности Н.И.Ильминского, Яковлев не торопит их. Он выскажется, как всегда, значительно позднее — в 1919 году, когда не без гордости напишет, что его ученики проявили себя и на поприщах науки и искусств [1985:30]. Он и ранее направлял отдельных способных учеников (в том числе музыкантов) учиться в Казань, Москву, Санкт-Петербург; в новых же условиях, открывшихся при резкой перемене национальной политики (когда В.И.Ленин, например, ставит в кавычки слово «инородцы» и добавляет: «Извините за правительственное выражение»), Яковлев задумывается о чувашских вузах — учительском институте и университете, о направлении талантливой молодежи учиться в Кембридж и Оксфорд [см. Яковлев 1985:38, 1997:554].

Осознавая рождение новых явлений духовной культуры, ни раньше, ни сейчас И.Я.Яковлев не форсировал этот процесс, он лишь давал возможность проявить себя талантливым ученикам. Намеренно он не привлекал излишнего общественного внимания. Его публичные высказывания — всегда декларации благонамеренности и верноподданности. Дела же в этот период порой прямо противоположны. Противоречия между приводившимися выше суждениями И.Я.Яковлева о чувашских народных песнях, а также между высказыванием на совещании 1905 года в Петербурге о том, что «в школах для христиан, а равно в школах для язычников, расположенных к христианству, должно быть только одно церковное пение», и изданием сборника народных песен уже в 1908 году (отмечено в книге Н.Г.Краснова [1992:336]) — не единственные.

В сформированной под его руководством интеллектуальной среде деятелей чувашской культуры уже в первые

десятилетия XX века вызревали идеи художественного творчества национального направления по примеру современных передовых национальных школ. В частности, это наблюдалось в попытках музыкального творчества.

2.

«Утонченность подготовки хора и оркестра такова, что слух чувствует ее сразу... Забыто, что все это ученическое и самодельно. В числе гостей есть самые тонкие ценители. И все растроганы, увлечены. Удивительный слух у этих чуваш!»

К.Г., рецензент губернской газеты [К.Г. 1913]

В «Программе школы для крещеных инородцев Восточной России» Н.И.Ильминского имеется специальное примечание о роли музыки [1893:12]: «В отношении пения инородческая школа должна придти на помощь духовному ведомству, которое стремится устроить в инородческих местностях богослужение на инородческих языках». Его отношение последовательно и однозначно: музыкальное искусство — помощник в деле религиозного воспитания, не более того. Кстати, в программах и других документах того времени предметы «пение», «музыка», «церковное пение» — синонимы. Работая в этом направлении, регенты руководимой им крещенотатарской школы добивались изумительных результатов. Во всяком случае, юноша Иван Яковлев пронес сквозь всю свою жизнь потрясение, которое он испытал, впервые услышав пение хора Казанской крещенотатарской школы. В прочувствованном описании этого события, кстати, просвечивает глубокое понимание сути музыкально-исполнительского искусства: «Впоследствии мне приходилось слышать пение Петербургской певческой капеллы, синодального хора и других известных хоров с чудными голосами, при исполнении произведений лучших духовных композиторов. Но я не выносил из храма того впечатления, какое получил в церкви крещенотатарской школы. Тут не было вокальных фокусов, ломаний, переходов, контрастов. Исполнение хора, наученного Макарием, было чрезвычайно просто, но несло в себе такую глубину, убежденность религиозного чувства, что я... напоминал собою тех послов святого князя Владимира, которые, услышав пение в Софийском храме, потом сознавались, что сами не знали, на

земле ли они или на небесах» [Яковлев 1997:162]. И он в полной мере старался использовать силу этой разновидности музыкального искусства в своей просветительской деятельности. И.Я.Яковлев постоянно подчеркивал, что «музыка и пение являлись могучими средствами воздействия на население в христианско-воспитательном духе» [НА 762:417]. Подразумевалось, естественно, только церковное пение. Музыка в Симбирской школе и, по его настоянию, во всех чувашских школах, выполняла, таким образом, прикладную функцию. В инспекторских поездках И.Я.Яковлев обращал «особое внимание на правильность постановки церковного пения» [1997:431]. Сказанное в воспоминаниях подтверждается документально. Например, в отчете о поездке 1876 года у него говорилось: «Важнейший недостаток для воспитания религиозного чувства в чувашских школах замечается еще и в том, что нет в них хорошего церковного пения. Я встретил более или менее стройное пение в двух училищах — в Сугутском и Средне-Тимерьянском, но и здесь пение вовсе не служит религиозному учению... По требованию учителя пропели сначала молитвы и некоторые церковные песни, а затем концерты и стихотворения из Кольцова и некоторые русские песни. Все это мальчики пели без вдохновения и без интереса» [НА 762:176]. Зато там, где с музыкальными занятиями дело обстояло благополучно, у инспектора сквозит чувство уверенности в достоинствах пения учеников и гордости: характерен совет учителю сельской школы о том, что прибывающего к нему председателя Переводческой комиссии профессора М.А.Машанова «нужно хорошенько... принять и пением угостить» [Яковлев 1985:211].

Лишь со временем эстетическое отношение к музыке как искусству, вне связи с религиозным чувством, становится у просветителя более отчетливым. Едва ли не впервые формулировка о «выработке эстетического чувства и литературного вкуса» учеников через «пение патриотических гимнов и русских народных песен» встретится в протоколе заседания Совета школы от 18 февраля 1899 года [ЦГА 249:11].

Уже в конце 1870 года к рождеству, — т.е. буквально сразу после знакомства с практикой школы Н.И.Ильминского, — четыре мальчика-ученика школы студента Яковлева по его заданию устроили хор «для пения церковных молитв и песен на славянском и чувашском языках» [1989:47, 56]. Это означает

также, что И.Я.Яковлев уже тогда начал работу по переводу канонических церковных песнопений на чувашский язык. Это не было принципиальным нововведением Яковлева, поскольку лишь воспроизводило уже существовавшую с 1869 года практику в крещенотатарской школе по организации песнопений на татарском языке. В этом помогали Яковлеву с 1871 года сам Ильминский, специалист по восточным языкам профессор Г.С.Саблуков, а подтекстовать, т.е. ритмически увязать переводимый текст с музыкой, на первых порах согласился помочь выдающийся знаток церковной музыки С.В.Смоленский [На память... 1910:48]. Такая работа продолжалась все 70-е и 80-е годы. Завершили ее чувашские учителя пения. В годы работы в СЧУШ (1877—1889) учитель А.П.Петров «переложил на чувашский язык все употребительные русские церковные напевы», но «его труды употреблялись только в рукописи» [цит. по Ехвет 1987:112,111]. Независимо от него и одновременно этим же делом занимался преподаватель Казанской инородческой семинарии Н.А.Александров. «Существуют переложения одних и тех же церковных песнопений по-чувашски на ноты и Петрова и Александрова, — вспоминал И.Я.Яковлев. — Петров своих трудов не печатал. Александров же печатал с помощью Смоленского. Во время своих приездов в Симбирск Смоленский очень интересовался Чувашской школою, помогал в работах Петрову» [Яковлев 1997:365]. Есть сведения, что издание «Хоровых церковных песнопений на чувашском языке», подготовленное Н.А.Александровым, впервые появилось в 1882 году в литографированном виде целиком [см. Ехвет 1987:111], затем переиздавалось типографским способом несколько раз в виде трех выпусков. В Государственной книжной палате ЧР имеется экземпляр издания 1909 года.

Систематические занятия хоровым пением, хотя и ограниченные церковно-каноническим репертуаром, знаменовали собой начало развития музыкально-исполнительского искусства академического направления. Пение в школьном хоре сочеталось с изучением в течение шести лет основ нотной грамоты, развивало навыки ансамблевого

музицирования и гармонического слуха. Хор постоянно участвовал в церковных службах. К 70-м годам относится эпизод воспоминаний И.Я.Яковлева, где он говорит, что «ученики школы, как певшие хорошо, ходили петь сначала в Никольскую (дворцовую, недалеко от губернаторского дома) церковь, потом во Всехсвятскую, где кладбище» [1997:157]. В январе 1885 года при школе была открыта собственная домовая церковь. Из выступлений вне стен школы известно, например, участие хора в отпевании И.Н.Ульянова (январь 1886) в Богоявленской церкви Симбирска. В 1896 году состоялась продолжительная экскурсия большой группы учеников-хористов (в том числе 34 воспитанника и 14 воспитанниц как старших, так и младших классов) по маршруту Казань — Нижний Новгород — Кострома — Ярославль — Сергиева лавра — Москва. Образовательно-воспитательные цели поездки были совмещены с музыкально-исполнительскими (с чисто церковным репертуаром). Везде учеников принимали в школах и монастырских обителях, и они участвовали в службах, обращая на себя внимание еще и исполнением канонических песнопений на чувашском языке. Видимо, это обстоятельство обусловило приглашение хора задержаться, чтобы принять участие во встрече императора на Нижегородской выставке. И.Я.Яковлев оставил подробные записи об этом путешествии и многих выступлениях хора. В частности, он изложил речь викарного владыки нижегородского преосвященного Алексия, обращенную к чувашскому хору: «...Ваше изящное пение, дети, в эти четыре службы (два всенощных бдения 6 и 7 июля и две литургии 7 и 8 июля. — *Примеч. И.Я.Яковлева*), которые мне Господь сподобил совершить вместе с вами, перенесло меня в далекое прошлое. Лет 20-ть тому назад я слышал пение латышей, значит, я теперь два раза в жизни слышал прославление Бога из уст инородцев... И как тогда, так и теперь я испытывал бесконечное духовное наслаждение» [Яковлев 1896:501—502]. Благодарил «за прекрасное пение» чувашских учеников и придворный протопресвитер Н.В.Благоразумов после утрени, литургии и молебна св. Стефану у Спаса-на-Бору, древнейшей из всех московских церквей; здесь «все время пел наш хор» [Яковлев 1896:508—509]. Весьма важной в собственно музыкальном отношении была встреча со старым другом чувашской школы и самого Яковлева С.В.Смоленским, теперь

директором Московского синодального училища церковного пения. Яковлев пишет о встрече с хором Смоленского: «В обширном и прекрасном в акустическом отношении зале мы слушали чудное исполнение церковных песнопений «киевского роспева». Пропел после этого и наш хор, — и любезный господин директор училища, С.В.Смоленский, сделал указания нашему регенту касательно некоторых недостатков нашего пения» [там же:508].

Об исполнительском уровне хора яковлевской школы можно косвенно судить по квалификации учителей музыки, регентов хора. До 1906 года ими были лица, имевшие учительскую подготовку, т.е. средней квалификации. По данным музыковеда Ю.А.Илюхина [1969:112], «в 70—80-х гг. уроки пения вели в основном чувашские учителя — выпускники Казанской учительской семинарии, ...начиная с 90-х гг. учителями пения в Симбирскую чувашскую школу назначались преимущественно бывшие ее воспитанники». Кульминационный период постановки музыкального исполнительства в СЧУШ приходится на годы работы в ней И.М.Дмитриева (1906—1911), обладавшего как большим природным талантом, так и специальным образованием — он был выпускником регентских классов Петербургской певческой капеллы. И.Я.Яковлев в воспоминаниях особо выделяет его деятельность, перечисляя все его достижения (и даже приписывая Дмитриеву постановку оперных сцен, состоявшуюся в школе через полтора года после его кончины) [1997:460—461]. Видимо, к этому периоду относятся и факты, не без гордости перечисляемые Яковлевым: «...Школа с успехом участвовала в духовных концертах, устраивавшихся симбирскими архиереями, в том числе и нынешним Вениамином. Ежегодно хор исполнял духовные произведения на годичных собраниях Симбирского миссионерского общества. По распоряжению попечителя Казанского учебного округа хор школы участвовал в вечере во время юбилея Симбирской гимназии» [и т.д.; 1997:461; юбилей гимназии отмечался в 1909 г.]. Позднее и у Ф.П.Павлова были основания утверждать, что хор Чувашской школы в губернском Симбирске «считался лучшим после кафедрального хора и хора Троицкого собора» [1971:255].

Выпускники яковлевской школы несли хоровую культуру и в села, где они работали. Конец XIX — начало XX вв. стали временем успехов хорового исполнительства в чувашских

школах и церквях, отмечаемого многими авторами. Немало сведений о них содержится, например, в приложениях к книге С.В.Чичериной «У приволжских инородцев» [1905].

Светскую музыку И.Я.Яковлев сознательно долгое время в школу не допускал. Видимо, единственное исключение составляли только русские народные песни. Об их использовании на уроках в чувашских школах Яковлев упоминает уже в цитированном выше отчете 1876 года. Тем не менее в сохранившейся программе учебных занятий за 1896 год раздел о музыке по-прежнему называется «церковное пение» и никакие другие жанры музыкального искусства в ней не упоминаются (см. в Приложении, с. 138—140 настоящей книги). И в конце жизни Яковлев твердо придерживается своего убеждения, повторяя: «Я всегда стоял за то, чтобы на первом месте стояло хоровое пение церковно-богослужебных, духовных песнопений как имеющее религиозно-воспитательное значение» [1997:460]. Характерен эпизод встречи в школе высокого ревизора (в 1896 или 1897 году), рассказывая о нем в мемуарах, И.Я.Яковлев столь же последователен и откровенен, не считает нужным на склоне лет, несмотря на новые условия, пересматривать свой подход: «Ревизор... пожелал пройти в классы. «Не хотите ли послушать скрипичную игру? — предлагаю я ему. — У нас играют только серьезные, духовные песни»... Григоревский, прослушав несколько духовных мотивов, сыгранных учениками на скрипке, спрашивает: «А еще что-нибудь?» Надо заметить, что пение и музыка в Чувашской школе преследовали всегда духовно-нравственные цели, почему даже серьезная светская музыка не поощрялась. Вдруг, к конфузу моему, и учитель пения, скрипачи, ученики начинают играть самую веселую польку. Оказалось, что ученики в свободное время научились, вопреки запрещению, играть танцы. «Как будто бы это не духовное?..» — с улыбкой заметил Григоревский» [1997:235]. Этот эпизод, кстати, свидетельствовал о музыкальном досуге учеников, находившемся, видимо, до тех пор вне контроля Яковлева. Именно тогда досуг в школе был «легализован» в форме литературных и музыкальных вечеров. Первая сохранившаяся программа датирована февралем

1898 года. [ЦГА 252:9а], специальное же решение Совета школы оформлено протоколом от 18 февраля 1899 года, предложение прозвучало из уст самого И.Я.Яковлева: «Не полезно ли и не желательно ли устройство для воспитанников школы в свободное праздничное время рода литературных вечеров, на которых бы сами воспитанники, под руководством преподавателей русского языка, читали отрывки из произведений... а под руководством учителя пения исполняли хором одобренные для учебных заведений гимны и некоторые народные песни». В решении Совета уточнено, что имеется в виду «пение патриотических гимнов и русских народных песен» [ЦГА 249:11]. «Из произведений русских композиторов давалось преимущество Глинке», — указывает Яковлев в воспоминаниях [1997:460], подтверждая свою осведомленность в вопросах музыкального воспитания учеников. В одном из пунктов этого же решения Совета школы впервые обнаруживается забота о собственно эстетической стороне образования: «Чтобы возбудить в учениках соревнование, весьма не лишне на этих вечерах, по мнению председателя Совета, к которому присоединились и все члены, ввести, кроме чтения литературных образцов, чтение более лучших ученических сочинений, таких, которые могли бы служить образцами для более слабых учеников» [ЦГА 249:11]. Идея Яковлева осуществилась на ближайшем вечере 26 февраля. Но об оригинальном поэтическом или музыкальном творчестве среди учеников школы речь не заводилась ни тогда, ни позднее, когда оно уже реально существовало. Даже через десятилетие, в 1908 году, при публикации первых поэтических опусов, в предисловии Яковлев, — надо полагать, намеренно, — избегал говорить о литературном творчестве учеников. Произведения К.В.Иванова, М.Ф.Федорова, Н.В.Васильева (Шубоссинни) были замаскированы безобидным заголовком книги «Сказки и предания чуваш», которые якобы только собраны и записаны их авторами. Впервые определение «поэт» по отношению к К.В.Иванову появится у Яковлева только в воспоминаниях.

Ответвлением светского исполнительства в стенах СЧУШ была также игра на музыкальных инструментах. Многие из учеников («более способные», как говорится в воспоминаниях [1997:455]) осваивали скрипку — незаменимый по доступности и удобству для учителя и хорового дирижера инструмент.

И.Я.Яковлев специально мотивирует ее использование опять-таки не в целях развития светского музицирования: «Надо заметить, что учителя пения получали чахотку, так как должны были голосом обучать мотивам духовных церковных песнопений. Поэтому и заведено было обучение этим мотивам на скрипке» [1997:235; сегодняшние хормейстеры, видимо, не знакомы с этой проблемой, так как они обеспечены разнообразными музыкальными инструментами и концертмейстерами]. Впервые в доступных нам источниках скрипка упоминается в 1881 году [1985:182]. Несомненно, инструмент использовался и ранее, так как примером, указывает И.Я.Яковлев, «и тут служила Казанская крещенотатарская школа Н.И.Ильминского». Яковлев оказывал денежную помощь в приобретении инструмента для выпускников, если они нуждались [1997:456]. У Яковлева можно встретить и противоречащую сказанному фразу, что якобы лишь И.М.Дмитриев, работавший в школе в 1906—1911 гг., ввел обучение игре на этом инструменте [1997:461]. Несомненно, что, рассказывая А.В.Жиркевичу об этом, просветитель имел в виду распространение обучения игре на скрипке на всех воспитанников, свершившееся в период, совпавший с демократизацией после событий 1905 года. Учившийся с 1907 года С.М.Максимов (будущий композитор) так и считал, что «все учащиеся обучались игре на скрипке в пределах ее первоначальной техники» [1964:17].

Скрипки использовались и в ансамблях. В программах школьных вечеров встречаются номера: «Марш «Веселые кузнецы», исполнит оркестр [...], «Дуэт», исполнят на двух скрипках» и т.д. [ЦГА 249:22].

Кроме скрипок, в школе имелась фисгармония. Обучение игре на ней не предусматривалось, однако она использовалась на концертах (играл, видимо, преподаватель). Впервые она упоминается в программе вечера 2 февраля 1899 года: «Боже, Царя храни», исполнит хор под аккомпанемент фисгармонии [...] «Что ты спишь, мужичок», исполнят на скрипке и на фисгармонии» [ЦГА 252:3]. Это дает основание предполагать, что когда в программах (до 1911 г.) упоминается «оркестр», подразумевается ансамбль из скрипачей и фисгармонии.

Фортепиано, универсальный инструмент светского музицирования в Европе и России, Яковлев в соответствии со школьной практикой эпохи и со своими взглядами, по-

видимому, не считал нужным вводить в школьный обиход (хотя сам он в юности попытался брать уроки фортепиано, владела игрой на этом инструменте и его жена Екатерина Алексеевна [1997:398, 452]).

Рояль появился у него дома, когда его купил на свои средства сын Николай (не ранее конца 90-х гг.). В истории музыкального быта Симбирской чувашской школы упоминание об этом инструменте появляется единственный раз лишь в 1908 году — в торжественном акте по поводу 40-летия школы среди хоровых номеров а cappella значится и гимн Гинзбурга «Многая лета», исполненный хором под аккомпанемент пианино [На память... 1910:24].

Совершенно новая ситуация с инструментальной музыкой возникает в 1911 году. Поводом послужило введение военной (с 1 сентября 1910 г.), а затем так называемой сокольской гимнастики (требовавшей для занятий ею духовой музыки) для воспитанников школы с весны 1912 года. В изложении И.Я.Яковлева история появления оркестра в школе такова: «Почетный попечитель школы мануфактур-советник Н.Я.Шатров, интересуясь обучением воспитанников военному строю и сокольской гимнастике и сознавая, что для достижения лучших успехов необходимо организовать при школе духовой оркестр, в марте месяце прошлого 1911 года пожертвовал 810 рублей... На эти деньги был выписан комплект духовых музыкальных инструментов, и в сентябре прошлого года начато обучение воспитанников духовой музыке. Для занятий был приглашен мною с 20 сентября капельмейстер Закатальского полка Крамер... ему в помощники корнетист Попов... Независимо от обучения духовой музыке с осени прошлого 1911 года было положено начало организации в Школе струнного оркестра. Воспитанники Школы как будущие сельские учителя и регенты, и раньше обучались скрипичной игре, так как умение играть на скрипке чрезвычайно важно при обучении пению. Таким образом, в школе скрипки имелись и для образования струнного оркестра к ним следовало прикупить лишь несколько скрипок, альтов, виолончелей и контрабас, которые и были приобретены с разрешения Управления Казанского Учебного Округа от 23 августа 1911 года за №19186 на 189 рублей 62 копейки. Для обучения воспитанников игре на струнных музыкальных инструментах мною был приглашен

с 1 сентября 1911 г. Лыбин...» [ЦГА 948:1]. Списки купленных инструментов содержатся в переписке с фабрикой К.М.Шредера [ЦГА 852:3] — это полные комплекты духового и струнного оркестров. Об этом периоде жизни школы сам И.Я.Яковлев в воспоминаниях рассказывает сдержанно, но абсолютно ясно, что инициатива и организация всего происходившего принадлежала ему. Более красочные подробности находим у Ф.П.Павлова: «В большую перемену все ученики выходили на сокольскую гимнастику. После обеда певчие уходили на спевку, музыканты упражнялись на скрипках и духовых инструментах, а остальные ученики работали в столярной мастерской. [...] В Чувашской школе, как в консерватории, с утра до вечера начала раздаваться музыка. С осени до самой весны один за другим проводились концерты» [Павлов 1962:165; 1971:257]. Музыкальным руководителям школы оставалось сделать лишь шаг, соединить все наличные силы — и в исполнении юных чувашских музыкантов зазвучали части моцартовского «Реквиема», симфонические пьесы, хоровые, сольные фрагменты из классических опер. Наиболее примечательное событие, оставшееся непревзойденным в истории национального музыкального исполнительства до 1917 года, — постановка сцен «Жизни за царя» М.И.Глинки в 1913 году.

3.

«Среди воспитанников стало выявляться довольно много музыкантов, певцов, композиторов... Была начата работа по собиранию и гармонизации народных песен и мелодий... Это было совершенно новым делом».

Ф.П.Павлов [1971:257]

Подготовительной стадией появления у исполнителей национального репертуара можно считать музыкально-фольклористическую работу. Музыкальная этнография России во второй половине XIX века находилась в периоде становления. Первая публикация нотных записей фольклора «инородцев» Поволжья (в т.ч. четыре образца музыки чувашей) осуществлена в Казани в 1870 году. Сам Яковлев к чувашскому фольклору проявлял интерес со времени работы над букварем. Известны его отзывы 1871 года о записываемых «из уст чувашских красавиц сладкозвучных песнях, которые, по его [Белилина, сотрудника

Яковлева] мнению, не лишены высокого поэтического достоинства, какое только мы можем находить в песнях всех национальностей *omnis orbis terrarum*» [Яковлев 1985:54]), а также курсовая работа 1874 года «Несколько памятников устной чувашской словесности» [см. Иванов 1969]. Однако непосредственно музыкальным фольклором И.Я.Яковлев сам не занимался ни тогда, ни впоследствии. Вместе с тем он, несомненно, поощрял тех, кто тяготел к такой деятельности. Историк упоминает о встреченном им в архиве сборнике рукописных нотных записей начала 80-х годов, сделанных учителем Симбирской школы А.Петровым [Ехвет 1987:146]. Это десятилетие практически заложило начало будущей чувашской музыкальной фольклористики — сохранилось несколько рукописных сборников с нотными записями. Их авторы — учителя народных школ Н.Ефимов, А.Пчелов, А.Брагин, Н.Александров. Музыкальные записи последних троих известным исследователем культур народов края В.К.Магницким были представлены на Казанскую научно-промышленную выставку 1890 года, где они экспонировались рядом с трудами выдающихся русских фольклористов Н.Пальчикова, Ю.Мельгунова, композитора Н.Римского-Корсакова, представлявшими песенную культуру русского Поволжья и Приуралья [Ехвет 1987:96]. В следующем десятилетии русская наука и сама обращается к музыке «инородцев» — в 90-х годах в Казани и Петербурге издаются нотные записи чувашских, татарских и башкирских народных песен [Мошков 1893 и 1894—97; Рыбаков 1894 и 1897]. В 1893 году в Москве проходит первый этнографический концерт, включавший в себя, среди прочего, и исполнение чувашской народной песни; в 1894 году ноты всех исполненных на концерте номеров публикуются. Тенденция к увеличению интереса к национальным музыкальным культурам, прослеживающаяся по хронике событий, находит свое выражение и в Симбирске: по воспоминаниям учителя В.И.Колпакова, Яковлев в 1898 году командировал его и 16-летнего воспитанника школы Романа Идобаева «для собирания чувашских мотивов». [Краснов 1992:337]. В статье Ю.А.Илюхина без указания источника говорится о подобной же экспедиции 1902 года [1969:114]. Возможно, помимо внешних влияний и развития науки, в этом выразался и естественный ход развития

музыкального дела в самой школе. Вскоре все эти процессы привели к появлению двух великолепных симбирских музыкально-этнографических изданий 1908 и 1912 гг. «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Предисловие к первому, как всегда сдержанное по тону, пишет сам Яковлев. Он называет книгу «впервые появляющимся сборником мотивов народных чувашских песен» (видимо, не считая таковой публикацию В.А.Мошкова). В собирании материалов к ним участвовали уже многие воспитанники, накапливался опыт музыкально-фольклорной работы, в частности, и у тех, кто после публикации сборников займется созданием хоровых обработок чувашских напевов.

Первые сведения об исполнении чувашских песен в стенах СЧУШ относятся к годам Первой русской революции, радикально демократизировавшей атмосферу в обществе. Учителем пения с 1903 по 1906 гг. в школе служил участник упоминавшейся экспедиции 1898 года Р.Н.Идобаев. По воспоминаниям Г.И.Ильина, Идобаев учил воспитанников «петь и русские и чувашские песни. Чувашские песни пелись в один голос [т.е. использовались экспедиционные записи без обработки. — М.К.]... Очень часто после уроков, на своих вечерних занятиях мы пели как эти, так и другие песни... Всем классом любили петь следующие песни: «Еще в полях белеет снег», «Поздняя осень», «Шумел, горел пожар московский», «Лучинушка», «Стонет сизый голубочек», «Воздушный корабль», «Зимняя дорога», «Зимний вечер», «Черная шаль» и другие. Любимыми чувашскими песнями были «Ҷав, Ҷав сёрте», «Шӑлтӑр, шӑлтӑр урапа», «Чӑн тӗпере сич сӑлтӑр», «Шур кӑвакал вӗсертӗм», «Пиҫнӗ-пиҫмен сырлашӑн» [цит. по: Иванов 1966:212]. Комментируя эти воспоминания, воспитанник СЧУШ следующего поколения, уже не заставшего относительную свободу в выборе репертуара, Т.П.Парамонов замечает: «В годы реакции эти песни служили материалом для практических уроков по пению в пригготовительном классе. Их пели и учащиеся старших классов на хороводах, устраиваемых *после литературно-музыкальных вечеров или во время зимних каникул*. Таким образом связь учащихся с родными песнями не была

прервана» [НА 169:34; курсив мой. — М.К.]. На волне общественного интереса к сборнику «Образцы мотивов...», изданному в 1908 году, Яковлеву удалось устроить демонстрацию опубликованных в нем песен для членов Симбирской губернской архивной комиссии в исполнении хора школы. В программу этого этнографического показа 19 января 1909 года были включены 12 хоровых номеров и один сольный (плач невесты). Дополнительно хор пропел из своего репертуара две русские народные песни, а также «Славься», «Многия лета» и обязательный гимн «Боже, царя храни». Чувашские песни, пишет рецензент, «не получили гармонической разработки и исполнялись в унисон или с повторением мелодии в октаву» [ЧНП 1909:6—7]. Большой успех у образованной публики Симбирска не имел последствий для дальнейшей судьбы народной музыки на уроках пения в школе. Как пишет Т.П.Парамонов, поступивший в СЧУШ в 1909 году, на обычных классных занятиях за шесть лет его учебы (по 1915 г.) «не было разучено ни одной чувашской песни, не было услышано из уст преподавателей ни одной чувашской фразы...» [НА 169:32]. Сказалось, видимо, очередное ужесточение «иностранческой» политики. В частности, весь тираж второго сборника «Образцы мотивов чувашских народных песен...», отпечатанный в 1912 году, был задержан цензурой и пролежал на складе до 1914 года [Ехвет 1987:246]. Тогда же был изъят из употребления чувашский букварь. Исследователь наследия просветителя констатирует, что «Яковлев считал эти годы самым тяжелым периодом в своей деятельности» [Краснов 1992:171].

Если оставить за рамками обсуждения первый композиторский опыт работы с чувашской музыкальной темой Н.С.Кленовского (1893 г., Москва), как не имевший прямых последствий для рождения собственно чувашской национальной школы, то появление первого произведения национальной профессиональной музыки оказывается непосредственным продолжением описанных выше процессов. Это обработка первого номера из книги «Образцы мотивов...» — хороводной песни «Пиçнĕ-пиçмен сырлашăн» учителя пения Симбирской школы И.М.Дмитриева, согласно некоторым указаниям

относящаяся к тому же 1908 году. История появления этой замечательной партитуры по сей день остается не проясненной до конца [подробнее см.: Кондратьев 1987]. Неизвестно также, исполнялась ли она при жизни автора (работавшего в школе с 1906 г. и умершего от чахотки 7 июля 1911 г.). Можно предполагать, что он не мог подступиться к ее разучиванию в результате быстро прогрессирующей болезни (хотя его работа всеми признается как период наивысших достижений школы в музыкальном исполнительстве). Первое определенное указание на попытку исполнить эту партитуру содержится в воспоминаниях Т.П.Парамонова: «Осенью 1911 года Федор Павлович (Павлов, выпускник школы, сменивший Дмитриева в должности учителя пения. — М.К.) разучил «Пишнӗ-пишмен сырлашӑн» в гармонизации И.М.Дмитриева» [НА 169:36].

Второй в истории национального композиторского творчества хоровой опус возник практически одновременно и независимо от первого. Принадлежал он питомцу яковлевской школы (выпуск 1879 г.) П.М.Миронову, служившему в Уфе, а с 1907 года — в Уральске. Партитура его обработки хороводной песни «Виç нухрат» публиковалась в Казани в 1909 и 1911 гг. Сведений о ее исполнении не имеется.

Общественного резонанса эти первоначальные опыты не имели. Они остались единичными в наследии авторов, откликов на исполнение или публикацию не было ни в прессе, ни в воспоминаниях. Тем не менее продолжение последовало — удачные сочинительские опыты учителей подтолкнули в стенах той же школы нескольких одаренных молодых людей к попыткам творчества. Историю появления новых чувашских гармонизаций можно реконструировать, сопоставляя воспоминания авторов-очевидцев и сами тексты произведений. «Один раз, — пишет Г.Г.Лисков, учившийся в школе в 1907—1915 гг., — И.М.Дмитриев на уроке разучил с нами каноны с текстом и без текста. Это мне понравилось. Я после урока подошел к Ивану Митрофановичу и спросил, нельзя ли сделать каноны из чувашских песен. Он мне велел поискать подходящие чувашские народные песни» [НА 200:4]. Начав с составления двухголосных канонов, уже после смерти И.М.Дмитриева Лисков попробовал силы и в гармонизациях. С 1912 года уже могли служить примером гармонизации Т.П.Парамонова. Последний вспоминает: «...Возник вопрос: нельзя ли

продолжить дело, начатое И.М.Дмитриевым? В 1912 году в связи с изучением классических хоровых произведений и отрывков у меня крепло желание услышать чувашские мелодии в 2-3 голоса, и я начал гармонизировать простейшие мелодии» [НА 169:36—37]. Одновременно выступил и Ф.П.Павлов с опытами несложной двухголосной обработки инструктивно-педагогического предназначения. К решению собственно художественных задач в музыке он подошел не ранее 1917—1918 гг., когда появился целый ряд его хоровых гармонизаций, почти сразу же опубликованных [Павлов 1919]. Сообщения о сочинении им в 1912—1913 гг. программных произведений для соло, хора и оркестра [см., например, Илюхин 1969:115], возможно, являются одной из романтических легенд истории чувашской культуры; во всяком случае, объективные условия *в эти годы* еще не созрели для появления национальных вокально-симфонических произведений. К использованию музыкальных инструментов, хотя бы в аккомпанирующей функции, чувашские сочинители музыки пришли не ранее 1920 года, а первая известная симфоническая партитура — «Сърнайпа палнай» того же Павлова — датируется 1928 годом (но и ее рукопись не сохранилась).

Музыкальное сочинительство в Симбирской школе несомненно было чистой самодеятельностью молодых людей, о которой Яковлев, скорее всего, не знал (во всяком случае, в доступных нам источниках нигде ни словом не обмолвился об этом) и задачу такую перед кем-либо не ставил. По свидетельству Т.П.Парамонова, «в 1913 году на уроках гармонии преподаватель С.М.Максимов [будущий композитор. — М.К.] уверял, что чувашские мелодии, как и китайские, не поддаются гармонизации» и в связи с этим «косо посматривал на мои [автора воспоминаний. — М.К.] потуги» — сочинить и исполнить музыку [НА 169:36,39]. Можно предположить, что гармонизации учеников 1912—1915 гг. оставались в большинстве случаев упражнениями на бумаге. На уроки они не допускались, но возбуждали естественный интерес среди ровесников, певших в хоре. Каноны, сочиненные Лисковым, по его воспоминаниям, «пели везде: в спальнях, в коридорах, во дворе», переписывали приезжавшие в Симбирск учителя начальных школ [НА 200:6]. Четыре гармонизации Парамонова были исполнены 29 декабря 1914 года на школьном литературно-музыкальном вечере.

«С.М.Максимов не нашел возможным предоставить в мое распоряжение смешанный хор, — рассказывает далее их автор. — Тогда я организовал ансамбль в составе лучших певиц и певцов... Соклассники были в восторге и поздравляли меня. Ф.П.Павлов, учившийся с сентября 1913 года в Симбирской духовной семинарии и не пропускавший наших концертов, крепко пожал мне руку». Кроме нескольких рукописных воспоминаний, отзвук этого концерта и последующих исполнений (когда автор отбыл на фронт) читается в статье из «Чувашского календаря» на 1928 год: «В Симбирске ученик Т.П.Парамонов в 14—15 годы гармонизировал 4-5 песен, хотя они не получили распространения» [ЧИ 1928:55]. Тем не менее их ноты переписывались учениками в тетради и в каких-то случаях исполнялись.

В общей сложности в рукописях и воспоминаниях сохранились сведения о десяти произведениях Т.П.Парамонова, нескольких десятках — Г.Г.Лискова, двух — Ф.П.Павлова. Все они представляют собой по жанру — гармонизации народных мелодий для хора без сопровождения, по форме — куплетные песни, в отдельных случаях с элементами варьирования (у Парамонова). Упоминается также о несохранившихся обработках чувашских народных песен для четырехголосного хора выпускника школы 1909 года П.В.Пазухина, составителя второго симбирского сборника «Образцы мотивов чувашских народных песен...» (1912), погибшего на фронте в 1917 году [Т.Х. 1917].

4.

«Дело просвещения инородцев далеко не может считаться вполне законченным... нужны дальнейшие усилия; возникают новые не менее трудные задачи...»

И.Я.Яковлев, 1903 г. [1989:183]

Так продолжалось еще несколько лет — вплоть до очередного всплеска демократических преобразований в России в 1917 году. Он вызвал подъем отныне не ограничивавшейся национально-культурной деятельности. Открылся простор и для музыкально одаренных личностей. В 1917—1918 гг. на первый план вышли руководители уже сложившихся музыкальных коллективов: учебного в Симбирской школе — С.М.Максимов и любительского — Ф.П.Павлов.

В 20-е годы уже с полным правом можно говорить о профессиональных композиторах-чуваших (выпускниках СЧУШ С.М.Максимове и Ф.П.Павлове, а также В.П.Воробьеве, пришедшем к сочинению музыки своим путем и несколько позже учеников И.Я.Яковлева, но под их непосредственным влиянием). Одновременно возникают и профессиональные исполнительские силы — Чувашский государственный хор (с 1924 г.), певцы-солисты А.И.Токсина, И.В.Васильев. Инструментальное исполнительство обретает профессиональный статус в следующем десятилетии (Государственный симфонический оркестр с 1932 г.). С самого начала все виды профессиональной музыкальной деятельности в Чувашии ориентированы на национальное направление. В 30-х годах в республике действуют профессиональные хор, оркестр, солисты; музыкальная школа и музыкальный техникум готовят кадры средней квалификации. Талантливые выпускники разных музыкальных специальностей учатся в высших музыкальных учебных заведениях.

Масштаб «чувашских преобразований» И.Я.Яковлева за 50 лет его просветительской деятельности вышел за рамки собственно подготовки учительских кадров. В сформированной под его личным руководством интеллектуальной среде деятелей чувашского просвещения и культуры уже в первые годы XX века вызревали идеи художественного творчества национального направления по примеру современных передовых национальных школ. В частности, это наблюдалось в попытках музыкального творчества.

Определяющее значение в этом процессе на начальном этапе имела личная музыкальная культура И.Я.Яковлева — фольклорные и бытовые впечатления его детства (хорошо обрисовываемые в воспоминаниях). Круг его познаний и интересов значительно расширился в годы обучения в Симбирске, затем в Казани и, позднее, в контактах с деятелями русской культуры и искусства — в том числе с такими крупными, как С.В.Смоленский, М.А.Балакирев, С.Г.Рыбаков, Г.Я.Ломакин.

Место музыки в «чувашских преобразованиях» И.Я.Яковлева видится различным на разных этапах. Вначале это чисто прикладное использование музыки (главным образом песнопений православной церкви) в целях эмоционального

воздействия на учеников и укрепления в них убежденности в ценностях христианско-русской культуры (тогда для молодого просветителя — ближайшей и единственной модели современной цивилизованности, на которую он ориентируется в своих «чувашских преобразованиях»). В этот период сам И.Я.Яковлев вынужденно отказывается от увлечений светским искусством.

На четвертом-пятом десятилетиях существования школы И.Я.Яковлева изменение отношения к «инородческому» вопросу в обществе и постепенное накопление опыта приводят к заметному повышению уровня музыкально-эстетической образованности учеников. Наряду с обычными уроками пения начинаются и занятия художественно-творческого характера. Ученики собирают музыкально-фольклорный материал, который издается в двух книгах (1908, 1912). В школе закладываются традиции хорового, позднее и оркестрового исполнительства. В 1911—1913 гг. исполняются серьезные произведения классической западноевропейской и русской музыки.

Для творчески одаренных преподавателей и учеников школы И.Я.Яковлева эти занятия открывают и перспективу композиторского творчества в форме обработок народных песен. Первые произведения относятся к десятилетию 1908—1917 гг. Таким образом, наблюдаются качественные изменения «чувашских преобразований» И.Я.Яковлева (не сформулированные им самим). Происходит формирование среды чувашской художественной культуры европейского типа и воспитание талантов, способных создавать и исполнять произведения национального музыкального искусства. Эти проявления музыкального творчества остаются локальными, ограничиваются стенами школы и редкими выступлениями показательного характера вне ее стен.

Тем не менее именно эта среда и талантливые выходцы из Симбирской школы И.Я.Яковлева на следующем историческом этапе выводят национальное музыкальное искусство на новый уровень. Рождается современное профессиональное искусство.

Л и т е р а т у р а

Артемьев 1996: Артемьев Ю.М. Методологические маргиналии // Известия НАНИ ЧР, 1996. №5. С. 11—23.

- Ашмарин 1892: *Ашмарин Н.И.* Очерк народной поэзии у чуваш // Этнографическое обозрение, 1892. №2—3. С. 42—64.
- Ашмарин 1895: *Ашмарин Н.И.* Декаденты Запада и поэзия волжских инородцев // Волжский вестник (Казань), 1895. 24 янв. № 22. С. 2—3.
- Белинский 1949: *Белинский В.Г.* Избранные сочинения. М., Л., 1949.
- Бокшанина 1978: *Бокшанина Е.* История музыки народов СССР. До Великой Октябрьской социалистической революции. Изд. 2-е. М.: Музыка, 1978.
- Герцен 1975: *Герцен А.И.* Собр. соч. в 8 тт. М.: Правда, 1975. Т. 4.
- Дякин 1995: *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории, 1995. №9. С. 130—142.
- Ехвет 1987: *Иванов-Ехвет А.И.* Музы ищут приют. Чебоксары, 1987.
- Иванов 1966: *Иванов Н.И.* Русские народные песни в творчестве К.В.Иванова // Классик чувашской поэзии. 1966. С. 207—221.
- Иванов 1969: *Иванов Н.И.* К истории сборника «Несколько памятников устной чувашской словесности» // Ученые записки ЧНИИ. Вып.42. Чебоксары, 1969. С. 172—176.
- Ильминский 1893: *Ильминский Н.И.* Программа школы для крещеных инородцев Восточной России. Казань, 1893.
- Илюхин 1969: *Илюхин Ю.А.* Музыкальное воспитание и обучение в Симбирской чувашской школе // Ученые записки ЧНИИ. Вып.42. Чебоксары, 1969. С. 104—115.
- ИМНС 1970: История музыки народов СССР. В 5 тт. Т. 1. М.: Советский композитор, 1970.
- К.Г. 1913: *К.Г.* Опера у чуваш. К юбилейным празднованиям в Симбирске // Симбирянин, 1913. 26 февр. №1694.
- Кондратьев 1987: *Кондратьев М.Г.* У истоков чувашской композиторской песни // Вопросы истории чувашского искусства. Чебоксары, 1987. С. 5—25.
- Кондратьев 1993: *Кондратьев М.Г.* «Опера у чуваш» // Советская Чувашия, 1993. 11 марта.
- Краснов 1971: *Краснов Н.Г.* Подготовка учителей в Симбирской чувашской школе // И.Я.Яковлев и его школа: Уч. записки ЧГПИ. Вып. XXXIII. Чебоксары, 1971. С. 47—75.
- Краснов 1992: *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992.
- Кузнецов 1969: *Кузнецов И.Д.* Деятельность И.Я.Яковлева по национальному подъему чувашей // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 42. Чебоксары, 1969. С. 15—29.
- Максимов 1964: *Максимов С.М.* Чувашские народные песни. М.: Музыка, 1964.
- Мошков 1893: *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. I. Мелодии чувашских песен // ИОАИЭ, 1893. Т. XI. Вып. 1—4. С. 31—64, 167—182, 261—276, 369—376. (Имеется также отдельный оттиск из 11 т. ИОАИЭ под тем же названием: Казань: Типолитография ун-та, 1894. 74 с.)
- Мошков 1894—97: *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. II. Мелодии ногайских и оренбургских татар // ИОАИЭ, 1894. Т. XII. Вып. I. С. 1—67; 1897. Т. XIV. Вып. 3. С. 265—291.

МЭ 1982: Музыкальная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1982.

На память... 1910: На память о сорокалети Симбирской чувашской школы. Симбирск, 1910.

НА 169: Научный архив ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 169. Инв. №445.

НА 200: Научный архив ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 200.

НА 762: Научный архив ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 762.

Павлов 1919: Чăваш юррисем. Ф.П.Павлов хитрелетнĕ сăвăсем. Акулево, 1919.

Павлов 1928: *Павлов Ф.П.* «Сырмари юрă». Чĕмпĕр школĕ, Иван Яковлевич тата чăваш ёсхалăхĕн музыка искусствине сÿлĕ // Сунтал, 1928. 10 №. 14—16 с.

Павлов 1962: *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. Чебоксары, 1962.

Павлов 1971: *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. Чебоксары, 1971.

Рыбаков 1894: *Рыбаков С.Г.* О народных песнях татар, башкир и тептярей // Живая старина, 1894. Вып. III, IV. С. 325—364.

Рыбаков 1897: *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.

Саламбек 1959: *Яковлев И.Я. (Саламбек).* Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. Чебоксары, 1959.

Спиридонов 1965: *Спиридонов С.С.* Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева: Учебное пособие. М., 1965.

Т. Х. 1917: *Т. Х. Петр Васильевич Пазухин* // Хыпар, 1917. Юпа уйăхĕн 9-мĕш кунĕ. 41 №.

Фукс 1840: *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.

ЦГА 249: Центральный гос. архив ЧР. Ф. 207, оп. 1, д. 249.

ЦГА 252: Центральный гос. архив ЧР. Ф. 207, оп. 1, д. 252.

ЦГА 852: Центральный гос. архив ЧР. Ф. 207, оп. 1, д. 852.

ЦГА 948: Центральный гос. архив ЧР. Ф. 207, оп. 1, д. 948.

ЧИ 1928: Чăваш искусствине // Чăвашла календарь, 1928 ç. Шупашкар, 1927. 55—57 с.

Чичерина 1905: *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905.

ЧНП 1909: Чувашские народные песни в исполнении воспитанников Симбирской чувашской учительской школы // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. Январь, 1909. №1. С. 5—7.

Яковлев 1894: *Яковлев И.Я.* По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах // Симбирские губернские ведомости, 1894. №83—85. (Цит. по перепечатке в газ. «Чăваш ен», 24 окт. 1992. №43. С. 6.)

Яковлев 1896: *Яковлев И.Я.* Поездка воспитанников Симбирской чувашской учительской школы и воспитанниц женского при ней училища в Казань, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, Сергиеву-Лавру и Москву летом 1896 года в сопровождении инспектора И.Я.Яковлева и друг. // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Октябрь, 1896 г. №10. Год тридцать второй. С. 494—509.

Яковлев 1908: *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868—1908 гг.). Симбирск, 1908.

- Яковлев 1968: И.Я.Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968.
- Яковлев 1985: Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985.
- Яковлев 1989: Яковлев И.Я. Из переписки. Часть I. Чебоксары, 1989.
- Яковлев 1997: Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М., 1997.
- Яковлев 1998: Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении: Из переписки. Ч. 2. Чебоксары, 1998.

Ю.В. ВИКТОРОВ

«С НАТУРЫ МЕНЯ НИКОГДА НИКТО НЕ СРИСОВЫВАЛ» (К вопросу об изобразительной яковлевиане)

К образу выдающегося педагога-просветителя Ивана Яковлевича Яковлева обращались и обращаются многие художники. Можно говорить о том, что уже сложилась изобразительная яковлевиана. В предлагаемой вниманию читателя статье впервые предпринята попытка, направленная на выявление, систематизацию и осмысление произведений живописцев, графиков и скульпторов по данной теме. В освещении ее эволюции выдержана определенная хронология.

«С природы меня никогда никто не срисовывал», — однозначно сообщил Иван Яковлевич своему биографу А.Жиркевичу 12 мая 1922 г. и при этом уточнил: «В последние годы меня нарисовали 1) карандашом художник Н.Ф.Некрасов и 2) масляными красками художник Архипов в 1921 году»¹. Опираясь на это свидетельство, можно предположить, что портреты Яковлева кисти казанского иконописца и художника А.Баташева, написанные «еще в XIX в.»², выполнены не с натуры, а скорее всего по фотографиям. Эти портреты некоторое время «хранились в Чувашском историко-этнографическом музее при Симбирском чувашском институте народного образования», а впоследствии были переданы в Чувашский краеведческий музей³.

К сожалению, в фондах Национального музея Чувашской Республики подобные работы не обнаружены. Правда, есть один недатированный портрет И.Яковлева «неизвестного художника»⁴, но, судя по хорошей сохранности, его трудно отнести к прошлому веку.

Примерно в том же возрасте, что и на предыдущем полотне, выглядит просветитель в другом портрете кисти «неизвестного автора», хранящемся в Музее И.Я.Яковлева в

Чувашском государственном педагогическом университете (ЧГПУ им.И.Я.Яковлева)*. В данном случае более уверенно можно заявить, что он написан в конце минувшего столетия. Иван Яковлевич одет в сюртук черного цвета и изображен в анфас, но на сей раз представлен в овале. По всем формальным приемам исполнения, художественным средствам и стилю, этот портрет отличается от предыдущего и есть основания сказать, что он исполнен не профессиональным автором.

В этих недатированных работах нет ощущения масштабности образа, нет трепетного проникновения авторов в глубокий внутренний мир портретируемого. Пожалуй, как и Баташев, неизвестные художники выполняли портрет Яковлева не с натуры. В данном отношении намного выгоднее отличаются уже упоминавшиеся портреты, созданные в 1921 году в Симбирске Н.Некрасовым (графический) и Д.Архиповым (живописный)**. В них запечатлен выразительный образ патриарха народного образования, в силу обстоятельств уже отошедшего, говоря словами В.Ленина, «от дела его жизни».

В названных произведениях мы также не видим многогранной глубины в трактовке образа просветителя. Они одноплановы, ибо в них прежде всего изображен живой образ старца, еще не оправившегося от жестокого удара судьбы — отторжения его от любимого дела. В облике Ивана Яковлевича видны следы горьких раздумий и душевного надлома. В изобразительной яковлевиане оба портрета являются самыми драматичными, вызывающими чувство глубокого сострадания к судьбе великого человека.

Единственным чувашским художником, имевшим честь изображать И.Яковлева с натуры, был И.Дмитриев, проживавший в Москве. В мае 1928 года он выполнил более десяти портретных зарисовок и набросков Ивана Яковлевича — очень живых, пластически емких и убедительно правдивых. По сути, с них и начинается подлинно чувашская изобразительная яковлевиана. Эти рисунки, независимо от степени их завершенности, являются редчайшим иконографическим материалом и могли бы оказать «творческие

* По свидетельству заведующей музеем М.Илларионовой, этот портрет был передан профессору Н.Краснову одним из учеников Ивана Яковлевича.

** Находятся в постоянной экспозиции Музея И.Я.Яковлева в ЧГПУ.

И.В.Дмитриев. И.Я.Яковлев. Рисунок. 1928 г.

услуги» живописцам, графикам и скульпторам, разрабатывающим яковлевскую тему. Эти драгоценные рисунки хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН).

В виртуозных рисунках Дмитриева нет и тени старческой вялости, слабости или болезненности 80-летнего Яковлева. Напротив, в них предстает образ мудрого старца, полного силы духа. Жизнеутверждающий характер портретируемого особенно

проникновенно передан в рисунке, где в помощь серебристому графическому карандашу «пришли» синий, использованный в трактовке волос, бороды и усов, и коричневый, применяя который, автор стремился передать телесный цвет лица.

Печатью печальной документальности пронизаны рисунки Дмитриева на тему «И.Я.Яковлев в гробу», выполненные 25 октября 1930 г.

Затем последовал довольно затяжной период забвения, умалчивания и негативного толкования имени и дела педагога-просветителя. Естественно, в атмосфере лжеидеологии того времени перед мастерами изобразительного искусства ставились иные цели и задачи, они были призваны воспевать других героев.

Новый этап обращения чувашских художников к яковлевской теме связан со 100-летним юбилеем патриарха-просветителя. В 1948 году живописный портрет И.Яковлева больших размеров, очевидно, для зала заседаний к юбилейным торжествам, написал один из основоположников чувашского профессионального изобразительного искусства Н.Сверчков*. Портрет выполнен с прижизненных фотографий Ивана Яковлевича в светлых тонах.

В том же году скульптор И.Кудрявцев изваял гипсовый портрет-бюст И.Яковлева. Огорчает, что эта работа не сохранилась. Но ее фоторепродукцию можно увидеть в архивных материалах скульптора. Через десять лет самобытный автор выполнил композиционную работу, представив Ивана Яковлевича сидящим в кресле с раскрытой книгой**. В новой работе скульптору не удалось достичь той же степени высокого образного звучания, которое присуще более раннему портрету. Дело в том, что в работе 1958 года ваятель чрезмерно увлекся натуралистическими деталями, особенно в трактовке одежды. «Дядя Вася очень хорошо позирует — все складки одежды беру с него, сам-то ведь их не выдумаешь, чтоб было до предела реально», — поведал он в интервью журналисту в процессе работы над фигурой педагога-просветителя. Более того, усмотрев «у дяди Васи очень большое даже портретное сходство с Иваном Яковлевичем»⁵, Кудрявцев невольно отвлекся и самоустранился от поставленной задачи. Оказавшись в плену у натуры, он создал живой и подвижный образ «дяди Васи», исполняющего роль Ивана Яковлевича...

* Портрет, требующий срочной реставрации, находится в ЧГИГН.

** Отдел скульптуры ЧГХМ.

Первая живописная картина, где встречается образ И.Яковлева, написана лишь в 1965 году*. В ней учитель изображен вместе со своим учеником — поэтом Константином Ивановым. Автор полотна — талантливый художник В.Березин, недолго работавший в Чебоксарах. В этом произведении более удачен романтический образ поэта, нежели педагога-просветителя. К тому же, отличаясь безупречными живописными качествами, картина не вполне совершенна по композиционному строю, по выражению характера сюжетной завязки двух персонажей⁶.

Расцвет яковлевианы во всех видах чувашского изобразительного искусства начинается с периода подготовки к 120-летию И.Яковлева. В 1966 г. скульптор И.Слободова** разработала лаконичный по пластике и художественным средствам проект памятника Ивану Яковлевичу. Просветитель вылеплен сидящим в глубокой задумчивости. Его руки сложены на груди. Этот мотив усиливает тему «ухода в себя», придавая образу Яковлева некое драматическое начало. Подобный проект памятника мог рассматриваться лишь как один из рабочих вариантов.

120-летию И.Яковлева посвящены произведения Н.Овчинникова (картина «И.Н.Ульянов и И.Я.Яковлев в чувашской школе» и «Портрет И.Я.Яковлева»), М.Харитоновна (большой живописный портрет для проведения юбилейных торжеств в Москве), И.Дмитриева (символический живописный натюрморт со скульптурным бюстом Яковлева), Э.Юрьева (плакат), П.Сизова (портрет в линогравюре). В Чувашском госпединституте был открыт музей И.Я.Яковлева, специально для которого скульптурные работы выполнили Е.Бондарь (в меру стилизованный портрет, гипс тонированный) и Ф.Мадуров (панно-посвящение Яковлеву, резьба по дереву).

С этим юбилеем связан и бронзовый памятник Яковлеву, созданный московским скульптором Д.Народицким. Он был установлен в Чебоксарах в 1970 году. В яковлевской теме на

* Литературный музей им.К.В.Иванова, Чебоксары.

** И.Б.Слободова окончила скульптурный факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина. Училась у народного художника СССР М.К.Аникушина. Во второй половине 1960-х гг. преподавала скульптуру на художественно-графическом факультете Чувашского госпединститута.

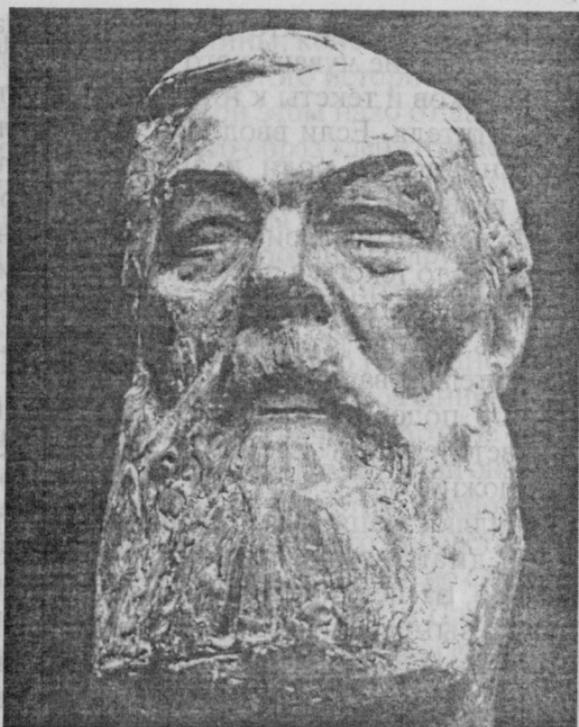
сегодня нет более значительной скульптурной работы. Памятник органично впился в ансамбль сквера перед Национальной библиотекой, и уже невозможно представить себе облик нашей столицы без этого монумента.

В художественно-образном решении памятника автор использовал такие пластические средства, которые позволили ему избежать помпезности и дидактичности. Образ Ивана Яковлевича, человека из народа, получился демократичным, настраивающим на духовное общение с мудрым наставником. Памятник не символизирует масштабные деяния Яковлева-просветителя, он больше выявляет его чисто человеческие качества.

В последующие годы И.Яковлеву были посвящены: графические работы Э.Юрьева к фильму «Дело его жизни» (1969), портрет в линогравюре Ю.Викторова (1969), скульптурные работы Ю.Ксенофонтова (1969) и В.Черепанова (1971), живописная картина Н.Карачарскова «Напутствие. Сейте разумное, доброе, вечное» (1975), композиция в живописи «И.Я.Яковлев — основоположник чувашской письменности», выполненная в формах монументально-декоративного панно В.Петровым (Праски Витти) (1984), альбом рисунков П.Сизова «Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь и деятельность просветителя чувашского народа» (издан в 1986 г.), уникальное художественно-графическое оформление Духовного завещания И.Я.Яковлева чувашскому народу Э.Юрьева (1992) и другие произведения.

Из перечисленных работ наиболее емкими, новаторскими, поднимающими трактовку образа Яковлева на иной, более высокий идейно-профессиональный и общественно-значимый уровень воспринимаются творения Ю.Ксенофонтова, Н.Карачарскова и Праски Витти. Эти авторы не ограничились внешней «схожестью» с Иваном Яковлевичем, не пошли по пути иллюстративного подхода к отдельным историческим фактам или биографическим сведениям, а проникли в суть важной и ответственной темы и попытались осмыслить значимость и многогранность жизни и деятельности патриарха, ставшими судьбоносными для всего чувашского народа.

Нельзя не отметить большой и кропотливый труд Юрьева и Сизова, чьи графические работы акцентируют внимание зрителя на важнейших страницах биографии просветителя. Так,

Ю.И.Ксенофонов. И.Я.Яковлев. 1969 г.

создавая свои станковые листы — иллюстрации (их всего двадцать семь)* к фильму о Яковлеве «Дело его жизни», Юрьев представил образ Ивана Яковлева: студента, работающего над чувашским алфавитом, убедительно показал теплые дружеские отношения, существовавшие между И.Я.Яковлевым и И.Н.Ульяновым, творческой находкой автора можно назвать листы «Яковлев на трибуне Учредительного собрания», «У гроба Ульянова», «В Симбирске в революционные дни». Рисунки Сизова, как и станковые листы Юрьева, имеют «прикладной» характер — они выполнены в качестве иллюстраций к тексту Н.Г.Краснова. Совместный труд художника и ученого-яковлевоведа был издан как «пособие для средней школы». В пояснительной записке об этом уникальном издании, о его широком назначении и использовании, Краснов пишет: «Настоящий альбом призван помочь учащимся, студентам,

* Все они хранятся в Чувашском национальном музее. Материал исполнения: бумага, акварель, карандаш, гризайль, гуашь.

преподавателям и всем тем, кто изучает и пропагандирует педагогическое наследие чувашского просветителя. Альбом содержит 45 рисунков и тексты к ним. Темы рисунков взяты из жизни просветителя. Если вводная статья к альбому, где говорится в основном о роли и значении деятельности И.Я.Яковлева в развитии национальной школы и освещаются особенности его педагогической теории, адресована в первую очередь учителям..., то тексты к рисункам, как и сами рисунки, наглядно раскрывающие эпизоды биографии Яковлева, призваны помочь прежде всего учащимся узнать, как жил и работал просветитель чувашского народа.

До сих пор подобного издания о нем не было, хотя личность просветителя вот уже более 100 лет не перестает интересоваться художников»⁷.

Рисунки-иллюстрации Сизова значительно расширили тематический диапазон чувашской изобразительной яковлевианы. Но, за исключением карандашного портрета И.Я.Яковлева, вынесенного на обложку альбома, их невозможно назвать произведениями высокого художественного уровня. Рисунки, иллюстрирующие текст, примитивны по композиции и «суховаты» по исполнению, в них не ощущается дар портретиста-психолога.

Большую творческую активность проявили наши художники в ходе подготовки к 150-летнему юбилею И.Яковлева. В традициях отечественной сюжетно-жанровой живописи Н.Овчинников написал многофигурные картины «И.Я.Яковлев у государя Николая II» (1997) и «Школа И.Я.Яковлева на Нижегородской ярмарке в 1896 году» (1998), в основу которых положены реальные факты. При этом, естественно, автор сохранил за собой и право на художественный вымысел. Ведь произведение искусства — это не иллюстрация архивного документа или эпизодов из эпистолярного наследия. Так, опираясь на воспоминания Ивана Яковлевича о выступлении хора Симбирской чувашской школы на Всероссийской выставке-ярмарке 1896 года, состоявшемся в Нижнем Новгороде, Овчинников написал картину, «собирающую» воедино несколько разрозненных тем. В одной композиции он показал и чувашского просветителя, и выступление хора, и царя Николая Второго (он был свидетелем выступления хора школы Яковлева), и свиту великого государя, и саму ярмарку, и конкретное место действия...

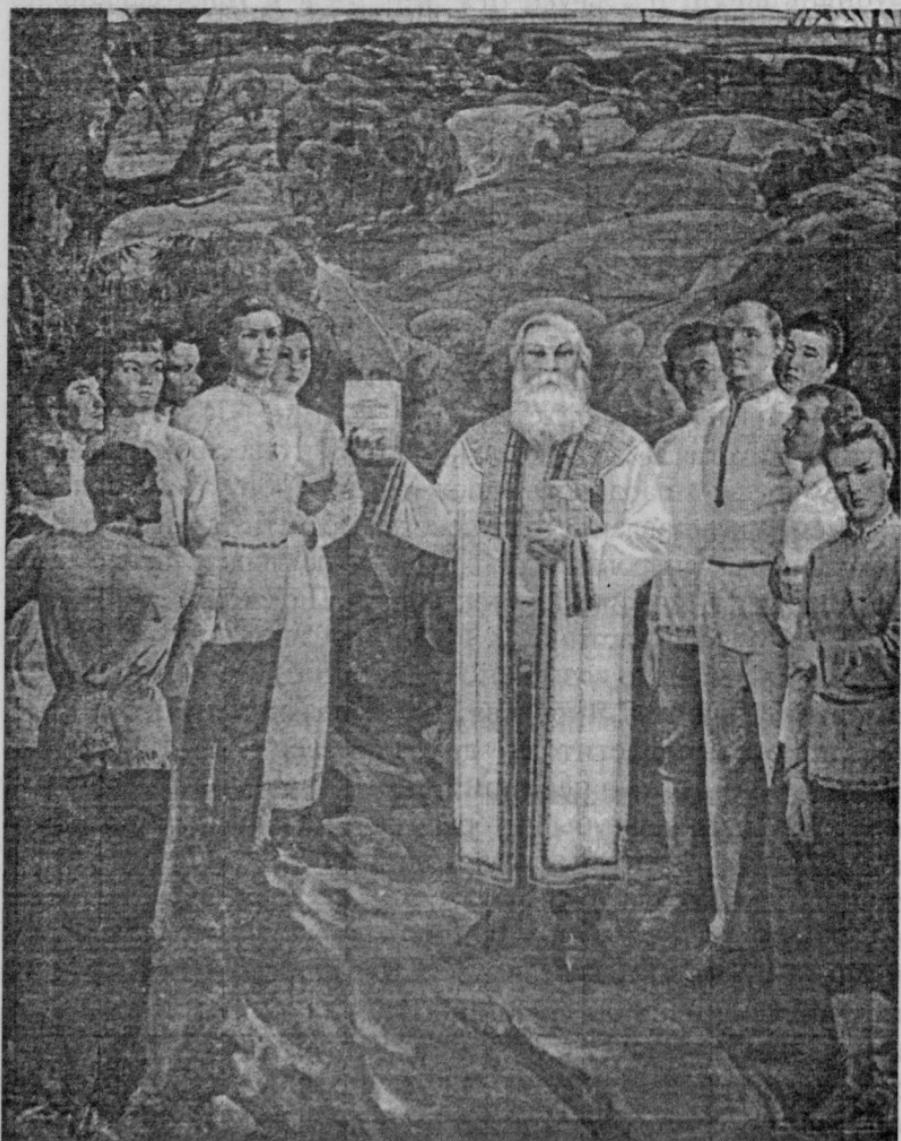
Главной темой картины, конечно же, стало выступление хора. Ведь ради отражения этого исторического события она и задумана художником. При этом надо отдать должное автору, он «не потерял» царя — его образ «держит» центр композиции. «Не затерялся» и образ чувашского просветителя — он как бы представляет хор своей школы и государю, и общественности. Есть в этой многолюдной композиции и другие запоминающиеся персонажи: руководитель хора; Витте, бывший в то время министром финансов России; губернатор Нижнего Новгорода Баранов. Сообразно теме, полотно написано в светлых тонах, «цветисто» и передает приподнятое праздничное состояние.

Активен цветовой строй и в картине «И.Я.Яковлев у государя Николая II». Однако по композиции она строже, цельнее, «академически» параднее. В сюжетную основу этого полотна положено представление чувашского просветителя императору Николаю Александровичу, состоявшееся, по свидетельству Ивана Яковлевича, 31 мая или 1 июня 1905 г. в Царском Селе⁸.

Работая над картиной, Овчинников внимательно изучил, насколько это было возможно и доступно, все необходимое: воспоминания И.Я.Яковлева, иконографию императора и чувашского просветителя, других известных личностей, «задействованных» в церемонии представления, одежду той эпохи; написал с натуры интерьер зала дворца, где проходила встреча, и т.д. Потому эта картина получилась более убедительной, чем предыдущая.

Фундаментальные живописные работы о выдающемся педагоге-просветителе созданы Н.Карачарсковым. В отличие от Овчинникова, он не опирается на конкретные документальные факты, а стремится решить тему через философские рассуждения и символические приемы. К примеру, в картине, созданной в 1975 году*, Иван Яковлевич изображен у родника с ключевой водой под сенью раскидистой ветлы вместе с двенадцатью выпускниками своей школы. Среди учеников Яковлева живописец счел необходимым изобразить Константина Иванова, Марфу Трубину, Федора Павлова, Степана Максимова, Тайра Тимкки, Николая Шубоссинни,

* Полотно «Напутствие. Сейте разумное, доброе, вечное» находится в картинной галерее колхоза «Янгорчино» Вурнарского района Чувашской Республики.

Н.П.Карачарсков. Завещание. 1998 г.

Даниила Эльменя, Федора Тимофеева и Василия Егорова, ставших выдающимися деятелями национальной художественной культуры, видными учеными и политиками. В числе учеников видим также старшего сына Ивана Яковлевича Алексея Яковлева, проявившего себя в сфере науки (доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук СССР) и на педагогическом поприще (профессор МГУ).

В новой картине мастера «Завещание» (1998) Яковлев вновь показан среди учеников: он стоит почти в центре композиции в праздничном национальном одеянии, на фоне овражистого и холмистого чувашского пейзажа. Левой рукой Учитель прижимает к груди Библию, а в правой, чуть отстраненной и приподнятой руке, держит Букварь для чувашских детей. Строг, сосредоточен и даже несколько иконообразен патриарх. Его взгляд сквозь десятилетия устремлен в будущее. Он словно священнодействует, проповедуя высоконравственные идеалы христианства и одновременно призывая стоящих рядом учеников к неустанному труду на ниве просвещения и духовного воспитания родного народа.

Питомцы яковлевской школы, вступающие в самостоятельную жизнь, размещены по обеим сторонам от патриарха. Многие из них портретны. Ученики молоды, красивы, статны и торжественны. Они уверенно стоят на земле. Их благородные лики озарены отблеском внутренней духовной культуры, отблеском силы нравственных убеждений и сформировавшегося мировоззрения. Внимая напутствию мудрого философа-учителя, они словно клянутся исполнить его завет.

Новая картина Карачарскова тенденциозно концептуальна. Ее гуманистическая идея очевидна. Она раскрывает глубокий смысл, высокое предназначение и непреходящую ценность всей жизнедеятельности Ивана Яковлевича Яковлева. Картина связывает воедино прошлое, настоящее и будущее чувашского народа. На сегодня ее по праву можно назвать лучшим творением в живописной яковлевиане.

Из произведений, созданных к знаменательному юбилею, следует отметить также большой живописной портрет Яковлева кисти А.Федосеева (написан для оформления зала в Москве). Портрет в меру монументализирован и выдержан в строгой и сдержанной цветовой гамме. Следует указать, что подобное композиционное и колористическое решение образа Яковлева в творчестве Федосеева уже встречалось, об этом свидетельствует живописный портрет «Яковлев — мыслитель» (1991), находящийся в кабинете директора ЧГИГН*.

* Можно отметить также, что в фойе первого этажа Гуманитарного института А.Федосеев совместно с В.Гришаевым выполнил монументальную роспись «Просветители чувашского народа», в центре которой мы вновь видим Ивана Яковлевича все в той же позе. Но в указанной композиции он изображен во весь рост и вместе с учениками.

Большой объем оригинальных художественных работ к очередному юбилею Яковлева выполнил Э.Юрьев: памятную медаль, настенный календарь, оформление книги профессора Н.Краснова «И.Я.Яковлев и его потомки».

Заслуживают внимания произведения скульпторов: жанровая композиция В.Черепанова «Чувашский просветитель И.Я.Яковлев», бюст-портрет В.Зотикова и проект памятника Яковлеву А.Майраслова.

Удивительной теплотой пронизана первая работа, выполненная в мраморе. Иван Яковлевич (правда, его образ узнается с трудом) показан в ней сидящим в кресле с книгой в правой руке. Левой рукой он по-отечески нежно приобнял мальчика, стоящего рядом с девочкой. Эти маленькие дети, символизирующие весь чувашский народ, делающий первые шаги на пути к знаниям, к свету, доверчиво прижались к своему учителю и, слушая его наставления, как бы всматриваются в свой завтрашний день. Всматриваются робко, стеснительно...

В сравнении с обобщенно-лаконичным пластическим языком, использованным Черепановым в камерной по размерам композиции, портрет-бюст, созданный Зотиковым, отличается классицистической изысканностью, вносящей в произведение оттенок рассудочности. Гипсовый портрет внешне настолько хорош и показательно правилен, что с первого взгляда вызывает восхищение. Но это обманчивое впечатление, ибо формируется оно сугубо техническими приемами, «сделанностью», заставляющими собой живой образ Яковлева*.

Переходя к эскизу-проекту памятника И.Я.Яковлеву, разработанному чувашским ваятелем из Москвы А.Майрасловым, надо вспомнить мысль выдающегося скульптора уходящего века Веры Мухиной, которая отмечала, что монументальное искусство не может быть прозаическим... Судя по эскизу, Майраслов вынашивал замысел о «монументе-символе» или даже «памятном знаке» педагогу-просветителю. О том, что статуя посвящается Яковлеву, можно узнать по его барельефной голове на фоне нимба-ворота длинной, касающейся земли (постамент) одежды, символизирующей, очевидно, крестьянский тулуп. В руках этой стилизованной

* Экспонируется в Музее И.Н.Ульянова и И.Я.Яковлева в Чувашском государственном университете.

фигуры, на уровне груди, показана книга. Это ключ к раскрытию идейно-тематического содержания памятника патриарху — патриарху, несущему в народ свет и добро через приобщение чувашей к учению Иисуса Христа. Использованные в эскиз-проекте формально-композиционные приемы и нарочито-повышенная декоративность пластики увели автора от колоритно-индивидуального и живого облика Яковлева и привели к намеченной цели — к созданию образа-символа.

Предварительное обсуждение эскиза-проекта Майраслова в Чебоксарах показало, что для безоговорочного принятия подобной интерпретации образа Яковлева в современной Чувашии не назрела соответствующая культурно-историческая среда. Слишком велик разрыв между тем, что мы имеем на сегодня в области монументальной скульптуры, включая яковлевскую тему, и тем, что предлагает Майраслов на основе новых концепций монументальной пластики.

Не соглашаясь в полной мере с майрасловской пластической трактовкой образа Яковлева, можно допустить, что со временем подобный подход к памятнику патриарху-просветителю и миссионеру будет воспринят как вполне приемлемый и уместный. Останется определить реальную пространственную среду, а возможному автору, развивая предложенную идею, помнить, что памятник должен решаться как произведение «круглой» скульптуры и с любой точки зрения должен «работать» на более полное раскрытие образа и темы.

В данный обзор вошли не все произведения художников, воссоздающие образ И.Я.Яковлева. Остались вне нашего внимания работы казанских и симбирских художников конца прошлого века А.Баташева, В.Бурова и Д.Архангельского. Не названы две скульптурные работы ульяновца Г.Кузнецова, хранящиеся в Музее И.Я.Яковлева в ЧГПУ и ЧГХМ, два недатированных портрета Ивана Яковлевича, выполненные Л.Осинским сухой кистью на холсте и в смешанной графической технике на бумаге (ЧНМ), недатированный скульптурный портрет, автор которого неизвестен (ЧНМ). Не вошла в обзор и композиция в технике чеканки М.Григоряна из экспозиции Музея И.Я.Яковлева в ЧГПУ. Не выявлены работы скульптора А.Мясникова, который, как свидетельствует профессор Н.Краснов, неоднократно обращался к яковлевской теме в портретном жанре. Н.Краснов сообщил также, что кисти

живописца В.Березина принадлежит еще одна картина, где Иван Яковлевич изображен вместе с Н.Ильминским. К сожалению, это полотно пока также не найдено. В данной статье не упомянуты и многочисленные дипломные работы выпускников художественно-графического факультета ЧГПУ, среди которых есть вполне достойные внимания.

Завершая статью, следует подчеркнуть, что в яковлевской теме, занимающей в чувашском изобразительном искусстве одно из почетных мест, создано немало выразительных произведений. Устойчивый интерес художников к ней сохранится и в будущем, ибо тема эта неисчерпаема и во все времена будет актуальной⁹.

Литература и примечания

¹ Яковлев И.Я. Моя жизнь. М.: Республика, 1997. С. 592.

² Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 325.

³ Там же.

⁴ Холст, масло. 55x44. На обороте: «ЧКМ 12170 ОК 192».

⁵ Стуриков Н. В мастерской Кудрявцева (К 50-летию скульптора)// Советская Чувашия, 1958, 26 окт.

⁶ В этом плане более удачно решено большое живописное полотно А.Алимасова «Рождение поэмы» (1986).

⁷ Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь и деятельность просветителя чувашского народа в рисунках Петра Сизова. Чебоксары, 1986. С. 62.

⁸ Яковлев И.Я. Моя жизнь. С. 540.

⁹ При подборе репродукций произведений, иллюстрирующих статью, автор стремился к отражению основных этапов в развитии исследуемой темы, заботился о том, чтобы были представлены все виды изобразительного искусства. При этом, разумеется, учитывался и художественный уровень произведений.

Е.М. ТИМИРЯСОВ

С.Н.ТИМРЯСОВ — СПОДВИЖНИК И.Я.ЯКОВЛЕВА

В ноябре 1871 г. зародилась новая чувашская письменность: появился первый вариант чувашского алфавита. Он был создан студентами Казанского университета чувашом И.Я.Яковлевым, русским В.А.Белилиным и учеником Казанской крещенотатарской школы чувашом С.Н.Тимрясовым под руководством профессора Н.И.Ильминского. В литературе о Симбирской чувашской школе и ее основателе И.Я.Яковлеве нет подробной биографии С.Н.Тимрясова. В этой статье я хочу восполнить этот пробел.

Сергей Николаевич Тимрясов родился в 1851 г. в деревне Ишалкино Саврушского прихода Чистопольского уезда. Деревня состояла из некрещеных чувашей и старокрещеных татар. Чуваша-язычники жили в 16 домах: их насчитывалось 48 душ мужского и 55 душ женского пола.

Отец Сергея, по имени Тимряс, в молодости работал у чистопольского купца. Физически он был крепкий мужчина. За день мог заготовить 2 сажени дров (4 кубометра). Помогал купцу по торговле, служил кучером. За усердную работу купец хорошо отблагодарил его: подарил лошадь с упряжью. Тимряс женился на дочери богатого крестьянина из деревни Нижней Кондраты. Стал настолько состоятельным, что заимел мельницу. Жизнь его кончилась трагически: был убит в лесу, куда ездил на заготовку бревен для мельницы. У него было 4 сына: Исмулла, Мулюха (мой прадед), Сергей и Алексей.

В 1867 г. в деревне открылась крещенотатарская школа, куда учителем был направлен воспитанник Казанской крещенотатарской школы татарчонок 14 лет Я.Памфилов. Он привлек в школу не только крещеных татар, но и язычествующих чувашей и своим учением расположил последних, в том числе и Сергея Тимрясова, к христианству.

Для дальнейшего христианского образования Сергей поступил в открывшуюся в 1863 г. Казанскую крещенотатар-

С. Н. Тимрясов

скую школу. Он с детства знал татарский язык, в деревенской школе учился на татарском языке, а родным чувашским языком владел в совершенстве.

Когда Сергей обучался в Казани, в Казанский университет в 1870 году поступил И. Я. Яковлев. Скоро он познакомился с Н. И. Ильминским. «В то время, — вспоминал Н. И. Ильминский в 1884 г., — я был преподавателем турецко-татарского языка в университете, и был у меня слушатель студент В. А. Белилин, молодой человек весьма любознательный и работающий. Он занимался по-арабски, по-татарски; когда Яковлев сблизился со мною и познакомился с этим студентом, заходила речь о чувашских переводах. Я советовал студенту Белилину заняться и чувашским языком ради близости его с татарским. Был в то время в числе учеников Казанской крещенотатарской школы чувашин Сергей Тимрясов... В начале 1871 г. устроилось переложение на чувашский язык с татарского крещенотатарских переводов, которых к тому времени было уже немало напечатано и изучалось в Казанской школе; это были: Букварь, Начальное учение христианской веры (краткая св. история с катехизисом), Евангелие от Матфея, книга Бытия,

Премудрость Иисуса сына Сирахова, Наставление христианское св. Тихона. Было несколько переводов еще в рукописи церковно-богослужебного содержания. Татарский язык к чувашскому (да и к другим инородческим языкам здешнего края, особенно вотяцкому (удмуртскому. — Г.А.) и черемисскому (марийскому. — Г.А.) так близок по расположению и сочинению слов, что татарскую книгу можно прямо читать по-чувашски. И вот Сергей Тимрясов с крещенотатарской книжки говорил по-чувашски — диктовал, а вышеупомянутый студент В.А.Белилин под его диктовку писал. Последний ходил для этого в Казанскую школу ежедневно и писал такое переложение часа по два и более; таким образом, в несколько недель вся наша крещенотатарская книжность оказалась переведенною на чувашский язык. Разумеется, В.А.Белилин писал скоро, писал так, как ему слышались чувашские звуки, писал русскими буквами приблизительно. Это письменное переложение лежало до наступления летней вакации 1871 г. На первом году Яковлев больше занимался учебною и воспитательною стороною инородческого образования, а пристально и непосредственно еще не принимался за переводы, хотя с любопытством следил за ходом работы В.А.Белилина с Сергеем Тимрясовым. Когда наступила вакация, Яковлев пригласил их обоих к себе на родину, и здесь при участии тех мальчиков, которые учились грамоте в Симбирске, стали пересматривать тетради студента Белилина. С самого первого взгляда оказалось написание неопределенным и непоследовательным, возник вопрос: как приспособить русскую азбуку к звукам чувашского языка? Тут работал главным образом студент Белилин... Разумеется, Яковлев следил с вниманием за работой своего любознательного сотрудника, помогал ему сам и через других чуваш живым материалом для звуковых изысканий. Свои наблюдения над чувашской звуковой системой они сообщали мне, советовались со мной”*

На основе первого варианта алфавита был составлен в ноябре 1871 г. первый чувашский букварь, который вышел в свет в январе 1872 г. Но первый вариант алфавита оказался практически неудобен, поэтому он совершенствовался уже без участия В.А.Белилина и С.Н.Тимрясова.

* Н.И.Ильминский. К истории инородческих переводов. Казань, 1884. С. 7—8.

С января по май 1872 г. С.Тимрясов работал в Симбирской чувашской школе. Расходы по его содержанию взяла на себя школа. Сергей занимался переводом религиозно-нравственной литературы.

Вернувшись в Казань, он сдал экзамены и получил звание учителя. Затем два года работал учителем в школе Братства св. Гурия в чувашской языческой деревне Атлашкино близ своей родной деревни. Эта школа открылась 28 декабря 1872 г. 19 января следующего года С.Тимрясов сообщил И.Я.Яковлеву: “Желающих учиться детей много. В избе тесно. Число учеников может превысить 50 человек. Хотят ходить в школу крещенные дети. Некоторые крестьяне встретили настороженно: “Поработает год — дом построят, землю потребует. Хитрит учитель и учить детей как следует не будет”. Стараюсь. Работать приходится много. Не могу взяться за перевод Часослова..”

8 марта С.Тимрясов вновь написал И.Я.Яковлеву: “В школе уже 43 ученика. Большинство научились читать. Но одному все успеть никак невозможно. Еще не приступили к изучению Закона Божьего и петь начали только сейчас. Батюшка очень занят. Сам учит детей в Саврушах. Приезжал к нам в школу только 2 раза. Проверял, как читают, пишут ребята. Удивился, что тоже хорошие успехи в учении, особенно сильных учащихся. Что они в прошлом году учились (с 28 декабря по начало марта!). Очень обрадовался батюшка таким успехам, но и попенял. Из других деревень стали приходить дети учиться к нам. Сначала я брал их. Батюшка написал: “Все учащиеся придут к тебе, и в наших школах учащихся не останется”. Дети не хотели уходить. Ушли только по принуждению.

Частенько хожу к батюшке в Савруши. Очень приветливо встречает. Учит, как учить детей. Из земской управы прислали бумагу полстопы, доски, грифели. Поеду в Ишалькинскую школу за столом. Не успеваю. Все еще не могу приняться за Часослов. Правильно старые люди говорят: “Жизнь видишь только ночью как во сне”.

Время проходит быстро, скоро будет пасха. Привез учиться своего брата (Алексея. Я его помню, умер он где-то в 1930 г. — Е.Т.). Будет ли только?

Посланные тобой деньги получил. Спасибо. Привет передай Василию Алексеевичу Белилину”.

В школе несколько раз побывал местный благочинный священник Саврушского прихода В.А.Пеньковский. 1 марта

1873 г. он написал в Казань в Братство св. Гурия: “Школа эта имеет достаточное число учеников и быстро развивается благодаря усердным занятиям учителя Тимрясова, который обладает природным мягким характером, с любовью и ревностно исполняет свою учительскую обязанность и таким образом вполне оправдывает доверие к нему Братства и заслуживает любовь как от своих питомцев, так и от лиц, наблюдающих за самим Тимрясовым. В течение трех только месяцев он настолько продвинул вперед успехи своих учеников, что многие из них перешли уже к чтению молитв... Посещая Атлашкинскую школу, я следил за ходом обучения, испытывая учеников в знании уроков, и делал им нужные наставления”.

Братство св. Гурия в своем отчете 30 октября 1873 г. указало: “Учитель Сергей Тимрясов наделен весьма хорошими способностями и большою любознательностью. Вместе с тем Тимрясов — скромный, нравственный, симпатичный и религиозный юноша. Теперь ему около 22 лет, и он расположен креститься, но, почитая отца, пока не решается на это без его согласия”.

В 1874 г. Сергей принял святое крещение. Его крестным отцом стал Н.И.Ильминский, а крестной матерью — Екатерина Степановна, жена Н.И.Ильминского. С этого времени С.Тимрясов будет зваться Сергей Николаевич, по имени своего духовного отца. После крещения он был зачислен в Казанскую учительскую семинарию. Учился успешно. В делах семинарии сохранились характеризующие его слова: “старателен, внимателен”. По окончании семинарии в 1877 г. С.Н.Тимрясов получает направление в Симбирскую чувашскую школу. Это было сделано по просьбе И.Я.Яковлева. В своем обращении к попечителю Казанского учебного округа он указал, что С.Тимрясов, кроме учительских обязанностей, будет заниматься под его руководством переводами на чувашский язык нравоучительных и богослужебных книг и составлением учебника русского языка для чувашских школ.

В 1878 г. С.Н.Тимрясов вступил в брак с дочерью симбирского ремесленника-кровельщика Александрой Васильевной.

В Симбирске он много занимался переводом религиозной литературы. 22 июня 1880 г. после разговора в Казани с Н.И.Ильминским Тимрясов пишет И.Я.Яковлеву, что

Ильминский торопит с переводом Евангелия от Иоанна и просит приняться за Часослов.

В 1880—1883 г. С.Н.Тимрясов — учитель Сунчелеевского земского училища: он заменил Н.М.Охотникова, уехавшего работать преподавателем математики в Симбирскую центральную чувашскую школу. В книге “Народные училища Казанской губернии. Чистопольский уезд”, изданной в 1889 г., говорится, что в Сунчелеевском училище “с большим успехом вели занятия Охотников и Тимрясов”.

После трех лет работы в селе Сунчелеево С.Н.Тимрясов уволился из школы, имея намерение переехать в училище поближе к родной деревне, но выехать не смог из-за болезни малолетних детей, которых у него в то время было трое. Он остался без работы. Именно в это время он написал Н.И.Ильминскому письмо с просьбой помочь ему подыскать работу. (В письме сказано: “Хоть умирай от голода”.)

По воспоминаниям старожила деревни Ишалькино Я.З.Емекеева, С.Н.Тимрясов работал где-то писарем в волостном правлении.

В 1885 г. он получил назначение в Старо-Мокшинское земское училище. В книге “Народные училища Казанской губернии” сказано: “Вследствие неудачного подбора учащихся, училище было в посредственном состоянии и лишь в 1885/86 учебном году приняло вполне удовлетворительную постановку при учителе С.Н.Тимрясове”. Занимаясь историей Старо-Мокшинской школы, краевед Ф.А.Михайкин нашел в отчете инспектора народных училищ 2-го участка Казанской губернии за 1890 г. следующую запись: “Учитель Мокшинского училища Тимрясов заслуживает внимания за свое усердие и успешные занятия”.

В 1890 г. С.Н.Тимрясов переводится учителем в земское одноклассное училище села Савруши Ново-Адамской волости. Переезд в село Савруши, расположенное всего в 4 км от родной деревни, было давнишним его желанием: в Ишалькино он имел земельный надел.

В 90-х годах по инициативе Чистопольского земства в школах были введены занятия по огородничеству и садоводству. В Саврушском земском училище был создан пришкольный участок, на котором С.Н.Тимрясов учил своих учеников, а иногда и их родителей, заниматься садоводством и выращивать овощные культуры.

С 1896 г. в Саврушском и Аксубаевском училищах были организованы очень популярные среди населения народные чтения и показ картин через “волшебные” фонари, которых в уезде было всего 2.

С.Н.Тимрясов проявлял любовь к этнографии родного народа. Еще в 1876 г. в журналах “Известия по Казанской епархии” (№ 9) и “Миссионер” (№ 31) он напечатал статью “Похороны и поминки у чуваш-язычников деревни Ишалкино Чистопольского уезда”. В Саврушах собирал этнографический материал, за что в 1893 г. Чистопольское земство наградило его денежным жалованьем. В бюджете семьи это было далеко не лишние деньги: у него было пятеро детей, семья жила лишь на зарплату главы. В дополнение ко всему случилось несчастье, по всей вероятности, в конце 90-х годов. В лесу, куда С.Н.Тимрясов ездил за дровами, нечаянно сильно прищемило его правую ногу между деревом и осью телеги. Развилась гангрена. Правую ногу до колена пришлось отрезать.

С 1897 г. в Саврушах стало три школы: одноклассное земское училище, второклассная церковноприходская школа с трехлетним сроком обучения, готовившая учителей для школ грамоты с годичным или двухгодичным сроком, и образцовая церковноприходская школа с 3-летним сроком обучения — базовая школа второклассной церковноприходской школы. В одноклассном училище курс обучения составлял три года, в нем было три отделения (или классы в нашем понимании) — низшее, среднее, старшее — с одним учителем до 50 учеников.

У С.Н.Тимрясова были сыновья Николай (1881), Александр (1883), Владимир (1886), Михаил (1888) и дочь Надежда (1893). Все они, кроме Николая, учились в Саврушской второклассной церковноприходской школе с трехлетним сроком обучения.

Старший сын Николай после окончания земского училища поступил в 1895 г. в Симбирскую чувашскую учительскую школу, где учился на деньги Чистопольского земства.

12 мая 1900 г. И.Я.Яковлев писал к С.Н.Тимрясову: “Твоего сына я отпустил домой раньше срока. Это потому, что он болен и не может продолжать занятия. Он очень много пропустил за год по болезни уроков, так что во многом поотстал от товарищей; на следующий год ему трудно будет идти с ними. Я бы советовал ему выйти из школы и осенью ехать в Казань и

держат экзамен на учителя: это не составит для него особого труда, так как подготовка у него теперь гораздо больше той, которая требуется специальной программой на звание учителя”*.

В январе 1901 г. И.Я.Яковлев известил С.Н.Тимрясова об обратном принятии сына Николая в число воспитанников школы. 24 января того же года И.Я.Яковлев сообщил ему: “Твой сын Николай приехал вчера. Я очень был бы рад, если бы он мало-мальски сносно окончил курс, и может он окончить курс, если будет здоров. Помоги ему, Бог, ради твоих несчастий, господом посвященных нам для нашего испытания и усовершенствования.

Помню я тебя и всегда желал бы тебе и твоим детям сделать, что могу, но не всегда так выходит, как хочется.

Помню я хорошо 70-е годы, когда ты, бывало, жил у меня в Казани и Симбирске. Помню твою помощь в переводческом деле... Будь здоров, насколько это тебе возможно”**.

Николай в 1901 г. окончил школу и некоторое время проработал учителем в Биляр-Озеро, а потом в Волчьей Слободе Чистопольского уезда. По рассказам, он был очень способным человеком, был прекрасным столяром, хорошо играл на скрипке. В 1908 г. Николай был выслан под надзор полиции в Архангельскую губернию на 3 года “за подстрекательство крестьян против власти и в организации сообщества” (из 10 крестьян). В ссылке он боролся с эпидемиями оленей. После возвращения из ссылки в 1911 г. Николай был вынужден ехать на Северный Кавказ, где жили и работали родственники матери. Учился там виноградному делу, учил и детей. На родину вернулся в разгар Гражданской войны. Следы его жизни потерялись в период колчаковщины.

Второй сын С.Н.Тимрясова Александр ограничился учебой во второклассной церковноприходской школе. Ряд лет учительствовал в деревне Максимкино Кошкинского района Куйбышевской области. Детей у него не было. Во второй половине 30-х годов он был “разоблачен” как “злостный враг Советской власти” одним своим “другом”. Его осудили на 10 лет, но спустя 3 года освободили. В последние годы жизни работал пчеловодом одного из колхозов Кошкинского района. Умер в возрасте 75 лет, пережив на 3 месяца свою жену.

* И.Я.Яковлев. Из переписки. Ч. 1. Чебоксары, 1989. С. 154.

** Там же. С. 159.

Третий сын Владимир стал учителем, участвовал в Первой мировой войне, после которой переехал в город Борисоглебск Воронежской губернии, где скончался в 70-х годах. Там живут его две дочери.

Четвертый сын Михаил после окончания Саврушской второклассной школы учился в Казанской учительской семинарии. В 1905 г. участвовал в студенческих революционных демонстрациях против царизма и находился под надзором полиции. Во время работы помощником учителя в Кутеминском училище велось дознание по обвинению его в оскорблении царя и царского строя. Дело рассматривалось в Казанском губернском совещании и за недостаточностью улик было прекращено.

До 1930 г. М.С.Тимрясов работал учителем в селениях Казанского уезда, затем в школах Казани. В 1909 г. женился на учительнице. Участвовал в Первой мировой войне, закончил ее в чине штабс-капитана. В Гражданскую войну он — командир комендантского взвода в г. Казани.

Умер в 1954 г. 66 лет от роду.

У М.С.Тимрясова были дочери Евгения (1915) и Людмила (1929). Евгения Михайловна и ее муж воспитали приемного сына — сына рано умершей сестры Клавдии, который работает сейчас врачом в одной из больниц г. Казани. Евгения Михайловна и ее муж Борис Евгеньевич умерли.

Людмила Михайловна с мужем воспитали трех детей: дочь и двух сыновей. Все они с золотой медалью окончили среднюю школу. Оба сына закончили Ленинградскую военно-медицинскую академию. После смерти мужа Людмила Михайловна переехала жить в Москву к младшему сыну Михаилу Валентиновичу Быстрову, который работал в отряде космонавтов, а сейчас он — врач военно-хирургического госпиталя им. Бурденко.

Дочь С.Н.Тимрясова Надежда окончила Чистопольскую женскую гимназию, работала учительницей русского языка и литературы. В 1916 г. вышла замуж за учителя И.П.Арбузова. После Гражданской войны они обосновались в Чистополе. Умерла Надежда Сергеевна в 1962 г. У Арбузовых было два сына. Старший сын Николай Иванович получил высшее педагогическое образование, работал учителем в школах Чистополя, Казани, затем уехал в г. Андижан. Второй сын Сергей погиб на фронте Великой Отечественной войны.

В августе 1904 г. в Саврушах случился сильный пожар. Выгорело почти все село, в том числе и здание земского училища со всеми надворными постройками. Дети Сергея Николаевича в тот день ловили раков в реке Саврушке. Прибежали помогать вытаскивать вещи из горящих домов. Из вещей Сергея Николаевича люди смогли вытащить только сундук.

После пожара земское училище из Савруш было перевезено в деревню Ишалкино. Последние годы своей жизни Сергей Николаевич учил детей в Русско-Чебоксарском земском училище. Летом 1910 г. он заболел и умер от холеры 23 июля, 59 лет от роду. Похоронили его на отдельном кладбище. Гроб облили дегтем. После смерти мужа жена Александра Васильевна до завершения учебы Нади в гимназии жила в Чистополе, потом у сына Михаила, а с 1916 г. — в семье Арбузовых. Умерла 54 лет в 1918 г. в селе Белая Гора на родине зятя И.П.Арбузова. До последних своих дней как дорогую память о муже она хранила бронзовую медаль Сергея Николаевича за участие во Всероссийской переписи населения в 1897 г. и его кожаный протез. После смерти мужа земство выдало ей пособие в размере 25 руб. Помогали дети. Николай из ссылки посылал ежемесячно по 15 рублей.

С.Н.Тимрясов участвовал в зарождении новой чувашской письменности, всю свою жизнь посвятил развитию образования и культуры родного чувашского народа, был сподвижником И.Я.Яковлева.

Материал подготовил к печати

Г. А. Александров, старший научный сотрудник отдела истории ЧГИГН.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении публикуются два архивных документа. Первый — это воспоминания об И.Я.Яковлеве, принадлежащие известному чувашскому этнографу и историку Г.И.Комиссарову, учившемуся в Симбирской чувашской школе в 1899—1903 гг., а в последний период своей жизни учительствовавшему далеко от родины — в Кировской области. Историю появления данной рукописи поясняет содержание письма от 25.06.48, хранящегося в одной папке с ней (Научный архив ЧГИГН, отдел II, ед. хр. 143). Приводим его полностью:

*В Чувашский Научно-Исследовательский
Институт языка, литературы и истории*

Из письма В.Г.Егорова и через "Учительскую газету" я узнал о решении Правительства Чувашской АССР и Правительства РСФСР о проведении юбилея 100-летия со дня рождения И.Я.Яковлева и об увековечивании его памяти. У меня появилось желание дать в Исследовательский Институт материал Из "Воспоминаний об Иване Яковлевиче Яковлеве" — в надежде, что мои воспоминания о незабвенном сыне и деятеле нашего народа и Российского государства окажут некоторую помощь при обрисовке образа и оценке деятельности Ивана Яковлевича.

Сожалению, что поздно узнал о юбилее и поздно посылаю свои материалы. Можно было послать на несколько дней раньше, но экзамены в школе, подведение итогов учебного года и огородные работы не позволили мне изложить материал раньше. Рукопись моя не перепечатана. Посылаю в черновике, не оставляя копии у себя. Лищу себя надеждой приобрести имеющие быть изданными монографию А.И.Яковлева и доклады, заслушанные на юбилейной сессии.

19—25/VI—48 [г.]

Преподаватель Г.Комиссаров

*Адрес мой: Раб. поселок Санчурск, Кировской области. Улица Свердлова,
дом № 33, Г.И.Комиссарову.*

Публикуемый в настоящем издании текст написан и подписан автором собственноручно в 1948 г. Его заголовок указывает, что в планах Г.И.Комиссарова было создание более обширной рукописи под названием, взятым им самим в кавычки. Однако в авторской описи архива Г.И.Комиссарова, составленной буквально за год до его смерти (Научный архив ЧГИГН, отд. I, ед. хр. 505, л. 11—14), таковая не значится. Тем не менее и в настоящем виде текст богат подробностями и сюжетами, отсутствующими в воспоминаниях Г.И. Комиссарова, вошедших (с сокращениями редактора) в книгу «И.Я.Яковлев в воспоминаниях современников» (Чебоксары, 1968, с. 50—56), датированных в рукописи 23 мая 1967 г.* В частности, здесь немало конкретных индивидуализированных штрихов, характеризующих И.Я.Яковлева как педагога и человека. Историкам культуры должны быть интересны сохраненные памятью одного из очевидцев и участников жизни яковлевской школы фактические подробности первых опытов литературного творчества ее учащихся.

Второй документ, включенный в настоящее Приложение, — программа учебных занятий Симбирской чувашской школы, составленная преподавателем музыки (церковного пения) в 1896 г. Она представляет собой большой интерес с точки зрения истории музыкального воспитания и образования в чувашских школах.

* Полная машинописная копия опубликованного в 1968 г. текста воспоминаний Г.И.Комиссарова с правками редактора книги находится в Научном архиве ЧГИГН (отд. II, ед. хр. 797, л. 107—128). Оригинальная рукопись не обнаружена.

1.

ИЗ “ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИВАНЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ ЯКОВЛЕВЕ”

Благодаря тому, что мой старший брат Роман, бывший на 4 года старше меня, учился в земском училище, я выучился читать и писать до поступления своего в школу — в 1889—1890 учебном году. Особенно полюбил я книги на чувашском языке, которые были совершенно понятны мне. Я уже в эти годы слышал, что чувашские книги составляет и распространяет Иван Яковлевич. Но самого этого Ивана Яковлевича я не видел, так как в наши края он не приезжал (из-за отсутствия у нас чувашских школ Министерства просвещения); не видел и его портрета. Поэтому я не мог иметь в своем воображении точный образ его. Так как мой родной отец тоже назывался Иваном Яковлевичем, то я и того Ивана Яковлевича представлял похожим на своего отца — с темными волосами, синими глазами и рыжей бородой. Вообще же я думал, что этот Иван Яковлевич — видный и почитаемый всеми человек, очень добрый, умный, много знающий, старающийся за весь народ и делающий людям много добра. Так же думал я о нем и в годы моего обучения в Богатыревском земском училище (1893—1896 гг.) и в год перерыва моей учебы (1896—1897 учебный год).

Осенью 1897 г. я поступил учиться во 2-й класс Аликовского двухклассного училища Ядринского уезда (в 35 верстах от моей родины — с. Богатырева Чебаевской волости того же уезда). Здесь уже я услышал об Иване Яковлевиче больше: о нем с особенной гордостью и энтузиазмом рассказывали товарищи — ученики, раньше учившиеся в I классе (первые 4 года обучения) и своими глазами видевшие Ивана Яковлевича, приезжавшего в Аликовское училище.

Первый раз увидел я Ивана Яковлевича в мае 1898 года. Уже за несколько дней до его приезда стали говорить, что Иван Яковлевич едет в нашу школу. Я ждал его приезда с нетерпением и в то же время с некоторым страхом. “Отвечу ли я, если он меня спросит о чем-нибудь из пройденного?” — думал я. Наконец, сообщили, что Иван Яковлевич приехал ночью и что он придет к нам в класс. В тот год строилось новое большое 2-этажное здание училища, но оно еще не было достроено. Мы занимались в верхнем этаже старого здания, в помещении 2-го класса. Я занимал место за третьей партой, был вторым от края скамейки. Лицами мы были обращены на восток, дверь была справа. Вот идут к нам, слышны шаги. Вот отворились створчатые двери, и вошли Иван Яковлевич и наш учитель (он же заведующий училищем) Виктор Никифорович Орлов. Мы вскочили на ноги и поклонились. “Здравствуйте! Садитесь!” — сказал Иван Яковлевич, и мы сели. Иван Яковлевич был крупный по внешнему виду человек: толстый и высокий, цвет лица у него был смуглый, лоб прямой,

волосы черные, гладкие, с небольшой примесью седых волос, зачесанные направо, косым пробором; борода густая, большая, лопатообразная, тоже черная со значительной примесью седины; глаза карие, брови густые и черные, нос довольно широкий с большими ноздрями. Одет он был в мундир из синего сукна с золотыми (позолоченными) пуговицами; под мундиром была надета сорочка с крахмаленными манжетами и воротничком; галстук был черного цвета. Иван Яковлевич спросил у В.Н.Орлова, что по какому предмету прошли, предложил спросить урок (урок был по русскому языку), потом сам задал несколько вопросов по пройденной программе. На ответ был вызван и я. Мой ответ и я сам, видимо, понравился Ивану Яковлевичу. Он спросил Виктора Никифоровича о том, откуда я родом и как вообще учусь. Он смотрел на меня ласково и внимательно и сказал: "Хорошо". После этого я перестал робеть, и Иван Яковлевич предстал предо мною в образе доброго начальника и отца. Весь урок Иван Яковлевич провел на ногах. Больше он в нашем классе не был. Побывал в I классе, в женском училище, осмотрев столярную мастерскую, строящееся новое здание училища и усадьбу училища, И.Я. в тот же день уехал.

Второй раз увидел я Ивана Яковлевича в мае 1899 года уже в новом здании Аликовского училища. Мы занимались в нижнем этаже. Окна нашего класса выходили одни на запад (в сторону церкви), другие — на юг. Мы сидели обращенные на восток. Иван Яковлевич приехал в училище вместе с В.К.Магницким (бывшим инспектором народных училищ и ученым-исследователем быта и истории чуваш, проживавшим на покое в 20 верстах от Аликова, в с. Шуматове). В класс вошел Иван Яковлевич вместе с Магницким и В.Н.Орловым, но он только посмотрел на класс, ни по какому предмету нас не спросил. Какой-либо перемены в нем в сравнении с тем, что я видел в предыдущем году, я не заметил. Как я узнал после, Иван Яковлевич не нуждался в тщательном обследовании работы Аликовского училища, т[ак] к[ак] училище это находилось в надежных руках В.Н.Орлова. Его занимала идея об открытии новых министерских училищ в Ядринском уезде (пока, кроме Аликовского училища, были Торевское и Персирланское): намечались новые училища в селах Хочашеве, Абызове, Артемень-кассах.

Третий раз я увидел Ивана Яковлевича уже в Симбирске, в Чувашской учительской школе, куда я был привезен вместе с некоторыми другими окончившими Аликовское училище моими товарищами В.Н.Орловым на приемные экзамены в середине августа 1899 г. Иван Яковлевич, одетый в черный, несколько сероватый костюм, такого же цвета шляпе, с палкой в правой руке ходил по обширному школьному двору и давал распоряжения.

После сдачи экзаменов я был принят в число воспитанников 2-го класса Учительской школы, и с этого времени Иван Яковлевич стал для меня не только Инспектором чувашских школ, разбросанных в губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской, но и руководителем Учительской школы и одним из моих преподавателей — преподавателем логики и педагогики, отчасти истории.

По делам инспекции чувашских школ Иван Яковлевич выезжал из Симбирска, главным образом, в осенние и весенние месяцы, когда на Волге была навигация. Во время этих выездов Иван Яковлевич участвовал в совещаниях при Управлении Казанского учебного округа, в сессиях

уездных земств и разъезжал по уездам, обозревая чувашские министерские училища, иногда участвуя на общих собраниях сельских обществ (на крестьянских сходах). В земствах он добивался ассигнований на чувашские школы, на стипендии воспитанникам Симбирской учительской школы, на приобретение литературы на чувашском языке. На сельских сходах он добивался составления приговоров с ходатайством населения об открытии у него чувашского министерского училища. Так Иван Яковлевич **умножал число министерских училищ в чувашских селениях и число стипендий на подготовку учительских кадров** для чувашских школ, открывал на местах склады чувашских изданий для распространения их среди населения. Из этих поездок он иногда возвращался в хорошем настроении духа, иногда хмурый, не в духе, очевидно, в зависимости от результатов его дела. Это настроение его духа обычно отражалось на уроках, которые он проводил у нас в классе после возвращения из поездки. При хорошем настроении духа он не садился в классе, а ходил по классу взад и вперед (от двери к окну и обратно) и объяснял урок. В таких случаях программная тема служила обычно только отправной точкой для его беседы на ту или другую тему, беседы, которая иллюстрировалась разными примерами из жизни и воспоминаниями. Во время этих бесед он оживлялся, глаза у него становились веселыми, блестящими, походка делалась быстрой, энергичной. При этом настроении он спрашивал нас мало по теме урока и оставался довольным ответами. Другая была картина, когда Иван Яковлевич был не в духе. Тогда он обычно садился на кафедру, раскладывал перед собой лист, на котором была начерчена схема расположения парт, при взгляде на них с кафедры, и написаны фамилии сидящих за партами воспитанников. Иван Яковлевич, глядя на эту схему, вызывал воспитанников на ответы по вопросам заданных тем. Сам сидел хмурый, мало говорил, только фыркал, и ноздри его сильнее раздувались, особенно тогда, когда ответы вызванных воспитанников не удовлетворяли его. В такие уроки у него трудно было заслужить отметку 5 и даже 4. Мы боялись таких уроков Ивана Яковлевича.

Иван Яковлевич заботился о подготовке развитых, мыслящих и вооруженных знанием практической жизни учителей для чувашских школ. Он добился удлинения учебного курса в школе до 6 лет, введения в учебный план школы курса сельского хозяйства и логики в объеме не меньше гимназического курса. Преподавание логики он начинал с элементарных курсов, затем переходил к учебнику для гимназий Владиславлева и заканчивал "Логикой" английского автора Минто. Учебником педагогики он объявил труд профессора Юркевича "Курс педагогики", составленный для Педагогического института. По всеобщей истории ввел учебники профессора Виноградова, которые были в несколько раз труднее учебников Иловайского (по истории Иван Яковлевич занимался с нами целыми месяцами вместо преподавателя истории и географии Вас[илия] Никиф[оровича] Никифорова, которого заставлял работать над переводом книг на чувашский язык). По истории он задавал помногу. По логике и педагогике он заставлял нас составлять конспекты. Материал распределялся между воспитанниками по §§. Составивши конспект начерно, каждый воспитанник поздно вечером (иногда часов в 11) должен был идти к Ивану Яковлевичу на квартиру для проверки конспекта. Если конспект понравится Ивану Яковлевичу, он одобрял и угощал

воспитанника чаем или каким-нибудь печеньем. Одобренный им конспект переписывался воспитанником набело. Забракованный конспект он заставлял переделать. На уроке он требовал изложить содержание проконспектированного параграфа сперва по конспекту, потом по учебнику. Кроме того, Иван Яковлевич заставлял нас вести рукописные толковые словари, в которых мы записывали толкования иностранных слов и научных терминов. “Учитесь работать над трудным материалом, тогда легкое будет казаться вам еще легче”, — говорил нам Иван Яковлевич. Мы тогда роптали на него за это, как казалось, искусственное осложнение им учебы, но впоследствии оценили его педагогический принцип и были глубоко благодарны ему. Также благодарны были ему мы за дачу нам сельскохозяйственного образования, так как это помогло нам быть среди чуваш проводниками агрономических знаний; помочь развитию среди чуваш культурного садоводства, огородничества, пчеловодства и полеводства и завоевать больший авторитет среди населения. Большое внимание уделял Иван Яковлевич и практической стороне в подготовке учителей: хорошо была организована у нас педагогическая практика в образцовой школе (в классах женского училища) и сельскохозяйственная практика. Кроме того, мы обучались игре на скрипке, хоровому пению и столярному делу. Эти прикладные знания и навыки очень помогли нам в дальнейшей жизни и помогли нам быть в более тесной связи с чувашским крестьянством и пролетариатом.

Иван Яковлевич очень дорожил связью учителей с народом. Между прочим, ради этого он отказался от идеи ввести форменную одежду для воспитанников Школы, ради этого он поддерживал крестьянский режим питания учащихся (отсутствие чая, питье кваса или сырой воды, горячий завтрак, черный хлеб в большую перемену, обед в 3 часа, ужин в 8 часов). Он готовил действительно **народных** учителей для чуваш.

Иван Яковлевич поддерживал и интерес воспитанников к искусству (музыке, литературе, театру, живописи), но в известных пределах, чтобы не было ущерба общему учебному делу: с его разрешения устраивались литературно-вокально-музыкальные вечера, театральные постановки (например, сцены из “Недоросля”, “Ревизора”, “Бориса Годунова”, “Безденежья” Тургенева, “Леса” Островского, “Скупого рыцаря” Пушкина, инсценировка “Антоня Горемыки” Григоровича, “Бежина луга” Тургенева и др.). Целиком была сыграна нами “Женитьба” Гоголя. Некоторые постановки были проведены нашим классом в нашей спальне. С разрешения Ивана Яковлевича изредка водили нас в городской театр Булычева (напр. на пьесы: “Русская свадьба”, “Наполеон I”, “Две сиротки”, “Ревизор”, “Бедность не порок”), на публичные лекции и вечера (напр., на юбилейный вечер Некрасова).

При нас были проведены елки в рождественские каникулы и два вечера смычки с воспитанницами женской школы. Иван Яковлевич был против танцев и разрешал эти вечера под условием, что не будет танцев. Но на втором вечере немного и потанцевали с разрешения супруги Ивана Яковлевича — Екатерины Алексеевны.

Иван Яковлевич очень не любил бездельников. Он заботился о полной нагрузке воспитанников и преподавателей работой. Большим делом у него было, кроме педагогического дела, дело переводческое, литературное. Он был организатором и председателем Чувашской Переводческой

Комиссии Православ[ного] миссионер[ского] общества. Других легальных литературно-издательских организаций у чуваш в то время не было. Иван Яковлевич считал дело перевода книг на чувашский язык весьма серьезным и ответственным делом. Он заботился о стабилизации чувашского книжного языка, о точном и безукоризненном в литературном отношении переводе и в этом деле применял метод коллективной проверки переводов. Рукописи переводов приносились к нам в класс, запрашивалось наше мнение о приемлемости той или другой вариации перевода фразы. Некоторые, предварительно отпечатанные экземпляры книг рассылались еще в чувашские сельские школы к учителям и членам причта с просьбой ознакомиться с переводом и прислать свои отзывы. Некоторые учителя во время летних каникул вызывались в Школу для участия в переводческой работе. Некоторые переводы и корректурная работа поручались и некоторым из воспитанников. Я лично принимал участие в переводе и исправлении чужих рукописей перевода “Книг для классного чтения” Л.Н.Толстого и “Медицинских листков” Симбирского губернского земства, отчасти в составлении и корректировании “толстого” букваря для чуваш (1902—1903 гг.). Для проверки переводов Иван Яковлевич собирал сотрудников в ночное время, часов в 10, и часто засиживались до полночи. Считая себя ответственным за исправность переводов и за единство чувашского литературного языка, И[ван] Я[ковлевич] ревниво и неодобрительно относился к попыткам казанских работников (Ф.Н.Никифорова, Н.В.Никольского и др.) издавать книжки и брошюры на чувашском языке, минуя Симбирскую комиссию. Его политика несколько тормозила развитие издательского дела, но И[ван] Я[ковлевич] был прав в требовании тщательной обработки переводов прежде издания их. В год окончания курса Симбирской школы И[ван] Я[ковлевич] на лето пригласил меня и некоторых других моих товарищей в Школу для работы по переводу и корректированию печатавшихся переводов. Пришлось работать над “Книгами для классного чтения” Л.Толстого и над “Медицинскими листками”.

Оригинальным литературным творчеством воспитанники — любители поэзии могли заниматься или в моменты передышки в учебе (зимние каникулы, масленица, пасха), или в недели отсутствия Ивана Яковлевича, когда мы были меньше нагружены учебной работой. Свои литературные опыты мы обычно скрывали от глаз наставников. Поэтому думаю, что Иван Яковлевич и не знал о них. Только одно стихотворение одного из наших одноклассников (Фролова) под заглавием “Весна” было продекламировано автором на литературном вечере. У меня тоже было стихотворение под тем же заглавием, но я тщательно скрывал его даже от товарищей. Вот это стихотворение, написанное в 1900 г. и несколько подправленное позднее:

Весна

Заиграло веселее
Солнце в синих небесах;
Стало на дворе теплее
И приятнее в лесах.

Снег холодный растопился,
Побежали ручейки;
Лед за мостом разломился
И понесся вдоль реки.

Уж с полей снят саван белый,
Постлан озими ковер,
То дела Весны бестелой —
Знать, идет уж к нам на двор.

Возвратились к нам с Весною
И крылатые певцы —
Песни принесли с собою.
Всех милее нам скворцы.

Ткут и белят холст мамыши,
Ждут они пасхальных дней.
Наши рыбаки — папаша
Ищут в речке окуней.

Прошумели, прогремели
Развеселой Пасхи дни,
И рабочие недели —
Вновь вернулись к нам они.

Вот уже набухли почки
У деревьев и кустов,
Вот уж вылезли листочки —
Стал прекрасен вид садов.

На лужаечке ягнята
Скачут, прыгают, резвясь,
А веселые ребята
У ворот играют в мяч.

Уж в хозяйствах ладят плуги,
Припасают семена.
Наши сестры, их подруги
Строят грядки у гумна.

Вот в лесу воскрес подснежник,
В поле пахарь зашагал;
Зачирикал стриж-потешник,
Соловей нам засвистал.

Сад благоухает,
Утопая весь в цветках,
Пчел жужжащих привлекает,
Пир сготовив в лепестках.

Так пришла ты, чародейка,
Фея добрая — Весна!
Умерла Зима-злодейка,
Сколь мила ты и красна!

Ты и школам приказала
Год учебный завершить.
Школьникам ты наказала
Всем на отдых поспешить.

Рады мы приказ исполнить:
Испытанья дружно сдать,
Знания свои пополнить,
Отдых наш (свой) в полях создать.

Стихи писали: Ф.Фролов (русский) только на русском языке, Кореньков только на чувашском языке, я и Роман Иванов (Баранов) на обоих языках.

1-го октября 1901 года в нашем (III) классе состоялся первый выпуск журнала “Компания юных поэтов”. Это был своеобразный журнал — летучий. Стихи и заметки собирались редактором (Гавриилом Кореньковым), но не переписывались в особую тетрадь. В объявленный вечер, после ужина, редакция открывалась, и статьи расхватывались читателями и передавались из рук в руки. Некоторые заметки читались вслух всему классу. Материал был преимущественно юмористического, злободневного содержания. Некоторые вещи вызывали дружный хохот всего класса. Вообще веселый был журнал, но он не мог быть долговечным: когда И.Я. вернулся из поездок, уже некогда стало заниматься этим делом. В первом выпуске журнала было и мое стихотворное приветствие новорожденному журналу.

6-го октября того же года в нашем классе зародился второй, более серьезного содержания журнал “Сотрудники” (редактор Григорьев). Номера этого журнала выпускались уже в виде тетрадей, в которые переписывались одобренные редактором статьи и заметки. В № 1 было помещено мое стихотворное приветствие “На открытие журнала “Сотрудники”. Было выпущено только 2 номера этого журнала. О выпуске этих двух журналов знали 2—3 преподавателя, но Ив[ан] Як[овлевич] едва ли знал.

Иван Яковлевич содействовал делу собирания и издания чувашского фольклора. Благодаря ему в чувашский букварь было внесено немало чувашских пословиц, загадок, сказок и анекдотов. Большую поддержку оказал он Н.И.Ашмарину при собирании последним материалов для составления чувашского словаря. Учителя Школы из чуваш и мы (воспитанники), по предложению И[вана] Я[ковлевича], дали Н.И.Ашмарину солидный фонд собранных и записанных нами произведений чувашского фольклора и других материалов. В 1902 году в чувашские деревни была отправлена из Школы целая экспедиция для записи мотивов чувашских песен. Но И[ван] Я[ковлевич] до революции 1905 года не мог издать произведения на чувашском языке оригинального и индивидуально-литературного характера, как “Арсури” Федорова, “Тăхăр ял” Г.Тимофеева, “Мул” Юркина. Эти произведения трудно было

пропустить под ярлыком Миссионерского общества. И[ван] Я[ковлевич] боялся также обвинения в стремлении к национальному сепаратизму чуваш, к созданию национальной чувашской литературы. Царские охранники в то время развернули бешеную агитацию против “инородцев”, в частности против чуваш и против главного деятеля чувашской культуры И.Я.Яковлева. Они добились упразднения должности Инспектора чувашских школ и отстранения, таким образом, Ивана Яковлевича от руководства делом образования чуваш. Добивались отстранения его и от руководства Симбирской чувашской школой, превращения Школы в русскую учительскую семинарию, изгнания из чувашских школ чувашского букваря и родного языка учащихся. Но наступившая через 2 года революция 1905 года временно связала руки и языки ретивых царских “патриотов”.

Иван Яковлевич и вместе с ним все его ученики и сочувствовавшие его делу русские люди тяжело переживали удар, нанесенный врагами чувашского просвещения. Мы, пылкие молодые кандидаты, забросали редакцию “Казанской земской газеты”, где печатались статьи против системы применения родного языка учащихся — “инородцев”, протестующими и опровергающими доводы “русификаторов” статьями, но они не были напечатаны.

Нравственное единство наше с личностью Ивана Яковлевича в этом (1903) году окрепло. Иван Яковлевич и сам стал как-то нежнее относиться к нам. Переводами тогда мы занимались не так долго. Пришло сообщение, что в Казани будут курсы для учителей “инородческих” школ, и мы стали готовиться к поездке на эти курсы. Но пришло новое сообщение об отмене курсов. Тогда решено было, что мы скоро разъедемся по домам. Иван Яковлевич пригласил нас побывать у него на даче. Мы пошли на дачу около дер.Поливны. Иван Яковлевич и Екатерина Алексеевна приняли нас как дорогих гостей — угощали нас чаем и обедом. Иван Яковлевич выдал нам деньги на гостинцы и порекомендовал выкупаться в Волге, что мы и сделали (а нас было, кажется, 9 человек). Этот день остался в памяти как один из светлых дней моей жизни.

Прощались мы с И[ваном] Я[ковлевичем] уже в его квартире. Каждому из нас он сказал, кого куда он рекомендовал назначить учителем. Мне он сказал: “Ты будешь назначен в одно из 3-х училищ Ядринского уезда, так как ты был стипендиатом Ядринского земства. Там свободны места в Аликовском двухклассном, Абызовском двухклассном и Персирланском одноклассном. Я тебе рекомендую взять Персирланское училище! Это важный пункт, эдакий так. Я надеюсь, ты там будешь на месте”. Он добавил, что мы можем пока спокойно сидеть каждый на своей родине и ждать; будет прислано извещение: с директорами народных училищ он договорился. Мы тепло и с благодарностью простились с нашим начальником и учителем. В эту минуту были позабыты все бывшие во время учебы минуты огорчения и досады: все простило сердце Ивану Яковлевичу. Мне хотя нечего было прощать ему, потому что у меня с ним за 4 года не было никаких конфликтов и недоразумений, если не считать моего огорчения во время выпускных экзаменов, испытанного мною из-за того, что сочинение по педагогике заставили написать повторно всех оканчивающих, говоря, что первое сочинение весь класс будто бы списал с книги, хотя я этим делом не занимался. Некоторые из моих товарищей во время учебы испытали карающую руку и даже палку Ивана Яковлевича.

Конечно, были обычно виноваты сами. А Иван Яковлевич был нервный, раздражительный. Особенно он не выносил лжи и бесцеремонного отношения к школьному имуществу и продуктам. Последнее было вполне понятно, если помнить, что Иван Яковлевич из года в год, тяжелым трудом копил и умножал школьное имущество. Он сам раз на уроке логики в шутку давал себе определение: "Кто такой инспектор чувашских школ? — Это человек, который ежегодно что-нибудь строит: если не большое здание, так хоть небольшую колбасу выстроит". Два моих товарища завозились в коридоре и разбили стекло. Доложили И[вану] Я[ковлеви]чу. Он вызвал виновных с урока, обругал "сусликами" и угостил пощечинами: "Суслики, эдакий так, не понимают, что это имущество, денег стоит!" Другой раз в постный день на обед были поданы соленые огурцы. Дежурного преподавателя (наставника) не было. Воспитанники поели огурцов, не наелись, обедом были недовольны. Кто-то швырнул огурец. Некоторые другие стали обстреливать друг друга огурцами. Обстрел продолжался и в коридоре, около вешалок. Вдруг входит Иван Яковлевич. Увидал двух тюрлеминцев, Коренькова и Софрона Иванова, кидавших друг в друга огурцами. Палка Ивана Яковлевича ("дубина Петра Великого" по нашей терминологии) немедленно поднимается в воздух и опускается на спину Софрона и потом Гаврилы Коренькова. Те бежать через кухню вниз, где были пекарня и комодная. Туда же побежали все другие, кто только оставался в столовой. Иван Яковлевич за ними. Воспитанники спрятались в комодной. А И[ван] Я[ковлевич] забежал в пекарню и налетел на сторожа-уборщика, который утром провинился, но прятался от Ивана Яковлевича. Теперь Иван Яковлевич в сердцах занес палку над ним, тот побежал по лестнице вверх, но споткнулся и упал. И[ван] Я[ковлевич] нагнал его и утолил свое сердце.

За ложь, непризнание вины пострадал раз товарищ наш Якку. И[ван] Я[ковлевич] после жалобы сторожа-уборщика, в которого Якку бросил сапог, собрал всех нас в класс и, стараясь вызвать Якку на признание вины, сказал, что виновный, видимо, сам скажет, виноват он или нет. Но Якку не отзывался. Тогда И[ван] Я[ковлевич] стал спрашивать поодиночке: "Не ты ли?" Все, в том числе и Якку, сказали: "Не я". Тогда И[ван] Я[ковлевич], прохаживаясь между рядами парт, вдруг обернулся, и на лице Якку раздался шлепок: "Это ты сделал. А еще не сознаешься!" Но когда дело касалось критики недостатков Школы, И[ван] Я[ковлевич] реагировал иначе. Наш товарищ Иван Сергеев в выпускном сочинении на тему "Что дала мне С.Ч.У. школа?" раскритиковал преподавание в Школе. Иван Я[ковлевич] по этому случаю устроил собрание, на котором признал наличие недостатков в преподавании, но сказал, что лучших преподавателей Школа не могла приобрести из-за недостатка средств, что он, И[ван] Я[ковлевич], прилагал все силы к тому, чтобы дать воспитанникам больше знаний и навыков, но, видимо, не все успели сделать. Он прослезился, и была досада на Сергеева за это огорчение, доставленное нашему руководителю.

Иван Яковлевич действительно много труда клал на Школу. Он и во время болезни не хотел срывать своих уроков и приглашал нас заниматься в "верхний корпус", рядом со своей квартирой. Праздники долгие ему были тягостны. В зимние каникулы, во вторую неделю святок, он приходил в наш класс заниматься по логике. На пасхальной неделе начинал заниматься с нами с четверга. Он подавал пример трудолюбия.

Отношение к религии у Ивана Яковлевича было, по-моему, формальное и официальное: я не видел в нем особенного проявления религиозности. Он имел ум практический, реалистический.

Он был народный деятель, демократ. Он умел подходить к простому народу, к крестьянам. Простые люди доверчиво и с надеждой на помощь шли к нему, и он действительно помогал им и советами и делами. Он искренне заботился о благе чуваш-трудящихся, радовался успехам чувашского народа.

Но Иван Яковлевич боялся разногласий среди чувашской интеллигенции, боялся навлечь на чувашский народ дубину царского правительства, боялся уничтожения чувашской интеллигенции и потери достигнутых результатов. Он, видимо, не верил в победу пролетарской революции, а о власти крупной буржуазии и о парламентаризме он думал, что таким мелким народностям, как чуваша, они ничего не дадут. Он считал более разумным опираться чувашам на покровительство сильных людей и на самого царя. Этим и его официальным положением, надо думать, и объяснялась его тактика в революции 1905—1907 годов, когда он призывал чуваш к спокойствию и умеренности и разошелся во взглядах с передовой чувашской интеллигенцией и революционным крестьянством и пролетариатом.

Летом 1905 года, после совещания в Петербурге по вопросам образования мелких народностей России, И[ван] Я[ковлевич] был в радужном настроении. Я приехал тогда в Симбирск готовиться на аттестат зрелости для поступления в университет. А.С.Степанов (Блинов), Т.М.Матвеев и я решили навестить Ивана Яковлевича. Мы ему сказали, что мы хотим подготовиться в университет. Он ответил: “Хорошее дело вы задумали. Да, надо чувашам пробивать дорогу в университет”. С радостью говорил о повороте в правительственных кругах взглядов на дело просвещения мелких народностей. С удовлетворением сообщил, что у Чувашской школы будет теперь собственная ферма, покупка которой оформляется. Показывал план фермы. Поделился также своим планом организации на территории фермы чувашской женской трудовой колонии для несемейных женщин-чувашек, которых имеется немало. “Это было бы очень хорошо, Иван Яковлевич”, — вставил я свое мнение. “Хорошо — говоришь ты. Конечно, хорошо. А как вот осуществить, эдакий так?” — сказал он, как бы возражая и прося поддержки.

Иван Яковлевич не был рутинером и консерватором в области педагогики и методики обучения. Его живо заинтересовал метод, применявшийся в одной американской школе и изложенный в только что появившейся тогда книге Екатерины Янжул “Американская школа”. Он говорил нам, что элементы этого метода и мы могли бы использовать в чувашских школах. Его заинтересовали предметные уроки по русскому языку, и он быстро внедрил их в чувашских школах, напечатав примерные уроки во 2-й части чувашского букваря. Внедрил он также метод разговорных уроков по русскому языку. Но он справедливо возражал против чисто натурального метода, отвергающего услуги в деле обучения русскому языку со стороны родного языка и преследовавшего цель отучения детей-нацменов от их родного языка. Любовь к прогрессивному в области методики обучения Иван Яковлевич проявил в самом начале своей деятельности на поприще образования чуваш, составив оригинальный чувашский алфавит

из 25 букв. Это замечательно рациональный и легкий алфавит (1872 г.), дающий чувашским ребятам возможность в течение месяца научиться читать и писать на родном языке. Дальнейшие изменения алфавита (замена букв ь и ь буквами ӓ и ӕ и др.) не улучшили, а только ухудшили чувашский алфавит. Это стремление к прогрессивному он сохранял и после.

Последняя моя встреча с Иваном Яковлевичем состоялась осенью (в сентябре) 1906 г. в Уфе. Он приезжал в Уфу на совещание по вопросам образования нерусских национальностей Приуралья. О его приезде в Уфу мне сообщил его крестник — П.А.[А.П.]Петров (Туринге). С ним мы и решили навестить Ивана Яковлевича, остановившегося в номерах “Метрополь”. Мы тихонько постучались в дверь номера. “Войдите”, — попросил знакомый голос. Вошли. И[ван] Я[ковлевич] сидел в кресле в одной нижней сорочке (было ему жарко). Мы сказали, что пришли просто навестить его. Он поблагодарил, узнал нас и справился, как мы очутились в Уфе. Я сказал, что в Казанской губернии оставаться мне стало опасно, и что я прибыл в Уфу, чтобы отсюда пробить дорогу в университет. Он одобрил мое решение и сказал, что он слышал, что я принимал активное участие в революционном движении и пострадал за это. “Теперь я вижу, что ты уцелел, и рад этому. У нас не так-то много культурных работников, и им надо беречь свои головы”, — сказал он. Он начал извиняться, что не знал, что мы могли прийти к нему, и не приготовил угощения. Он дал своему крестнику денег и попросил его дойти до ближайшего фруктового магазина и купить винограда. Мне он заявил, что заболел расстройством желудка, и вышел на время. Петров вернулся с виноградом. Вошел и И[ван] Я[ковлевич]. Он нас радушно угощал виноградом и разговаривал с нами по вопросам просвещения чуваш. Посидев и пожелав И[вану] Я[ковлевичу] здоровья, мы простились с ним и вышли.

Увы! Это было мое последнее свидание с ним. В 1908 году я был в числе поздравлявших Ивана Яковлевича и Симбирскую школу с 40-летием. Я был очень благодарен И[вану] Я[ковлевичу] за издание в 1908 г[оду] ценных литературных произведений на чувашском языке. В 1917 г[оду] я не ездил в Симбирск на общечувашский съезд, а потому не мог встретиться с Иваном Яковлевичем. Слышал я об аресте и освобождении И[вана] Я[ковлевича] в 1918 г[оду]. Затем он переехал в Москву. Я имел фотографию И[вана] Я[ковлевича], но самого не видел.

В 1928 году с удовольствием смотрел на И[вана] Я[ковлевича] на кинокартине “60 лет чувашского алфавита”.

Теперь я с глубоким удовлетворением прочитал в “Учительской газете” сообщение об ознаменовании 100-летия со дня рождения И[вана] Я[ковлевича], заслуги которого перед трудовым чувашским народом и всем государством поистине бессмертны.

Г. Комиссаров

[Научный архив ЧГИГН, отдел II, ед. хр. 143, л. 26—36.]

Из «Программ учебных занятий Симбирской чувашской школы за 1896 г.»

[...] **Церковное пение** изучается в следующем виде:

а) в первом классе в первый год преподается исключительно простое пение. В программу входят утренние и вечерние молитвы, общеупотребительные молитвы из церковного Богослужения и голосовые упражнения. Молитвы утренние и вечерние: Царю Небесный, Отче Наш; Милосердия двери, Спаси Господи люди Твоя, Богородице Дево, Достойно есть, Слава Тебе Господи, молитвы перед и после обеда. Общеупотребительные молитвы за Богослужением из Литургии: Господи помилуй, Благослови душе моя, Слава Отцу и Единородный, Минорная ектения, Во царствии Твоем, Аллилуйя, Сугубая и Заупокойная ектении и ектения об оглашенных, херувимская песнь, просительная ектения, Символ Веры, Милость мира и Тебе поем, Видехом Свет истинный, Да исполнятся уста наша, Благочестивейшего. Из всенощного бдения: предначинательный псалом, Блажен муж, Господи возвах всех гласов, Свете тихий, Господь воцарися, Буде имя господне, воскресные тропари всех гласов, Хвалите имя Господне, Благословен еси, Господи, от юности моя, Воскресение Христово видевшие, Воскресные каноны всех гласов, Утренний Эксапостиларий, Слава в Вышних Богу, Взбранной воеводе. Многие из этих молитв поются на особых языках: на славянском и чувашском. Кроме того, в первый год проходятся тропари двенадцатых праздников по-славянски и по-чувашски. Голосовые упражнения состоят в пении гаммы «до» в восходящем и нисходящем порядке, в пении интервалов простых звуков без объяснения их названий.

Во второй год: повторяются некоторые более трудные песнопения из церковного Богослужения (каноны 6-го, 3-го и 8-го гласов), тропари воскресные и двенадцатых праздников, и проходятся те песнопения, которые не были изучены в первый год. Вновь из простого пения проходится канон на Рождество Христово, канон Святыя Пасхи с тропарями, Эксапостиларии и стихиры, песнопения великопостные: тропари 1-го, 3-го, 6-го и 9-го часов; Се Жених грядет в полночи, Помяни нас, Господи, канон в великую субботу. Все эти песнопения проходятся по-чувашски.

Во второй год в этом классе бывают и теоретические уроки: проходится вкратце и элементарная теория музыки. Определение гаммы и ее ступеней, измененные звуки (диезы и бемоли), название интервалов и их количественная и качественная величина и обращение интервалов. Параллельно с теорией проходятся некоторые более легкие песнопения из переложений Бортнянского: Великий канон, Приидите ублажим, Херувимская №5, Достойно есть, Задостойник на Пасху, Под Твою

милость; Турчанинова: Трипеснец на утрени в великий пяток, Разбойника благоразумного, Да исправится молитва моя, некоторые задостойники, Вечери Твоя тайныя; Львова: Достойно есть, входное и Киевского распева. Так как при пении нотных песнопений приходится иметь дело с осьмыми делениями нот и с некоторыми измененными звуками, то в начале года отводится несколько уроков на голосовые упражнения, цель которых состоит в том, чтобы научить учеников правильно петь осьмые деления нот и замененные звуки (*фа* диез, *соль* диез, *до* диез и *си* бемоль.) С этою целью проходятся гаммы: *соль* мажор, *фа* мажор, *ля* минор и *ре* минор. В таком обыкновенно объеме проходится пение в I классе.

б) Второй класс. Ввиду того, что голоса учеников этого класса находятся в переходном состоянии, то оба года посвящаются теоретическим занятиям. Проходится элементарная теория музыки и краткая теория гармонии. Во второй год изучается теория элементарной музыки. О звуках: музыкальный звук, тембр, низкие и высокие звуки, простые звуки, октавы и ступени, буквенное звукописание. Нотные знаки и нотописание: нотные знаки, деление нот, пятилинейная система, ключи. Интервалы: определение интервалов, тон и полутон, диезы и бемоли, диатонические и хроматические тоны и полутоны, бекар, дубль-диез и дубль-бемоль, количественные и качественные величины интервалов, простые, составные интервалы, обращение интервалов, диатонические и хроматические интервалы, консонансы и диссонансы. Гаммы и лады: диатоническое и хроматическое последование, энгармонизм, тетраорды, мажорная гамма, тоника и доминанта, лад и тональность, минорный лад, мелодическая каденция, минорные гармоническая и мелодическая гаммы, древне-церковные лады, сродство тонов, хроматическая гамма. Транспозиция и транспонировка. Деление нот, деление двухдольное и трехдольное, лига, фермата, паузы. Такты: ритм, простые такты, сильные и слабые части тактов, акценты, сложные такты. Синкопы. Руководством при прохождении теории музыки служит «Учебник элементарной теории музыки» Кашкина.

Во второй год в начале учебного года повторяются из теории музыки те отделы, которые необходимы при прохождении теории гармонии. При прохождении же теории гармонии делаются разборы несложных нотных песнопений из переложений Бортнянского, Турчанинова и Львова. Из теории гармонии проходится: трезвучия: мажорные, минорные, уменьшенные и увеличенные, партитура и голоса, мелодия и гармония, обращения трезвучий, тесная и широкая гармония; движение голосов: прямое, параллельное, косвенное и противоположное; главные аккорды и их голосоведение: аккорд тоника, субдоминантаккорд, субдоминантаккорд с добавочной большой секстой, доминантсептаккорд, уменьшенное трезвучие на седьмой ступени, доминантсептаккорд нонаккорд; различные виды заключений: несовершенное, неполное, полное, совершенное, распространенное, прерванное и ложное. Этим отделом заканчивается теория гармонии во второй год. Руководством при прохождении теории гармонии служат обе части «Курса хорового церковного пения» Смоленского.

[в)] **В третьем классе**, кроме теории гармонии, проходится обиходное пение и методика преподавания церковного пения в сельских училищах. Теория гармонии: главные следования аккордов, наиболее употребительные в церковном пении. Чередование аккордов, переход из

одного лада в другой, модуляция и посредствующие аккорды; случайные гармонические формы: задержания и предъёмы, диатонические и хроматические проходящие ноты, вспомогательные ноты, педаль или органнй пункт, подражания. Обиходное пение: Киевского распева: Господи воззвах, одна стихира и тропарь всех восьми гласов; греческого распева: Благослови душе моя, предначинательный псалом, Достойно и правдоно есть, Свят Свят, Тебе поем на литургии Василия Великого, Вечери Твоя тайныя; Да молчит всякая плоть человека. Пасхальный тропарь и канон. Все восемь гласов знаменного распева. Из методики пения: ознакомление учеников с музыкальными звуками, определение относительной высоты двух, трех и т.д. звуков, упражнения в пении тонов различной высоты, одноголосное пение простейших напевов с голоса, ознакомление с нотами первого и второго тетрахордов гаммы «до» минор, звуки вне предела одной октавы, длительности звуков, ознакомление с несложным размером, пение первых пяти интервалов (в упражнениях должны входить осьмые доли и измененные звуки, **фа** диез, **соль** диез и **си** бемоль), разучивание песнопений с голоса и по нотам, составление хора из учеников сельских училищ и управление хором.

[Центральный госархив ЧР, ф.207, оп.1, ед. хр. 172, л. 6—8. Публикуется впервые.]

Об авторах

Артемьев Юрий Михайлович — окончил историко-филологический факультет Казанского госуниверситета, аспирантуру Института мировой литературы им. А.М.Горького (Москва). Критик-литературовед, член Союза писателей Российской Федерации. Член-корреспондент Национальной академии наук и искусств ЧР, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Чувашского госуниверситета им. И.Н.Ульянова. Автор публикаций (в том числе семи книг) по проблемам литератур народов Поволжья и других регионов России.

Викторов Юрий Васильевич — окончил художественно-графический факультет Чувашского госпедуниверситета им. И.Я.Яковлева, аспирантуру в Московском госпединституте им. В.И. Ленина. Искусствовед, член Союза художников Российской Федерации. Кандидат искусствоведения, доцент, заслуженный деятель искусств Чувашской Республики, заведующий кафедрой теории и истории искусств и рисунка ЧГПУ им. И.Я.Яковлева, старший научный сотрудник отдела искусствоведения ЧГИГН. Автор научных работ по проблемам чувашского изобразительного искусства.

Герасимова Наталья Ивановна — окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Чувашского госуниверситета им. И.Н.Ульянова в 1992 г. Автор публикаций по проблеме влияния христианства на культуру чувашского этноса. В настоящее время под руководством доктора философских наук К.З.Акопяна разрабатывает вопросы происхождения и становления современной этнокультурной системы чувашей.

Кондратьев Михаил Григорьевич — окончил теоретико-композиторский факультет Казанской госконсерватории. Музыковед, член Союза композиторов Российской Федерации. Академик Национальной академии наук и искусств ЧР, Международной академии наук педагогического образования, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств ЧР, заведующий отделом искусствоведения ЧГИГН. Автор исследований по проблемам народного и профессионального музыкального искусства.

Николаев Геннадий Алексеевич — окончил историко-филологический факультет Чувашского госуниверситета им. И.Н.Ульянова, аспирантуру Института истории СССР АН СССР (Москва). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Работает заведующим отделом истории ЧГИГН. Сфера научных интересов — аграрная история Чувашии и Среднего Поволжья.

Тимирязов Елисей Мурзич — окончил исторический факультет Казанского госпединститута, учитель истории, автор ряда статей по истории, образованию, краеведению. Внучатый племянник С.Н.Тимирясова.

Хузангай Атнер Петрович — окончил восточный факультет Ленинградского госуниверситета, аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Востоковед-филолог, член Союза писателей Российской Федерации. Кандидат филологических наук, и.о. профессора Чувашского госуниверситета им. И.Н.Ульянова, заведующий отделом языкознания ЧГИГН. Автор многих публикаций по проблемам развития чувашского языка, поэзии, культурологии, политики.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Яковлеведение: современные контексты.....	5
<i>А.П.Хузангай.</i> Мифологические концепты об И.Я.Яковлеве в контексте официальной идеологии, русского и чувашского национализмов (Опыт деконструкции яковлевского дискурса).....	10
<i>Г.А.Николаев.</i> «Чувашская натура» в воспоминаниях И.Я.Яковлева: некоторые размышления и источниковедческие заметки	19
<i>Ю.М.Артемов.</i> И.Я.Яковлев и некоторые особенности формирования литературно-художественного сознания чувашского народа.....	42
<i>Н.И.Герасимова.</i> Истоки формирования чувашской национальной интеллигенции	53
<i>М.Г.Кондратьев.</i> «Чувашские преобразования» И.Я.Яковлева и начало новой истории чувашской музыки.....	63
<i>Ю.В.Викторов.</i> «С натуры меня никогда никто не срисовывал» (К вопросу об изобразительной яковлевиане).....	101
<i>Е.М.Тимириясов.</i> С.Н.Тимрясов — сподвижник И.Я.Яковлева	115
Приложение [от составителя].....	125
Из «Воспоминаний об Иване Яковлевиче Яковлеве» Г.И.Комиссарова.....	127
Из «Программ учебных занятий Симбирской чувашской школы за 1896 год».....	138
Об авторах.....	141

Издательство «Саранск»
 443012, Саранск, Московская ул., 23, к/п. 1
 Тел.: (8342) 22-22-22
 Факс: (8342) 22-22-22
 E-mail: info@sarsk.ru
 Сайт: www.sarsk.ru

**И. Я. Яковлев
и проблемы яковлеведения**

Сборник статей

Редактор *В. А. Прохорова*
Художественный редактор *А. А. Трофимов*
Технический редактор *В. А. Немцова*
Корректор *Г. И. Алимасова*
Оригинал-макет *Л. Н. Сапоговой*

Подписано к печати
Формат 60x90 ^{1/16}
Бумага офсетная
Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Физ. печ. л. 9,0
Учетно-изд. л. 7,5
Тираж 500
Заказ № 1

14=29

Помните, что владеть сердцем народным вы сможете,
только если не будете чуждаться языка народного.

И. Я. Яковлев
из «Духовного завещания
чувашскому народу»

г. Симбирск
4 августа 1921 г.